

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2026 №1 (62)

январь-февраль

Основан в 2015 году

Казань, 2026

**УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

2026 №1 (62) январь-февраль

Основан в 2015 году

Выходит шесть раз в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-62437 от 27 июля 2015 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Журнал входит в Научную электронную библиотеку (участвует в программе по формированию РИНЦ), договор №269-05/2016 от 05.05.2016 г.

Подписной индекс 80142. Информация размещена в Объединенном каталоге «Пресса России».

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

Адрес учредителя и издателя: 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, тел. 8(843) 231-42-00, office@kstu.ru
Адрес редакции: 420015, Российская Федерация, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, ФГБОУ ВО «КНИТУ»,
Редакция журнала «Управление устойчивым развитием», тел. 8(843) 231-95-93, 8(965) 582-56-53,
e-mail: development_knrtu@mail.ru, uur@corp.knrtu.ru.

Главный редактор: Р. И. Зинурова – д-р социол. наук, проф.

Заместители главного редактора: А. Р. Тузиков – д-р социол. наук, проф., КНИТУ,
П. Н. Осипов – д-р пед. наук, проф., КНИТУ

Редакционная коллегия:

Аксянова А. В. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Алексеев С. А. – канд. социол. наук, доцент, КНИТУ
Ельшин Л. А. – д-р экон. наук, доцент, К(П)ФУ
Ершов А. Н. – д-р социол. наук, проф., К(П)ФУ
Зубок Ю.А. – д-р социол. наук, проф., ФНИСЦ РАН
Ивченков С. Г. – д-р социол. наук, проф., СГУ
Ильдарханова Ч. И. – д-р социол. наук, проф., ГАУЗ
«МКДЦ»
Кондратьев В. В. – д-р пед. наук, проф., КВТКУ
Локосов В. В. – д-р социол. наук, проф., ИСЭПН РАН

Свирина А. А. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ-КАИ
Сафин Р. С. – д-р пед. наук, проф., КГАСУ
Сафиуллин А. Р. – д-р экон. наук, проф., К(П)ФУ
Токтарова В. И. – д-р пед. наук, проф., Марийский
государственный университет
Шагеева Ф. Т. – д-р пед. наук, проф., КНИТУ
Шинкевич А. И. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Шихова О. Ф. – д-р пед. наук, проф., ИжГТУ имени
М.Т. Калашникова

Ответственный секретарь: С. А. Алексеев

Editor-in-Chief: Zinurova R. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.

Deputies of the editor-in-Chief: Tuzikov A. R. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU

Osipov P. N. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU

Editorial Board:

Axayanova A. V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Alekseev S. A. – Cand. Sci. (Sociol.), KNRTU
Elshin L. A. – Dr. Sci. (Econ.), KFU
Ershov A. N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KFU
Zubok Yu.A. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Institute of So-
ciology FNISTs RAS
Ivchenkov S. G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., SSU
Ildarhanova Ch. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., SAIH
«ICDC»
Kondratyev V. V. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KHTCS
Lokosov V. V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., ISESP RAS

Svirina A. A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU-KAI
Safin R. S. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KSUAE
Safiullin A. R. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KFU
Toktarova V. I. – Dr. Sci. (Pedag.), prof., Mari State
University
Shageeva F. T. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU
Shinkevich A. I. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Shikhova O. F. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., IzhGTU
named after M. T. Kalashnikov

Executive Secretary: S. A. Alekseev

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Соловьева Т. С.</i> Глобальные тренды функционирования рынка труда в России	5
<i>Мухаметшин И. Р., Аюпов А. А.</i> Перспективные технологии регулирования качества услуг общественного питания	17
<i>Герасимов К. Б., Туканова А. А.</i> Инновационное развитие рынка труда Самарской области	25
<i>Коваленко П. В., Ершова И. Г.</i> Анализ реализации цифровизации как стратегического приоритета технологического развития регионов	35

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Сергеева З. Х.</i> Учеба – желание или необходимость? Бюджет времени, источники учебной мотивации и «внутренний аскет» студента (по материалам социологического исследования)	45
<i>Тузиков А. Р., Зинурова Р. И.</i> Образы других стран в групповом сознании студенческой молодежи: друзья и недруги	56
<i>Большедворская М. В., Блинникова А. В.</i> Уровень удовлетворенности будущих тренеров услугами спортивных учреждений: анализ и рекомендации по совершенствованию профессиональной подготовки	65
<i>Зинурова Р. И., Тузиков А. Р.</i> Исследовательские кейсы динамики гражданско-патриотического сознания жителей России в информационном контексте специальной военной операции	74

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Вильданов И. Э., Вылегжанина А. В., Сафин Р. С.</i> Актуальные аспекты развития гибких навыков и эстетического мышления у студентов строительного вуза	83
<i>Куришев А. В.</i> Реализация гражданско-патриотического воспитания в ходе физической подготовки студентов вузов	91
<i>Метелева Е. Р., Хлебович Д. И.</i> Как SWOT-анализ может помочь в формировании системного и критического мышления будущего специалиста	98
<i>Сережкина А. Е.</i> Анализ гендерных особенностей отношения преподавателей вузов к профессиональному повышению квалификации в области цифровых информационных технологий	112

JOURNAL CONTENTS

ECONOMICS

<i>Soloveva T. S.</i> Global trends shaping the Russian labor market	5
<i>Mukhametshin I. R., Ayupov A. A.</i> Promising technologies for regulating the quality of public food services	17
<i>Gerasimov K. B., Tukanova A. A.</i> Innovative development of the Samara region labor market	25
<i>Kovalenko P. V., Ershova I. G.</i> Analysis of the implementation of digitalization as a strategic priority of technological development at the state level	35

SOCIOLOGY

<i>Sergeeva Z. H.</i> Is studying a desire or a necessity? Time budget, sources of student motivation, and the student's «inner askete» (based on sociological research data)	45
<i>Tuzikov A. R., Zinurova R. I.</i> Images of other countries in the group consciousness of student youth: friends and foes	56
<i>Bolshedvorskaya M. V., Blinnikova A. V.</i> Level of satisfaction of future coaches with sports institutions' services: analysis and recommendations for improving professional training	65
<i>Tuzikov A. R., Zinurova R. I.</i> Research cases on the dynamics of the civic and patriotic consciousness of Russian citizens in the information context of the special military operation	74

PEDAGOGICS

<i>Vildanov I. E., Vylegzhanina A. V., Safin R. S.</i> Current aspects of developing soft skills and aesthetic thinking in students of a construction university	83
<i>Kurshev A. V.</i> Realization of civil-patriotic education during physical training of university students	91
<i>Meteleva E. R., Khlebovich D. I.</i> How swot analysis can foster systemic and critical thinking for a future specialist	98
<i>Serezhkina A. E.</i> Analysis of gender characteristics of university teacher's attitude to professional training in the field of digital information technologies	112

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 331.52

DOI: 10.55421/2499992X_2026_1_5

Т. С. Соловьева**ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА В РОССИИ**

Ключевые слова: рынок труда, занятость, безработица, спрос, предложение, мегатренды.

В силу того, что труд выступает одним из ключевых факторов производства, рынок труда и обеспечение его сбалансированности являются одними из важнейших вопросов как в академическом, так и в управленческом дискурсе. Это обусловлено тем, что соотношение спроса на рабочие места и предложения труда прямо и косвенно воздействует на параметры заработной платы, объемов производства, уровня цен и потребления, трудовой и социальной мобильности и т. д. При этом развитие рынка труда конкретной территории во многом зависит от глобальных факторов, влияющих на его динамику. В связи с этим в работе рассматриваются глобальные тренды, определяющие функционирование рынка труда в России в настоящее время. Процессы демографического старения, автоматизации и цифровизации, геополитической нестабильности, экологизации производства, социокультурные трансформации формируют векторы его развития в настоящее время и на перспективу. С использованием данных официальной статистики, социологических опросов и экспертных оценок выявлена специфика воздействия глобальных тенденций на российский рынок труда. Показано, что в настоящее время он находится под влиянием демографического, инновационно-технологического, интеллектуально-квалификационного, социокультурного, экологического вызовов. Определены позитивные и негативные последствия их действия. Отмечена необходимость совершенствования политики в сфере занятости в направлении адаптации рынка труда к происходящим трансформациям. Особенно актуализируются вопросы повышения гибкости системы подготовки и переподготовки кадров, модернизации институциональной среды, прогнозирования развития рынка труда, активизации социального партнерства в решении имеющихся проблем, проведения взвешенной миграционной политики, снижения масштабов занятости в неформальном секторе.

T. S. Soloveva**GLOBAL TRENDS SHAPING THE RUSSIAN LABOR MARKET**

Keywords: labor market, employment, unemployment, demand, supply, megatrends.

Due to the fact that labor is one of the key factors of production, the labor market and ensuring its balance are among the most important issues in both academic and managerial discourse. This is because the ratio of job demand and labor supply directly and indirectly influences the parameters of wages, production volumes, prices, and consumption, as well as labor and social mobility, among other factors. Simultaneously, the development of the labor market in a specific area is heavily influenced by global factors that shape its dynamics. In this regard, the paper explores global trends that influence the current functioning of the labor market in Russia. The processes of demographic aging, automation and digitalization, geopolitical instability, the greening of production, and socio-cultural transformations are shaping the vectors of its development at present and in the future. Employing official statistical data, as well as sociological research and expert opinions, we have delineated the specific features of the influence of global trends on the labour market in Russia. It is evident that the current state of affairs is currently facing a multitude of challenges, including demographic, innovative/ technological, intellectual, socio-cultural and environmental ones. The positive and negative effects of their actions have been identified. The author emphasizes the need to improve employment policies in order to better adapt the labor market to ongoing transformations. Particularly pressing are the issues of increasing the flexibility of the system of training and retraining of personnel, modernizing the institutional environment, forecasting the development of the labor market, activating social partnership in solving existing problems, implementing a balanced migration policy, and reducing the scale of employment in the informal sector.

Современные условия глобальной нестабильности актуализируют вопросы обеспечения национальной и экономической безопасности. Наряду с технико-технологическими, производственными, энергетическими, сырьевыми, экологическими и иными составляющими одним из значимых элементов системы экономической безопасности выступает состояние рынка труда. Его конъюнктура во многом определяет возможности динамики объемов производства и производительности труда, инфляционные процессы, уровень доходов населения, социальную стабильность и т. д. Неслучайно вопросы устранения диспропорций в развитии рынка труда, содействия эффективной занятости и мобильности трудовых ресурсов, повышения уровня профессиональной подготовки специалистов находятся в фокусе внимания управленческого сообщества и обозначены в качестве стратегических приоритетов Российской Федерации во многих стратегических документах развития страны (Стратегия национальной безопасности, Стратегия пространственного развития до 2030 года, Стратегия экономической безопасности до 2030 года и др.).

В России сложилась модель рынка труда, которая в периоды кризисов характеризуется сокращением рабочего времени и размеров реальной заработной платы, что способствует сохранению стабильно высокого уровня занятости и низкой безработицы [1]. Однако низкий уровень безработицы не является исключительно положительным явлением, поскольку за ним могут скрываться проблемы нехватки кадров, скрытой и структурной безработицы [2, с. 6]. Более чувствительны в данном отношении показатели спроса и предложения на рынке труда, поэтому ключевой проблемой для российской экономики является именно дефицит кадров в результате их несоответствия. Основными

причинами этого выступают резкие сдвиги со стороны спроса и предложения на труд, перегрев экономики [3], негибкость заработной платы в плане ее роста [4] и др.

В то же время на сложившуюся ситуацию оказывают влияние происходящие в мире трансформации различной природы, в т. ч. обуславливая возникновение и усугубление обозначенных выше проблем. Среди глобальных факторов, определяющих динамику российского рынка труда, значительную роль играют процессы глобализации, цифровизации, демографического старения, экологических изменений и т. д., что приводит к количественным и качественным сдвигам в составе населения и структуре рабочих мест, трансформации форм занятости, изменению требований работодателей к компетенциям соискателей [5, с. 111] и иным явлениям, провоцирующим возникновение дисбалансов спроса и предложения рабочей силы. В связи с этим в рамках настоящей статьи рассмотрим глобальные вызовы, формирующие настоящее и будущее российского рынка труда.

Одним из самых значимых глобальных факторов динамики российского рынка труда является *демографический*. В данном случае в первую очередь речь идет о процессе демографического старения населения вследствие роста ожидаемой продолжительности жизни и снижения рождаемости. В результате происходит сокращение численности населения трудоспособного возраста, что сужает масштабы рабочей силы и может негативно сказаться на производительности труда и нагрузке на пенсионную систему. В России и всех ее макрорегионах в период 1990–2024 гг. происходит снижение доли лиц моложе трудоспособного возраста и повышение удельного веса населения старших возрастов (для первой категории – на 6 п. п., для второй – на 4,9 п. п.; табл. 1).

Таблица 1 – Структура населения России по основным возрастным группам в 1990–2024 гг., % от общей численности населения, на 1 января (составлено автором по данным Росстата, расчеты автора (коэффициент замещения трудовых ресурсов рассчитывался без учета половозрастной смертности и миграции))

Территория	Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста		Коэффициент замещения трудовых ресурсов	
	1990 г.	2024 г.	1990 г.	2024 г.	1990 г.	2024 г.	1990 г.	2024 г.
РФ	24,4	18,4	56,8	58,0	18,7	23,6	1303	832
Центральный ФО	21,0	16,5	56,3	57,8	22,7	25,7	1081	696
Северо-Западный ФО	23,2	16,2	58,5	59,0	18,2	24,8	1275	704
Южный ФО	26,1	17,9	55,2	58,0	18,8	24,1	1441	835
Северо-Кавказский ФО	н.д.	23,3	н.д.	60,1	н.д.	16,6	-	1166
Приволжский ФО	24,8	18,2	56,2	56,9	19,1	24,9	1253	785
Уральский ФО	26,2	20,3	57,7	57,6	16,1	22,1	1449	957
Сибирский ФО	27,2	20,0	57,0	57,4	15,8	22,6	1422	1004
Дальневосточный ФО	27,8	20,1	61,6	59,6	10,6	20,3	2131	1046

Постепенное повышение возраста выхода на пенсию с 2018 г. несколько сдержало сужение группы населения трудоспособного возраста. Однако старение демографической структуры в перспективе сохранится: по данным Росстата, к 2046 году доля лиц старше 60 лет достигнет 27 % общей численности населения [6]. Это согласуется и с глобальными оценками: по прогнозу ООН значение данного показателя в мире удвоится к 2050 году и составит 22 % [7]. Кроме того, с 1990 г. коэффициент замещения трудовых ресурсов в России сократился в полтора раза, что говорит о том, что соотношение численности поколений, вступающих в трудоспособный возраст и численности граждан, выходящих из него, уменьшается. Это значит, что восполнения «потерь» в масштабах ключевой для рынка труда группы населения со стороны лиц моложе трудоспособного возраста не происходит. С точки зрения долгосрочной перспективы данные тенденции, в частности, сокращение доли населения в молодых возрастах, может способствовать возникновению нехватки специалистов на начальные должности в организациях, росту конкуренции за молодые кадры, а также необходимости поиска дополнительных стимулов для более «возрастных» работников оставаться в составе рабочей силы.

Потери для российского рынка труда, связанные с негативными трансформациями возрастной структуры населения, не восполняются иммиграционными потоками. А начиная с 2020 г., в силу влияния пандемии и повышения геополитической напряженности миграционное сальдо резко снизилось, и в результате на 2024 г. миграционный прирост только на 20 % компенсировал естественную убыль населения [8]. Сложившаяся ситуация также может способствовать усилению нехватки рабочей силы в определенных отраслях (например, в строительстве), а также изменениям в структуре занятости.

Другим определяющим трендом современности, оказывающим влияние на российский рынок труда, является *инновационно-технологический*. В первую очередь это связано с активным распространением процессов автоматизации и цифровизации во всех сферах жизнедеятельности человека. Они позволяют оптимизировать бизнес-процессы в организациях, сократить транзакционные издержки, повысить производительность труда. В России, по данным НИУ ВШЭ, системы автоматизации бизнес-процессов применяет порядка 76 % компаний, также весьма востребованными являются цифровые платформы и технологии больших данных [9]. При этом цифровые технологии наибо-

лее востребованы при производстве и разработке товаров и услуг (около 51 % и 29 % организаций соответственно).

Цифровизация также способствует появлению новых рабочих мест не только в сфере IT, но и в иных отраслях, где используются новые технологии, а также модернизации уже имеющихся. Вхождение России в топ-25 стран по показателю плотности роботизации к 2030 году было обозначено в Указе Президента РФ о национальных целях развития страны [10], а в рамках Национального проекта «Средства производства и автоматизации» к 2030 году данный показатель должен достичь значения 145 единиц на 10 тысяч человек, занятых в промышленности [11].

По данным Росстата, на 2024 год в России использовалось 20 864 промышленных робота, что на 62 % больше, чем в 2023 г. (см. рисунок). Однако в расчете на 10 000 работников приходилось всего 29 роботов при мировом среднем уровне в 162 робота на 10 000 работников [12]. Значительная часть из них сосредоточена в промышленном производстве Центрального и Приволжского федеральных округов (36 % и 28 % соответственно). Наибольшие темпы прироста при этом демонстрировал Северо-Кавказский федеральный округ (более чем в 8 раз) в силу эффекта низкой базы. В то же время плотность промышленной роботизации как по стране в целом, так и по отдельным макрорегионам невелика. Наибольшие значения характерны для Северо-Западного и Приволжского федеральных округов (30 и 23 робота на 10 тыс. занятых соответственно). Масштабы складской и логистической роботизации существенно выше: на 2024 год был внедрен 221 робот на 10 тыс. работников. По данному показателю лидируют Приволжский и Центральный федеральные округа (394 и 294 робота на 10 тыс. занятых).

Автоматизация и роботизация производственных процессов порождает дискуссии о возможном замещении человеческого труда машинным [13]. Более высокие значения показателей характеризуют большую степень автоматизации, т.е. предполагается, что все больше задач выполняется не людьми, а роботами. Однако, по мнению специалистов, риски технологической безработицы в России невелики: удельный вес рабочих мест, которые могут в перспективе подвергнуться ей, составляет порядка 10 % [14]. С другой стороны, эксперты также отмечают нехватку квалифицированных кадров как фактор, сдерживающий темпы роботизации: их не хватает как на производстве роботов, так и в организациях, где они внедряются [15].

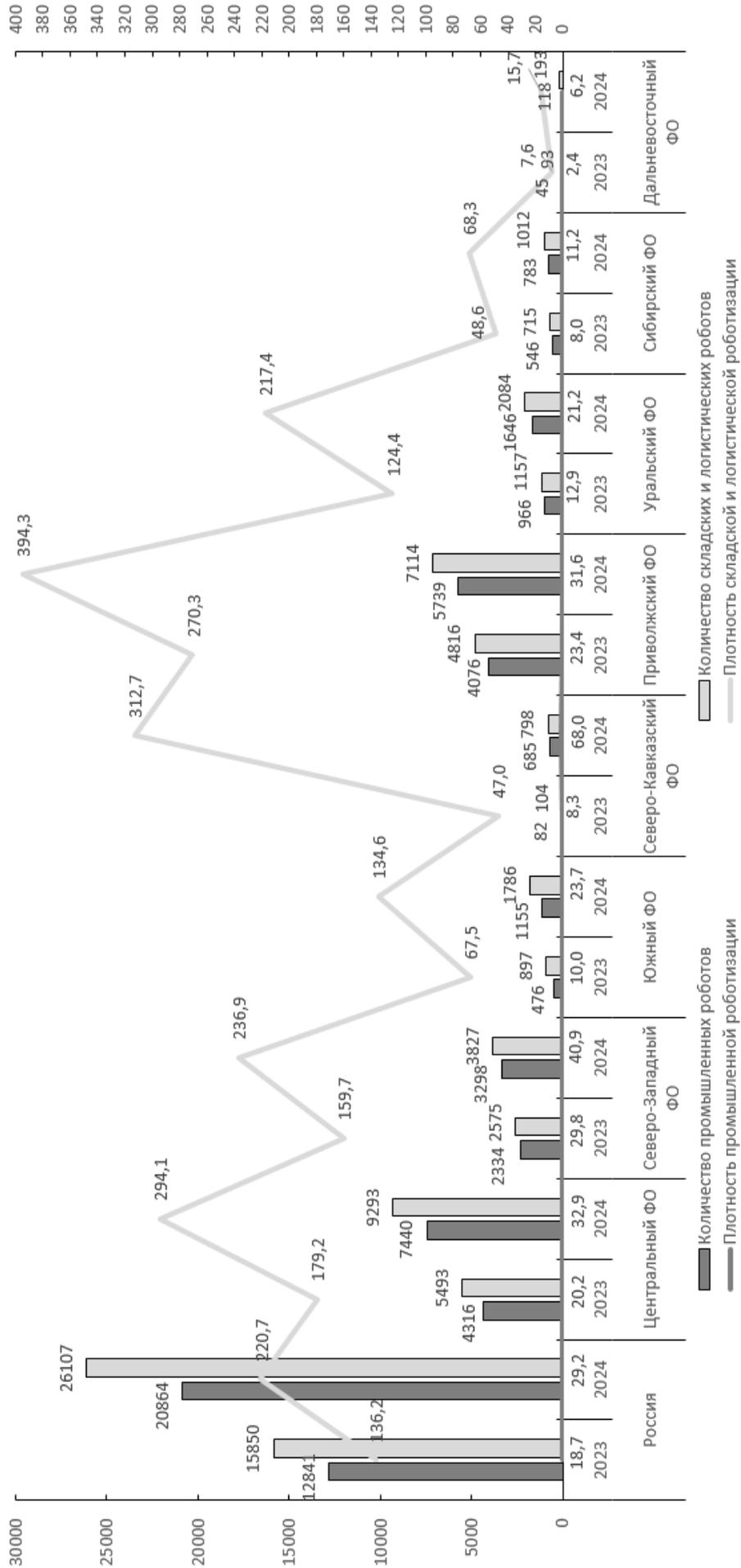

Рисунок – Показатели развития роботизации в России, 2023–2024 гг. (рассчитано автором на данных Росстата, плотность роботизации рассчитывалась как отношение количества применяемых роботов в соответствующей отрасли на 10 000 работников)

История показывает, что технологические изменения порождают не безработицу, а структурные трансформации в занятости [16, с. 66-67]. Перестройка производства и потребления вследствие развития технологий модифицирует спрос на рабочую силу и способствует появлению новых рабочих мест (в сфере ИТ, биомедицины, альтернативной энергетики и др.). Так, на 2025 г. ИТ-специалисты остаются самыми востребованными на рынке труда России, в частности, высок спрос на ВІ-аналитиков, аналитиков данных, гейм-дизайнеров [17, 18]. В то же время увеличение производительности труда может провоцировать неравномерный рост заработных плат, который также влияет на изменение структуры спроса на кадры с высокой и низкой квалификацией, трансформируя структуру занятости и усиливая поляризацию рынка труда [19, с. 13-14]. Но оценки показывают, что подобная ситуация для России нехарактерна, поскольку происходит сокращение доли и тех, и других рабочих мест [20]. В то же время при росте количества цифровых технологий может усилиться конкуренция между работниками в случае формирования рынка труда с высокой степенью автоматизации и цифровизации.

Еще одним значительным последствием влияния цифровизации на рынок труда является возникновение гибких форм занятости [21], что может носить как позитивный, так и негативный характер. С одной стороны, использование удаленных/дистанционных форматов работы позволяет снизить пространственные и физические барьеры трудоустройства [22], обеспечить оптимальный баланс «работа-семья» [23], повысить производительность и экономический рост [24] и т.д.

С другой точки зрения, существует ряд рисков таких как: дефицит коммуникации, ухудшение качества работы, рост объемов и времени работы и др. [25, с. 104]. В России и в мире катализатором распространения данных видов занятости стала пандемия коронавируса, когда только за 2020 год масштабы удаленной занятости выросли в пять раз [26]. Далее численность работающих из дома постепенно стала снижаться, но по-прежнему превышала показатели 2019 г. В настоящее время стал более популярен тренд на гибридную занятость, предполагающую смешанный формат работы. Согласно опросу, проведенному в 2024 году компанией Level Group, 42 % россиян предпочитают именно гибридный режим, позволяющий им экономить время на дорогу от работы до дома и эффективнее совмещать рабочие и домашние обязанности [27].

Еще одним быстрорастущим сегментом является платформенная занятость, объемы которой в России в 2024 г. составили 16 % [28, с. 5], причем с развитием самозанятости она становится все более формализованной (54 %). Трудовые платформы также вносят вклад в развитие инклюзивной занятости, расширяя возможности трудоустройства уязвимых групп населения. Однако для таких работников сохраняются риски неопределенности правового статуса, отсутствия социальных гарантий и др. [29], которые предполагаются к устранению с принятием закона «О платформенной экономике в Российской Федерации» [30]. В то же время распространение нестандартных форм занятости может быть сопряжено с прекаризацией социально-трудовых отношений. В более ранних работах нами было показано, что принадлежность работника к нестандартно занятым существенно увеличивает риски прекаризации (в случае нестандартной занятости доля неустойчиво занятых составляет 69 % против 31 % среди стандартно трудоустроенных) [31, с. 53]. Неустойчивость занятости негативно сказывается на уровне и качестве жизни работников и их социальной защищенности.

И, наконец, автоматизация и цифровизация рабочих процессов приводят к необходимости владения работниками определенным набором навыков, в т. ч. цифровых. Здесь мы плавно переходим к следующему глобальному вызову для российского рынка труда – *интеллектуальному/квалификационному*. Успешное выполнение многих трудовых задач, связанных с технологиями, ставит вопрос о повышении требований к квалификации работников. Причем это касается не только «жестких», но и «мягких» навыков. В результате работодатели предъявляют определенные требования к квалификации соискателя, которые могут быть сложно выполняемы или он может не соответствовать им, вследствие чего возникает дефицит кадров с определенной квалификацией, т. н. «квалификационный разрыв» [32].

Он может возникать не только по причине возникновения новых технологий и изменения требований к компетенциям, но и в итоге несоответствия уровня и качества подготовки выпускников запросам экономики и работодателей, особенно в плане практических навыков. Это влечет за собой трудности трудоустройства для молодых специалистов и росту затрат работодателей на обучение/переобучение на рабочем месте. Данные Комплексного наблюдения условий жизни населения, проводимого Росстатом, позволяют говорить о том, что только порядка половины работников имеют специальность, соответствующую выполняемой ими работе (табл. 2).

Таблица 2 – Соответствие полученной специальности выполняемой работе, 2011–2024 гг., % [33]

Соответствие работы полученной специальности	Доля занятого населения							2024 г. к 2011, п.п.
	2011	2014	2016	2018	2020	2022	2024	
Полностью соответствует специальности	45,3	46,4	46,7	46,9	46,8	49,1	53,4	8,1
Близка к специальности	14,6	17,4	18,1	17,6	19,9	19,4	17,0	2,4
Не соответствует специальности	39,6	36,2	35,0	35,5	33,2	31,5	29,6	-10,0
Доля населения, не работающего по специальности, прошедшая для этого профессиональную переподготовку	38,7	37,1	37,7	43,1	43,3	43,3	45,2	6,5

Доля тех, у кого работа не соответствует специальности, хотя и сократилась на 10 п. п. за период 2011–2024 гг., составляет порядка трети всех занятых. При этом удельный вес работников, трудоустроенных не по специальности, но прошедших для этого профессиональную переподготовку вырос на 6,5 п. п. и достиг почти половины от общей численности (45 %). В то же время получается, что 55 % из них не проходят переобучение, что, по мнению экспертов, может свидетельствовать о примитивизации занятости, поскольку они не овладевают новыми знаниями и компетенциями, а переходят к более простой работе [34, с. 997].

Профессионально-квалификационный дисбаланс выражается и в недо- и сверхквалификации работников. На 2023 год в России на должностях специалистов среднего уровня квалификации работало около 27 % людей с высшим образованием, а среди руководителей и специалистов высшего уровня квалификации – 20 % и 18 % без него соответственно [35]. Подобная ситуация может приводить к недоиспользованию трудового потенциала, потерям в заработной плате, неудовлетворенности различными сторонами трудовой деятельности.

В сложившихся условиях повышается конкуренция за таланты и еще более актуализируется значимость обучения на протяжении всей жизни, так как экстенсивные способы восполнения дефицита кадров себя исчерпали. В данном случае одним из ключевых препятствий является невысокая культура переобучения и неосознаваемость ценности непрерывного образования [36, с. 37-38], что

приводит к следующему глобальному вызову – *социокультурному*. Помимо этого, он выражается в ценностных трансформациях и в иных аспектах. Так, со снижением безработицы и ростом заработных плат их значимость при выборе места работы становится менее важной (табл. 3), однако по-прежнему можно констатировать доминирование инструментальных трудовых ценностей. В то же время наличие гибкого графика, возможности профессиональной самореализации, предоставления хороших условий труда оказываются в большей степени привлекательны для населения.

Все это говорит о том, что работники отмечают повышение значимости личностного роста, реализации своего потенциала, баланса между личной и профессиональной жизнью. А, значит, ожидают более гибкого режима работы и системы вознаграждения, которая должна включать не только заработную плату и социальные гарантии, но и возможности профессионального и личностного развития. Неудовлетворенность таких ожиданий может негативно сказываться на производительности работников, приводя к возникновению новых явлений на рынке труда. В частности, в последние годы широкое распространение получил термин «тихое увольнение» (*quiet quitting*), когда человек формально выполняет свои должностные обязанности, но не выходит за их рамки и демонстрирует низкую вовлеченность в работу [37]. По данным Superjob на 2024 год, каждая третья организация в России сталкивалась с данной ситуацией, и в 13 % случаев «тихое» увольнение оборачивалось реальным [38]. При этом среди причин чаще всего назывались усталость и выгорание (52 %) и отсутствие перспектив карьерного роста (51 %).

Таблица 3 – Значимость различных факторов при трудоустройстве, 2004–2024 гг., % [39].

Фактор	Доля населения							2024 г. к 2004, п.п.
	2004	2007	2011	2013	2020	2022	2024	
Размер заработной платы	74	74	72	71	51	61	50	-24
Удобный режим, график работы	21	22	23	24	27	30	31	10
Возможность профессиональной самореализации	23	28	23	25	25	22	28	5
Предоставление социальных гарантий	33	37	30	26	31	28	26	-7
Хорошие условия труда	18	22	17	15	19	17	22	4

*Указаны только варианты ответов с долей, превышающей 20 %.

Еще одним значимым в данном плане аспектом является изменение характера и содержания труда, в т. ч. под воздействием цифровых технологий. Происходит видоизменение и исчезновение старых и появление новых трудовых функций, требований к квалификации, трансформации общественных форм организации труда и т. д. Ключевым императивом становится гибкость [40]: формы и модели трудовых отношений, рабочая среда, поведение субъектов рынка труда эволюционируют в сторону гибкости и адаптивности. Развитие удаленной/дистанционной/платформенной занятости привело к потере привязанности к физическому месту работы и расширило возможности доступа к рынку труда, в т. ч. для уязвимых категорий населения. Одновременно с этим возникает потребность в постоянном переобучении работников и разработке адекватных механизмов их социальной защиты для адаптации к меняющимся условиям труда.

Изменения в корпоративной культуре проявляются не только в создании более гибкой рабочей среды и в учете потребностей сотрудников, но и в повышении инклюзивности, т. е. обеспечении равных возможностей доступа к рабочим местам для всех кандидатов независимо от их пола, возраста, убеждений, состояния здоровья и т. д. Тем не менее в России, например, в отношении инвалидов складывается такая ситуация, что работодатели неохотно принимают их на работу. По мнению специалистов, они зачастую не готовы к коммуникации с инвалидами даже при проведении собеседования, поскольку не понимают, как выстраивать диалог, а также появляется проблема организации соответствующего рабочего места [41, с. 58].

Наряду с обеспечением комфортной атмосферы и баланса «семья-работа» важным принципом становится экологическая ответственность организации. Так, согласно опросу

НАФИ, на 2024 год 80 % молодежи при выборе работодателя учитывают соблюдение экологической ответственности, причем за последние два года их доля выросла на 6 п.п. [42]. Это говорит о том, что ESG-повестка и, ориентация на экологичность выступают значимым глобальным трендом, влияющим на рынок труда. По мнению экспертов МВФ, экологический вызов вкупе с экономическими, демографическими и технологическими изменениями выступает одним из ключевых для будущего сферы труда [43, с. 5-6].

Данный тренд проявляется в повышении экологизации рынка труда, подразумевающей не только рост экологической ответственности, но и создание «зеленых» рабочих мест; появление новых профессий, связанных с обеспечением перехода к устойчивому развитию; адаптацию существующих профессий к новым экологическим стандартам. В то же время в России основной акцент при реализации политики «зеленой» экономики делается на снижении негативного влияния на окружающую среду, а не на создании соответствующих рабочих мест, в результате процесс их внедрения происходит очень медленными темпами [44, с. 166]. Тем не менее, все больше организаций, повышая привлекательность в глазах соискателей и инвесторов/партнеров, интегрируют ESG-принципы в свою работу, что увеличивает спрос на специалистов в данной сфере. По данным портала «Авито Работа» за 2023–2024 год, спрос на кадры с ESG-навыками вырос на 22 %, при этом более всего востребованы ветеринары-реабилитологи (рост на 44 %), менеджеры по бережливому производству (на 37 %) и инженеры-экологи (на 33 %; табл. 4). Последние входят в топ-3 самых высокооплачиваемых в данной сфере со средней предлагаемой зарплатой порядка 79 тыс. руб. (после экологов строительного производства – 109 тыс. руб. и экопроектировщиков – 80 тыс. руб.).

Таблица 4 – Динамика спроса на самых востребованных ESG-специалистов на российском рынке труда [45].

Профессия	2024 г. к 2023 г., %	Средняя заработная плата за полный день, руб.
Ветеринар-реабилитолог	44	67037
Менеджер по бережливому производству	37	70462
Инженер-эколог	33	79209
Эколог-логист	27	76217
Биотехнолог	16	71480

Таким образом, современный этап эволюции мировой экономической системы характеризуется наличием ряда глобальных мегатрендов, которые во многом определяют изменение ситуации на российском рынке труда. Процессы демографического старения, автоматизации и цифровизации, геополитической нестабильности, экологизации производства, социокультурные трансформации и т.д. формируют векторы его развития в настоящее время и на перспективу. В результате, с одной стороны, расширяются возможности для доступа к рынку труда, оптимизируются рабочие процессы, появляются новые рабочие места и профессии, повышается социальная и экологическая ответственность работодателей и др. С другой стороны, наблюдается сужение предложения рабочей силы и его

несоответствие запросам экономики, кадровый дефицит, невысокая производительность труда, трансформация спроса на навыки и компетенции. В сложившихся условиях представляется значимым совершенствование политики в сфере занятости в направлении адаптации рынка труда к происходящим изменениям. Особенно актуализируются вопросы повышения гибкости системы подготовки и переподготовки кадров, модернизации институциональной среды, прогнозирования развития рынка труда, активизации социального партнерства в решении имеющихся проблем, проведения взвешенной миграционной политики, снижения масштабов занятости в неформальном секторе и т. д.

Литература

1. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов // Вопросы экономики. 2023. № 8. С. 5-37. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37. EDN: USUZBY.
2. Madgavkar A., White O., Smit S., Bradley C., Luby R., Neary M. Help wanted: Charting the challenge of tight labor markets in advanced economies. New York: McKinsey Global Institute, 2024. 31 p.
3. Капелюшников Р.И. Кривая Бевериджа: что она говорит о ситуации на российском рынке труда? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 4 (65). С. 246-258. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_246-258. EDN: GTYWHS.
4. Капелюшников Р.И. Экспансия вакансий на российском рынке труда: динамика, структура, триггеры // Вопросы экономики. 2024. № 7. С. 81-111. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-7-81-111. EDN: FWPMZT.
5. Попов А.В., Соловьева Т.С. Трансформация занятости в России в ракурсе межстрановых сравнений // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 1. С. 110-122. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.9. EDN: PFZXCA.
6. Росстат. Предположительная численность населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (дата обращения: 05.12.2025).
7. World Population Prospects 2024, Online Edition. POP/DB/WPP/Rev.2024/POP/F03-1. URL: <https://population.un.org/wpp/> <https://www.kommersant.ru/doc/6378120> (дата обращения: 05.12.2025).
8. Щербакова Е.М. Демографические итоги I полугодия 2024 года в России (часть I). Демоскоп Weekly. 2024. № 1043-10442. URL: <https://demoscope.ru/weekly/2024/010431/barom01.php> (дата обращения: 05.12.2025).
9. Абдрахманова Г.И., Зинина Т.С., Киселева Е.В., Нечаева Е.Г., Рудник П.Б., Фролов М.С. Цифровые технологии в бизнесе: практики и барьеры использования. Мониторинг цифровой трансформации бизнеса. Вып.1. Москва: НИУ ВШЭ, 2023. 16 с.
10. Официальное опубликование правовых актов. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации № 309 от 07.05.2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?index=7> (дата обращения: 05.12.2025).
11. Национальные проекты. Национальный проект «Средства производства и автоматизации». URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/sredstva-proizvodstva-i-avtomatizatsii/> (дата обращения: 05.12.2025).
12. IFR. World Robotics – Industrial Robots. URL: <https://ifr.org/wr-industrial-robots> (дата обращения: 05.12.2025).
13. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and jobs: evidence from US labor markets // Journal of Political Economy. 2020. Vol. 128 (6). pp. 2188-2244. DOI: 10.1086/705716. EDN: SUEWLL.
14. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Рутинность и риски автоматизации на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 68-94. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-68-94. EDN: HSIVVK.
15. ROBOTUNION.RU. Промышленные роботы в 2023-2024 гг. в России. URL: <https://robotunion.ru/prom23-24> (дата обращения: 05.12.2025).

16. Ляшок В., Малева Т., Лопатина М. Влияние новых технологий на рынок труда: прошлые уроки и новые вызовы // Экономическая политика. 2020. № 15 (4). С. 62-87. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-4-62-87. EDN: LVKPV1.
17. Российская газета. Мамонова Е. ИТ-специалисты остаются самыми востребованными на рынке труда. URL: <https://rg.ru/2025/03/05/kod-vsemu-golova.html> (дата обращения: 05.12.2025).
18. Российская газета. Ефремова С. Спрос на производственников и ИТ-специалистов вырос в несколько раз. URL: <https://rg.ru/2025/05/17/spros-na-proizvodstvennikov-i-it-specialistov-vyros-v-neskolko-raz.html> (дата обращения: 05.12.2025).
19. Nanyar G., Pleninger R., Vorisek D., Yu S. Digitalization and Inclusive Growth: A Review of the Evidence // Policy Research Working Paper Series. 2024. Vol. 10941. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099010010022412266/pdf/IDU-801d6a1a-38fa-4766-9bf8-9382ed4cb0b7.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).
20. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Поляризация или улучшение? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы // Вопросы экономики. 2015. № 7. С. 87-119. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-7-87-119. EDN: TZFVXB.
21. Becchetti L., Salustri F., Solferino N. The new industrial revolution: The optimal choice for flexible work companies // Journal of Economic Interaction and Coordination. 2024. Vol. 20 (1). P. 237-271. DOI: 10.1007/s11403-024-00418-y.
22. Липатов В.А., Соломахин А.А., Некрылов И.И., Сирбиладзе К.К., Иванов А.А. Цифровая трансформация рынка труда для лиц с ограниченными возможностями здоровья (на примере промышленного предприятия) // Мир новой экономики. 2025. Т. 19, № 1. С. 83-94. DOI 10.26794/2220-6469-2025-19-1-83-94. EDN SSLEXY.
23. Маркова Т.Л., Тонких Н.В., Камарова Т.А., Еремкина П.Е. Оценки работающих женщин Урала: удовлетворенность временем на детей, дистанционная занятость и родительское благополучие // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 119-138. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.8. EDN: AIDQPO.
24. Международный валютный фонд. Блум Н. Работа из дома способствует повышению производительности. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2024/09/working-from-home-is-powering-productivity-bloom> (дата обращения: 05.12.2025).
25. Попов А.В., Соловьева Т.С. Устойчивость положения работников в условиях пандемии COVID-19: опыт международных исследований // Управление. 2020. Т. 8, № 4. С. 101-108. DOI 10.26425/2309-3633-2020-8-4-101-108. EDN PNIKO.
26. Высшая школа экономики. Демьянова А., Талакаускас Д., Покровский С. Удаленная занятость в России. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/976054144.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).
27. Сетевое издание Ведомости. Васильев С. 42 % россиян предпочитают гибридный график работы. URL: <https://www.vedomosti.ru/kp/news/2024/12/16/1081665-predpochitayut-gibridnii-grafik-raboti> (дата обращения: 05.12.2025).
28. Синявская О.В., Бирюкова С.С., Карева Д.Е., Стужук Д.А. Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 64 с.
29. Карпенко А.А. Новые вызовы для российского рынка труда в процессе возрастания масштабов платформенной занятости // Экономика труда. 2024. Т. 11, № 12. С. 2051-2064. DOI: 10.18334/et.11.12.122143. EDN: OCHRCQ.
30. Официальный сайт Минэкономразвития России. Минэкономразвития внесло законопроект «О платформенной экономике» в Правительство РФ. URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_vneslo_zakonoproekt_o_platformennoy_ekonomike_v_pravitelstvo_rf.html (дата обращения: 05.12.2025).
31. Попов А.В., Соловьева Т.С. Прекаризация занятости: угрозы дестабилизации положения работников для развития России. Вологда: ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2021. 130 с.
32. Лебедев О.В., Яновская А.А. Аналитический взгляд на развитие рынка труда и системы образования в Российской Федерации // Социально-трудовые исследования. 2024. № 2 (55). С. 15-24. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-55-2-15-24. EDN: BTWWQT.
33. Росстат. Комплексное наблюдение условий жизни населения Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 05.12.2025).
34. Соболева И.В. Профессионально-квалификационный дисбаланс как вызов экономической и социальной безопасности // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5, № 3. С. 989-1008. DOI: 10.18334/ecsec.5.3.114898. EDN: QJTPCB.

35. Росстат. Сведения о заработной плате работников в организациях по категориям персонала и профессиональным группам. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671> (дата обращения: 05.12.2025).
36. Семенов М.Ю., Акулич М.М. Непрерывное образование в России: экспертная оценка участия взрослого населения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25, № 1. С. 33-45. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-33-45. EDN: GFLTIV.
37. Радько Е.Д. «Тихое увольнение» как новый тренд на рынке труда // Мир экономики и управления. 2024. Т. 24, № 1. С. 5-15. DOI: 10.25205/2542-0429-2024-24-1-5-15. EDN: ТЕВАРК.
38. Superjob.ru. Каждый восьмой работодатель на тихое увольнение отреагирует увольнением реальным. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114989/kazhdyj-vosmoj-rabotodatel-na-tihoe-uvolnenie-otreagiruuet-uvolneniem-realnym/> (дата обращения: 05.12.2025).
39. ВЦИОМ. Итоги всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ne-tolko-dengi-ili-o-faktorakh-vybora-raboty-v-rossii> (дата обращения: 05.12.2025).
40. Harvard Business Review. Kossek E.E., Gettings P., Misra K. The Future of Flexibility at Work. URL: <https://hbr.org/2021/09/the-future-of-flexibility-at-work> (дата обращения: 05.12.2025).
41. Сафонов А.Л., Некипелова Д.В. Занятость лиц с ограниченными возможностями в РФ: текущее состояние, проблемы и пути их решения // Социально-трудовые исследования. 2025. № 1 (58). С. 53-66. DOI: 10.34022/2658-3712-2025-58-1-53-66. EDN: PWWKFJ.
42. Аналитический центр НАФИ. Ответственный работодатель или более высокая зарплата: что выберет российская молодежь. URL: <https://nafii.ru/analytics/otvetstvennyu-rabotodatel-ili-bolee-vysokaya-zarplata-chto-vyberet-rossiyskaya-molodezh/> (дата обращения: 05.12.2025).
43. Di Battista A. et al. Future of Jobs Report 2025. Cologne/Geneva: World Economic Forum, 2025. 290 p.
44. Семёко Г.В. Экологизация рынка труда в условиях перехода к «зеленой» экономике. Экономические и социальные проблемы России. 2022. № 1 (49). С. 148-170. DOI: 10.31249/espr/2022.01.09. EDN: MBXDRY.
45. Avito.ru. В российских компаниях спрос на специалистов по устойчивому развитию вырос на 22 % за год. URL: https://www.avito.ru/company/press/spros_na_specialistov_po_ustojchivomu_razvitiyu_vyros (дата обращения: 05.12.2025).

References

1. Kapeliushnikov R.I. The Russian labor market: a statistical portrait on the crises background. Voprosy ekonomiki. 2023. No. 8. pp. 5-37. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37. EDN: USUZBY. (In Russ.)
2. Madgavkar A., White O., Smit S., Bradley C., Luby R., Neary M. Help wanted: Charting the challenge of tight labor markets in advanced economies. New York: McKinsey Global Institute, 2024. 31 p.
3. Kapeliushnikov R.I. The beveridge curve: what does it tell us about the stance of the Russian labor market? Journal of the New Economic Association. 2024. No. 4 (65). pp. 246-258. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_246-258. EDN: GTYWH5. (In Russ.)
4. Kapeliushnikov R.I. Expansion of vacant jobs in the Russian labor market: dynamics, composition, triggers. Voprosy ekonomiki. 2024. No. 7. pp. 81-111. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-7-81-111. EDN: FWPMZT. (In Russ.)
5. Popov A.V., Soloveva T.S. Employment transformation in Russia from the perspective of cross-country comparisons. Population. 2023. Vol. 26. No. 1. pp. 110-122. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.9. EDN: PFZXCA. (In Russ.)
6. Rosstat. Predpolozhitel'naya chislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
7. World Population Prospects 2024, Online Edition. POP/DB/WPP/Rev.2024/POP/F03-1. Available at: <https://population.un.org/wpp/> <https://www.kommersant.ru/doc/6378120> (Accessed Date: 05.12.2025).
8. Shcherbakova E.M. Demograficheskie itogi I polugodiya 2024 goda v Rossii (chast' I). Demoskop Weekly. 2024. No. 1043-10442. Available at: <https://demoscope.ru/weekly/2024/010431/barom01.php> (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
9. Abdrahmanova G.I., Zinina T.S., Kiseleva E.V., Nechaeva E.G., Rudnik P.B., Frolov M.S. Cifrovye tekhnologii v biznese: praktiki i bar'ery ispol'zovaniya. Monitoring cifrovoj transformacii biznesa. Vyp.1. Moscow: Higher School of Economics, 2023. 16 p. (In Russ.)

10. Oficial'noe opublikovanie pravovyh aktov. O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 309 ot 07.05.2024. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?index=7> (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
11. Nacional'nye proekty. Nacional'nyj proekt «Sredstva proizvodstva i avtomatizacii». Available at: <https://национальныепроекты.пф/new-projects/sredstva-proizvodstva-i-avtomatizatsii/> (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
12. IFR. World Robotics – Industrial Robots. Available at: <https://ifr.org/wr-industrial-robots> (Accessed Date: 05.12.2025).
13. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and jobs: evidence from US labor markets. *Journal of Political Economy*. 2020. Vol. 128 (6). pp. 2188-2244. DOI: 10.1086/705716. EDN: SUEWLL.
14. Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. Work routines and risks of automation in the Russian labor market. *Voprosy ekonomiki*. 2022. No. 8. pp. 68-94. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-68-94 EDN: HSIVVK
15. ROBOTUNION.RU. Promyshlennye roboty v 2023-2024 gg. v Rossii. Available at: <https://robotunion.ru/prom23-24> (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
16. Lyashok V., Maleva T., Lopatina M. Impact of new technologies on the labor market: past lessons and new challenges. *Economic Policy*. 2020. No. 15 (4). pp. 62-87. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-4-62-87. EDN: LVKPMI. (In Russ.)
17. Rossijskaya gazeta. Mamonova E. IT-specialisty ostayutsya samymi vostrebovannymi na rynke truda. Available at: <https://rg.ru/2025/03/05/kod-vsemu-golova.html> (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
18. Rossijskaya gazeta. Efremova S. Spros na proizvodstvennikov i IT-specialistov vyros v neskol'ko raz. Available at: <https://rg.ru/2025/05/17/spros-na-proizvodstvennikov-i-it-specialistov-vyros-v-neskolko-raz.html> (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
19. Nayyar G., Pleninger R., Vorisek D., Yu S. Digitalization and Inclusive Growth: A Review of the Evidence. *Policy Research Working Paper Series*. 2024. Vol. 10941. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099010010022412266/pdf/IDU-801d6a1a-38fa-4766-9bf8-9382ed4cb0b7.pdf> (Accessed Date: 05.12.2025).
20. Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. Polarization or upgrading? Evolution of employment in transitional Russia. *Voprosy ekonomiki*. 2015. No. 7. pp. 87-119. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-7-87-119. EDN: TZFVX. (In Russ.)
21. Becchetti L., Salustri F., Solferino N. The new industrial revolution: The optimal choice for flexible work companies. *Journal of Economic Interaction and Coordination*. 2024. Vol. 20 (1). pp. 237-271. DOI: 10.1007/s11403-024-00418-y.
22. Lipatov V.A., Solomakhin A.A., Nekrylov I.I., Sirbiladze K.K., Ivanov A.A. Digital transformation in the labor market for disabled persons (case study: an industrial company). *The World of New Economy*. 2025. Vol. 19, No. 1. pp. 83-94. DOI 10.26794/2220-6469-2025-19-1-83-94. EDN SSLEXY. (In Russ.)
23. Markova T.L., Tonkikh N.V., Kamarova T.A., Yremkina P.Ye. A social portrait of working women in the Urals. *Woman in Russian Society*. 2024. No. 4. pp. 119-138. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.8. EDN: AIDQPO. (In Russ.)
24. International Monetary Fund. Blum N. Rabota iz doma sposobstvuet povysheniyu proizvoditel'nosti. Available at: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2024/09/working-from-home-is-powering-productivity-bloom> (Accessed Date: 05.12.2025).
25. Popov A.B., Soloveva T.S. Sustainability of workers in terms of the COVID-19 pandemic: international research experience. *Upravlenie*. 2020. Vol. 8, No. 4. pp. 101-108. DOI 10.26425/2309-3633-2020-8-4-101-108. EDN PNIKO. (In Russ.)
26. Higher School of Economics. Dem'yanova A., Talakauskas D., Pokrovskij S. Udalennaya zanyatost' v Rossii. Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/976054144.pdf> (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
27. Vedomosti. Vasil'ev S. 42 % rossiyan predpochitayut gibridnyj grafik raboty. Available at: <https://www.vedomosti.ru/kp/news/2024/12/16/1081665-predpochitayut-gibridnij-grafik-raboti> (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
28. Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S., Kareva D.E., Stuzhuk D.A. Platformennaya zanyatost' v Rossii: dinamika rasprostranennosti i klyuchevye harakteristiki zanyatyh. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2024. 64 p. (In Russ.)
29. Karpenko A.A. New challenges for the Russian labor market in the process of increasing the scale of platform employment. *Labor Economics*. 2024. Vol. 11, No. 12. pp. 2051-2064. DOI: 10.18334/et.11.12.122143. EDN: OCHRCQ. (In Russ.)

30. Oficial'nyj sajt Minekonomrazvitiya Rossii. Minekonomrazvitiya vneslo zakonoproekt «O platformennoj ekonomike» v Pravitel'stvo RF. Available at: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_vneslo_zakonoproekt_o_platformennoj_ekonomike_v_pravitelstvo_rf.html (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
31. Popov A.V., Solov'eva T.S. Prekarizaciya zanyatosti: ugrozy destabilizacii polozheniya rabotnikov dlya razvitiya Rossii. Vologda: FGBUN VolSC RAS, 2021. 130 p. (In Russ.)
32. Lebedev O.V., Yanovskaya A.A. Analytical view on the development of the labor market and education system in the Russian Federation. Social & Labor Research. 2024. No. 2 (55). pp. 15-24. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-55-2-15-24. EDN: BTWWQT. (In Russ.)
33. Rosstat. Kompleksnoe nablyudenie uslovij zhizni naseleniya Rosstata. Available at: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
34. Soboleva I.V. Professional and qualification imbalance as a challenge to economic and social security. Economic Security. 2022. Vol. 5, No. 3. pp. 989-1008. DOI: 10.18334/ecsec.5.3.114898. EDN: QJTPCB. (In Russ.)
35. Rosstat. Svedeniya o zarabotnoj plate rabotnikov v organizacijah po kategoriyam personala i professional'nym gruppam. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671> (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
36. Semenov M.Yu., Akulich M.M. Continuing education in Russia: expert assessment of adult participation. RUDN Journal of Sociology. 2025. Vol. 25, No. 1. pp. 33-45. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-33-45. EDN: GFLTIB. (In Russ.)
37. Radko E.D. “Quiet quitting” as a new trend in the labor market. World of economics and management. 2024. Vol. 24, No. 1. pp. 5-15. DOI: 10.25205/2542-0429-2024-24-1-5-15. EDN: TEBAPK. (In Russ.)
38. Superjob.ru. Kazhdyj vos'moj rabotodatel' na tihoe uvol'nenie otreagiruet uvol'neniem real'nym. Available at: <https://www.superjob.ru/research/articles/114989/kazhdyj-vosmoj-rabotodatel-na-tihoe-uvolnenie-otrea-giruet-uvolnieniem-realnym/> (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
39. WCIOM. Itogi vsrossijskogo telefonnogo oprosa «WCIOM-Sputnik». Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ne-tolko-dengi-ili-o-faktorakh-vybora-raboty-v-rossii> (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
40. Harvard Business Review. Kossek E.E., Gettings P., Misra K. The Future of Flexibility at Work. URL: <https://hbr.org/2021/09/the-future-of-flexibility-at-work> (Accessed Date: 05.12.2025).
41. Safonov A.L., Nekipelova D.V. Employment for persons with disabilities in Russia: status, problems and solutions. Social & Labor Research. 2025. No. 1 (58). pp. 53-66. DOI: 10.34022/2658-3712-2025-58-1-53-66. EDN: PWWKFJ. (In Russ.)
42. Analiticheskij centr NAFL. Otvetstvennyj rabotodatel' ili bolee vysokaya zarplata: chto vyberet rossijskaya molodezh'. Available at: <https://nafi.ru/analytics/otvetstvennyy-rabotodatel-ili-bolee-vysokaya-zarplata-chto-vyberet-rossijskaya-molodezh/> (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)
43. Di Battista A. et al. Future of Jobs Report 2025. Cologny/Geneva: World Economic Forum, 2025. 290 p.
44. Semeko G.V. Ecologization of the labor market in the transition to a green economy. Economic and Social Problems of Russia. 2022. No. 1 (49). pp. 148-170. DOI: 10.31249/espr/2022.01.09. EDN: MBXDRY. (In Russ.)
45. Avito.ru. V rossijskih kompanijah spros na specialistov po ustojchivomu razvitiyu vyros na 22 % za god. Available at: https://www.avito.ru/company/press/spros_na_specialistov_po_ustojchivomu_razvitiyu_vyros (Accessed Date: 05.12.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

©**Соловьева Татьяна Сергеевна** – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Российская Федерация, Вологда, e-mail: solo_86@list.ru.

Information about the author:

©**Soloveva Tatiana Sergeevna** – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of Russian Academy of Sciences» (VolRC RAS), Russian Federation, Vologda, e-mail: solo_86@list.ru.

И. Р. Мухаметшин, А. А. Аюпов

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА УСЛУГ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Ключевые слова: организации общественного питания, эффективность, цифровая трансформация, моделирование, качество услуг, нотация IDF0, прогнозирование.

Сфера общественного питания играет важную роль в формировании культуры питания, обеспечении качества жизни населения, а также поддержания экономики страны, в связи с чем актуализируются необходимость разработки государственной стратегии поддержки данного сектора. Целью исследования является разработка модели государственного регулирования качества услуг общественного питания. Основными методами исследования являются методы описательной статистики, методы математического прогнозирования, основанные на построении полиномиальной линии тренда, методы формализации бизнес-процессов в нотации IDF0. Результатами исследования являются прогнозирование оборота общественного питания на душу населения на 2025 г., с использованием полиномиальной линии тренда третьей степени, определение причин значительного прироста отрасли в последние годы, главными из которых являются: изменение пищевого поведения, развитие сервисов доставки, развитие внутреннего туризма, легализация рынка общественного питания, увеличение среднего чека; разработка модели государственного регулирования качества услуг общественного питания в нотации IDF0, представляющую собой процессную декомпозицию первого уровня; приведено обоснование необходимости разработки и реализации стратегии повышения качества услуг, посредством цифровой трансформации сферы общественного питания; систематизированы инновационные и информационные технологии, актуальные для создания ресторанов «Умного питания», направленные на повышение качества, безопасности, скорости, прозрачности предоставляемых услуг. Предлагаемые мероприятия могут быть использованы в целях совершенствования государственного регулирования качества услуг сферы общественного питания.

I. R. Mukhametshin, A. A. Ayupov

PROMISING TECHNOLOGIES FOR REGULATING THE QUALITY OF PUBLIC FOOD SERVICES

Keywords: catering organizations, efficiency, digital transformation, modeling, service quality, IDF0 notation, forecasting.

The public catering sector plays an important role in shaping the culture of nutrition, ensuring the quality of life of the population, as well as supporting the country's economy, in connection with which, the need to develop a state strategy to support this sector is becoming urgent. The aim of the study is to develop a model of state regulation of the quality of catering services. The main research methods are descriptive statistics methods, mathematical forecasting methods based on constructing a polynomial trend line, methods of formalizing business processes in IDF0 notation. The results of the study are forecasting the catering sector turnover per capita for 2025 using a third-degree polynomial trend line, determining the reasons for the significant increase in the industry in recent years, the main ones of which are – changes in eating behavior, development of delivery services, development of domestic tourism, legalization of the catering market, increase in the average bill; development of a model of state regulation of the quality of catering services in IDF0 notation, which is a first-level process decomposition; the rationale for the need to develop and implement a strategy to improve the quality of services through digital transformation of the catering sector is provided; systematized innovative and information technologies relevant for the creation of "Smart Food" restaurants, aimed at improving the quality, safety, speed, and transparency of services provided. The proposed measures can be used to improve state regulation of the quality of services in the public catering sector.

Актуальность повышения качества услуг ОП обуславливается значительным увеличением данного сектора экономики ввиду изменения уклада и повышения уровня жизни современного человека. Все большая часть населения предпочитает питаться в общественных местах, сокращая время на приготовление пищи дома. В связи с чем особую важность приобретает обеспечение качества и безопасности предоставляемых услуг, соответствия государственным стандартам и требованиям посредством использования инновационных и информационных технологий.

Проблемам обеспечения качества услуг общественного питания, формированию стратегий развития в рамках современных глобальных концепций посвящено значительное количество научных работ. Обоснование важности инновационного развития экономики, а также соответствии трендам цифровизации отражено в исследованиях Ф. Ф. Галимулиной, Ч. А. Мисбаховой и др. [1, 2]. Перспективные технологии развития услуг общепита и современные концепции определены в работах С. В. Чечениной, С. А. Козловской и др. [3, 4]. Вопросы обеспечения качества и безопасности пищевой продукции на основе современных требований раскрыты в исследовании Л. В. Беловой и др. [5]. Формированию критериев и показателей качества услуг, а также методологии их оценки посвящены научные статьи Т. А. Джума, Д. А. Кокиной и др. [6-8]. Основные тренды и перспективы развития сферы общественного питания представлены в обзорах современных аналитических изданий [9].

Целью исследования является разработка модели государственного регулирования качества услуг общественного питания. Для достижения поставленной цели в статье решены следующие задачи:

– привести прогноз оборота общественного питания на душу населения на 2025 г., с использованием полиномиальной линии тренда третьей степени,

– определить причины значительного прироста отрасли в последние годы,

– разработать модель государственного регулирования качества услуг общественного питания в нотации IDFO,

– привести обоснование необходимости разработки и реализации стратегии повышения качества услуг, посредством цифровой трансформации сферы общественного питания;

– систематизировать инновационные и информационные технологии, актуальные для создания ресторанов «Умного питания».

Основными методами исследования являются методы описательной статистики, методы математического прогнозирования, основанные на построении полиномиальной линии тренда, методы формализации бизнес-процессов в нотации IDFO.

В 2010–2024 гг. на рынке общественного питания России наблюдался значительный рост. Так, оборот общественного питания в 2024 г. составил 3532 млрд руб., что почти в 4,5 раза выше оборота в 2010 г., а темп роста оборота общественного питания в 2024 г. составил 111,9 % к уровню 2023 г. Среди субъектов Российской Федерации по данному показателю с большим отрывом лидирует г. Москва (оборот общественного питания в 2024 г. составил 731,1 млрд руб.), затем г. Санкт-Петербург (296,2 млрд руб.), Московская область (219,8 млрд руб.), а Республика Татарстан занимает 8 место (80,2 млрд руб.). Рейтинг лидирующих субъектов России по обороту общественного питания представлен на рис. 1.

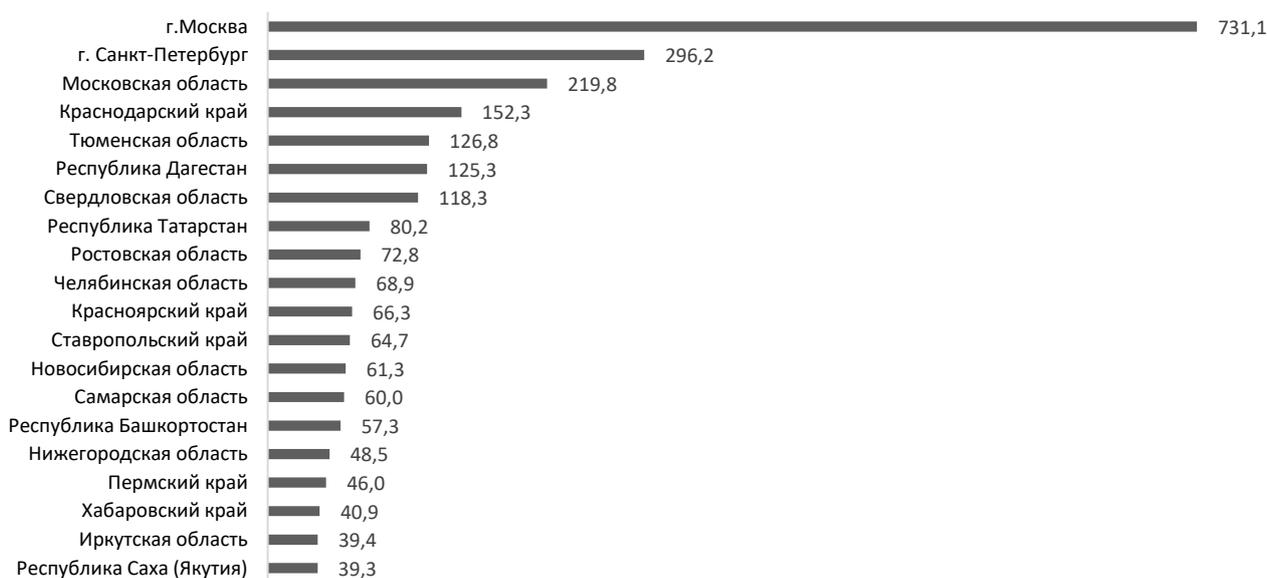

Рис. 1 – Рейтинг субъектов России, лидирующих по обороту общественного питания в 2024 г., млрд руб. [10]

В 2010–2024 гг. также отмечается значительный рост ОП на душу населения России. Так, в 2024 г. оборот составил 24170 млн руб. на душу населения, что на 23 % выше уровня 2023 г. и в 4,4 раза выше значения 2010 г. Для прогнозирования оборота ОП на душу населения использована полиномиальная линия тренда третьей степени (показатель адекватности $R^2=0,97$),

согласно которой в 2025 г. оборот достигнет 28936,1 млн руб. (рис. 2).

Несмотря на множество кризисов, повлиявших на сектор общественного питания, в 2022–2023 гг. данная отрасль переходит в фазу уверенного роста, с трансформацией организационных форм, меню и рецептуры. Ключевые причины, повлиявшие на динамичный рост общепита представлены на рис. 3.

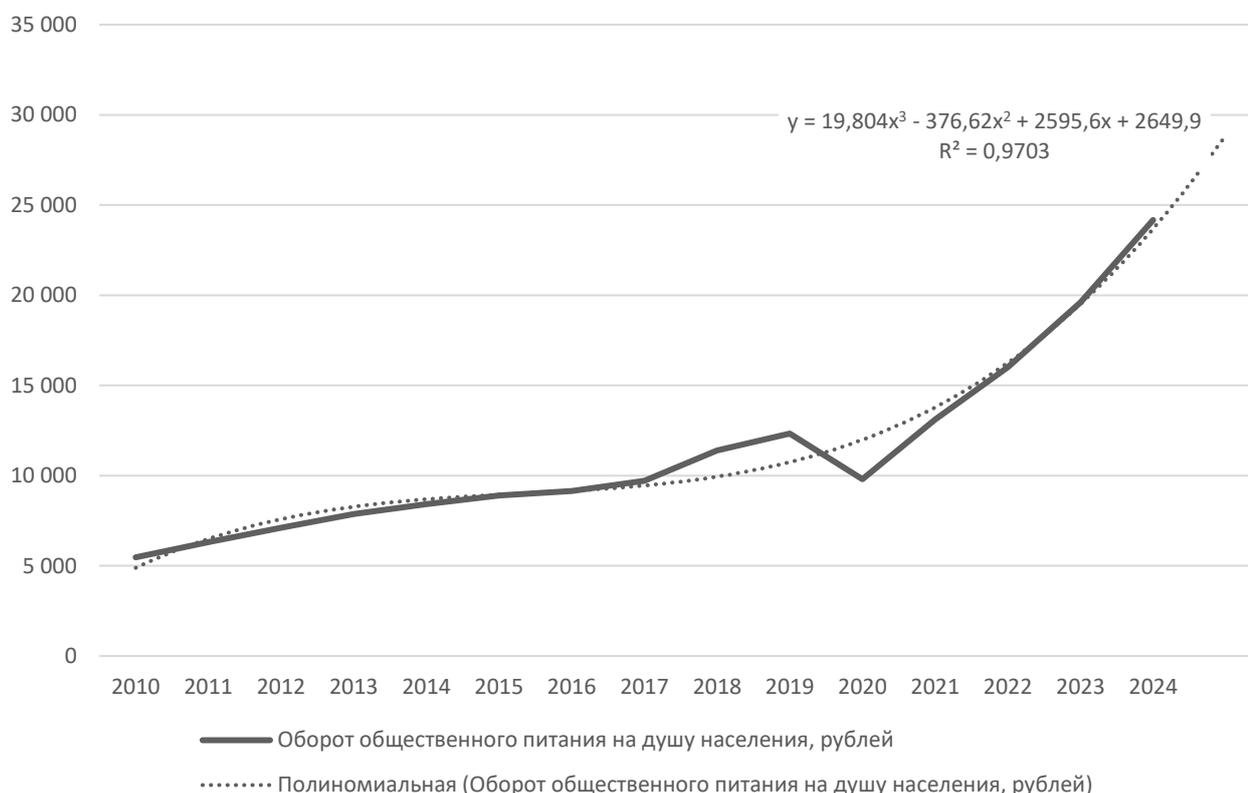

Рис. 2 – Прогноз оборота общественного питания на душу населения в России на 2025 г. на основе построения полиномиальной линии тренда третьей степени [10]

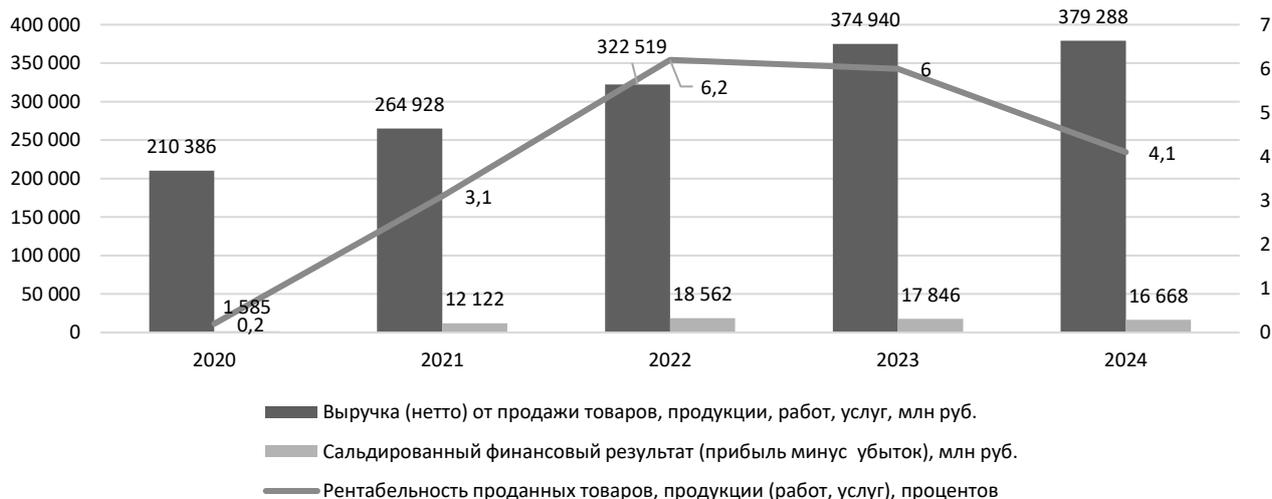
Рис. 3 – Причины, повлиявшие на динамичный рост сектора общественного питания в 2022–2023 гг. [9]

Однако высокие темпы роста предприятий общественного питания за последние годы, обусловлены прежде всего уровнем инфляции, а прибыльность и рентабельность продаж предприятий отрасли остается невысокой. Выручка ресторанов и услуг по доставке в 2024 г. выросла более чем в два раза по сравнению с 2021 г. и составила 649 млрд руб., также отмечается прибыль в размере 45,2 млрд руб., а рентабельность продаж составила 9,8 %. На предприятиях общественного питания по обслуживанию торжественных мероприятий в 2024 г. выручка от продаж услуг выросла в 1,7 раза по сравне-

нию с 2021 г. и составила 379,2 млрд руб., прибыль предприятий составила 16,7 млрд руб., рентабельность продаж снизилась и составила 4,1 %. Данные показатели позволяют вывод о том, что высокие темпы роста выручки обусловлены инфляцией, повышением уровня жизни населения, увеличением среднего чека. Вместе с тем, высокая себестоимость продукции, обусловленная увеличением стоимости продуктов питания и оборудования, ростом расходов на заработную плату, аренду и коммунальные платежи, снижают рентабельность предприятий. (рис. 4).

Деятельность ресторанов и услуги по доставке

Деятельность предприятий общественного питания по обслуживанию торжественных мероприятий

Рис. 4 – Динамика финансовых показателей предприятий общественного питания в 2020–2024 гг. [10]

Следовательно, данная сфера требует создания стратегии повышения качества услуг сферы общественного питания, посредством цифровой трансформации. На рис. 5 отображена модель повышения качества услуг общественного питания в нотации IDFO, представляющую собой процессную декомпозицию первого уровня, включающую алгоритм реализации модели, нормативно-правовую базу, ответственные организации.

Модель государственного регулирования качества услуг общественного питания включает следующие этапы реализации:

- формирование методологии оценки качества услуг общественного питания;
- систематизация ключевых показателей оценки качества услуг общественного питания;
- анализ предприятий общественного питания;
- организация мониторинга качества услуг предприятий общественного питания;
- разработка и реализация стратегии повышения качества услуг, посредством цифровой трансформации сферы общественного питания.

Рассмотрим показатели оценки качества услуг предприятий общественного питания (см. таблицу).

Для формирования государственной стратегии цифровой трансформации предприятий общественного питания необходима систематизация современных передовых технологий, актуальных для данной сферы. Рассмотрим перспективные разработки, которые активно внедряются в деятельность предприятий.

Использование роботов для работы на кухне, а также для работы в качестве официантов и администраторов. Привлечение роботов для рутинных операций позволит сократить затраты на оплату труда, увеличить скорость и качество обслуживания.

Создание интерактивного меню с наглядным описанием блюд, их калорийности и возможностями альтернативного приготовления блюд в соответствии с предпочтениями клиентов, а также мобильных приложений для бронирования столов и доставки готовой еды способствует привлечению большего числа посетителей.

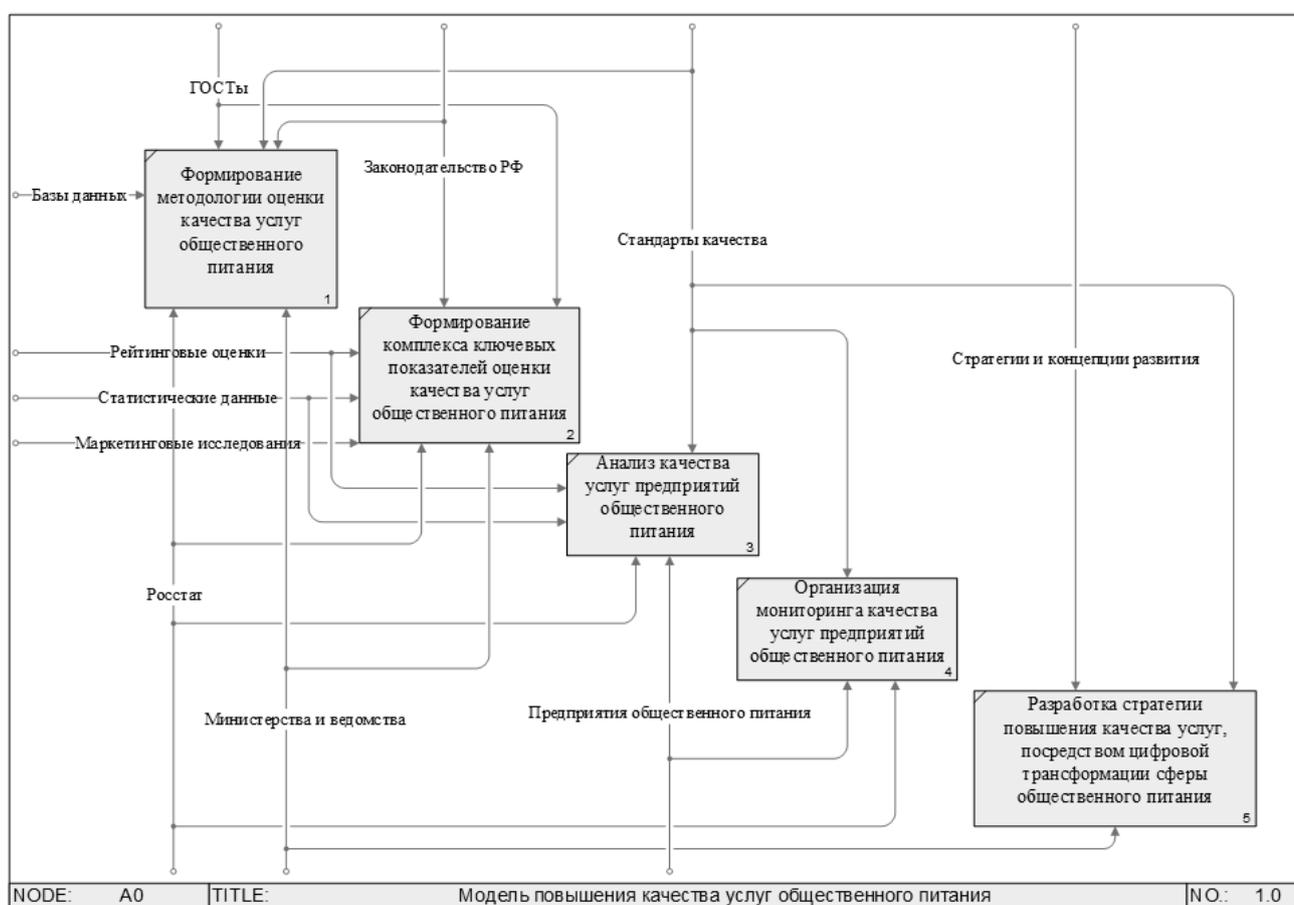

Рис. 5 – Модель государственного регулирования повышения качества услуг общественного питания в нотации IDFO

Таблица – Показатели оценки качества услуг предприятий общепита

Проблемы	Показатели оценки качества услуг
Качество обслуживания	скорость приготовления блюд, своевременность обслуживания, компетентность и вежливость персонала, обеспечение необходимых условий для людей с ограниченными возможностями
Соответствие стандартам качества, нормативам и правилам	соответствие санитарным и гигиеническим нормам, качество приготовления блюд, соответствие требованиям технологического процесса, соответствие стандартам качества
Широта ассортимента блюд и наличие дополнительных услуг	гибкость в приготовлении пищи, ассортимент блюд и напитков, услуги доставки, услуги организации выездных мероприятий
Использование современных технологий	автоматизация системы финансового учета и системы труда, разработка сервиса «Умное питание», использование современных бесконтактных систем оплаты, применение инновационных и информационных технологий
Доступность услуг	средний чек, наличие программы лояльности, средняя стоимость блюда

Система бесконтактной оплаты имеет ряд преимуществ как для клиентов, обеспечивая удобство и дополнительную безопасность, так и для организаций, обеспечивая прозрачность ведения бизнеса.

Использование новых продуктов и для приготовления блюд, в том числе порошковые технологии, БАДы, обогащенные продукты и др., позволяют разнообразить, усовершенствовать и сделать меню более полезным.

Автоматизация системы финансового учета, системы труда, системы закупок и других обеспечивающих подсистем предприятий, позволит увеличить точность, надёжность, безопасность, высокую скорость ведения работ. Интеллектуальные системы определяют какой товар, для какого меню и в какой день необходимо заказать и автоматически его рассчитывает, учитывая особенности по численности и предпочтениям для каждого учреждения индивидуально. В результате оптимизации предприятиям удастся достичь значительной экономии ресурсов; обеспечивать продуктами растущую численность ресторанных сетей, не увеличивая дополнительно площадь складских помещений и штат работников, эффективность работы операторов увеличилась в 2 раза; обеспечить прозрачность всего процесса заказа продукции и запас, в строгом соответствии меню.

Особые подходы к обработке продуктов, например, тепловая обработка, обработка с охлаждением, вакуумная технология, обработка

азотом, позволяют получить высококачественную продукцию с длительным сроком хранения.

Комплексное применение всех описанных технологий позволит создать «Умный ресторан», основанный на реализации возможностей интернета вещей, искусственного интеллекта, технологий виртуальной и дополненной реальности.

Общественное питание играет ключевую роль в развитии общества, повышении уровня и качества жизни населения. Кроме того, данная отрасль делает значительный вклад в экономику страны, обеспечивая значительный приток средств в бюджеты субъектов Российской Федерации. Развитие данной сферы в последнее десятилетие имело хорошие темпы роста, за исключением периода пандемии, поскольку общепит в большей степени пострадал от последствий введения ограничений, по сравнению с другими видами экономической деятельности. Однако в 2022–2023 гг. отрасль стала развиваться с еще более высокими темпами, адаптировавшись под новые требования ведения бизнеса, применяя современные технологии ведения ресторанного бизнеса. Повышение уровня жизни населения также требует и повышения качества предоставляемых услуг.

Повышение качества услуг общественного питания требует комплексного подхода, реализуемого на различных уровнях, посредством применения современных инновационных технологий. Данный подход включает реа-

лизацию мониторинга оценки качества предоставляемых услуг, анализ деятельности организаций и выявление ключевых проблем, реализацию стратегии по цифровой трансформации отрасли, направленную на повышение качества,

безопасности, скорости, прозрачности предоставляемых услуг. Инициатором такой трансформации должно выступать государство, с последующей трансплантацией идей, перспективных технологий, современных способов организации общепита в деятельность организаций.

Литература

1. Lubnina A.A., Galimulina F.F., Garipova G.R., Bronskaya V.V., Kharitonova O.S. Implementing new technologies and program products in the ecologic sphere of oil and gas chemical complexes. *Journal of Physics: Conference Series*. 2019. Vol. 1399. No. 3. P. 33091. DOI: 10.1088/1742-6596/1399/3/033091 EDN: LPLESY.
2. Lubnina A.A., Misbakhova C.A., Arestova E.N., Isaychev V., Pavlikov S., Kozin M., Alenina E. Innovative strategy for increasing competitiveness in organizational structures of industrial enterprises *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*. 2017. Vol. 12. No. 7b. P. 1563-1571. DOI: 10.12973/ejac.2017.00286a. EDN: ZMIBUD.
3. Чеченина С.В. Тенденции развития услуг общественного питания // *Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права*. 2018. № 2. С. 111-115. EDN: XQWUMH.
4. Козловская С.А., Приходько К.С. Современные инновационные технологии в экономике общественного питания // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2021. Т. 1. № 7 (115). С. 51-56. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2021.07.01.007. EDN: DZWYIK.
5. Белова Л.В. Пилькова Т.Ю., Федотова И.М., Стрежнева Н.П. Вопросы обеспечения качества и безопасности пищевой продукции и услуг общественного питания на основе современных требований // *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*. 2021. Т. 16, № 1. С. 123-132. EDN: HPXPJL.
6. Джум Т.А., Ксенз М.В., Брикота Т.Б. Процессы управления качеством услуг в сфере общественного питания // *Сфера услуг: инновации и качество*. 2019. № 44. С. 14-23. EDN: QZADLR.
7. Мухаметшин И.Р., Аюпов А.А. Оценка эффективности использования информационных технологий организациями общественного питания // *Управление устойчивым развитием*. 2024. № 2(51). С. 17-24. DOI: 10.55421/2499992X_2024_2_17 EDN: GOWJOF.
8. Кокина Д.А. Основные показатели качества услуг для предприятий общественного питания // *Наука настоящего и будущего*. 2020. Т. 2. С. 172-175. EDN: XTPZEA.
9. БизнесСтат. Анализ рынка общественного питания в России в 2019-2023 гг, прогноз на 2024-2028 гг. URL: https://businessstat.ru/images/demo/food_service_russia_demo_businessstat.pdf (дата обращения: 18.12.2025).
10. Росстат. Розничная торговля и общественное питание. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnaya-torgovlya>. (дата обращения: 18.12.2025).

References

1. Lubnina A.A., Galimulina F.F., Garipova G.R., Bronskaya V.V., Kharitonova O.S. Implementing new technologies and program products in the ecologic sphere of oil and gas chemical complexes. *Journal of Physics: Conference Series*. 2019. Vol. 1399. No. 3. P. 33091. DOI: 10.1088/1742-6596/1399/3/033091. EDN: LPLESY.
2. Lubnina A.A., Misbakhova C.A., Arestova E.N., Isaychev V., Pavlikov S., Kozin M., Alenina E. Innovative strategy for increasing competitiveness in organizational structures of industrial enterprises *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*. 2017. Vol. 12. No. 7b. P. 1563-1571. DOI: 10.12973/ejac.2017.00286a. EDN: ZMIBUD.
3. Chechenina S.V. Tendencii razvitiya uslug obshchestvennogo pitaniya. *Vestnik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 2018. No. 2. pp. 111-115. EDN: XQWUMH. (In Russ.)
4. Kozlovskaya S.A., Prikhodko K.S. Modern innovative technologies in the public food economy. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2021. Vol. 1. No. 7 (115). pp. 51-56. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2021.07.01.007. EDN: DZWYIK. (In Russ.)
5. Belova L.V. Pilkova T.Yu., Fedotova I.M., Strezhneva N.P. Issues of ensuring the quality and safety of food products and catering services based on modern requirements. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potenciala: problemy i puti ih resheniya*. 2021. Vol. 16, No. 1. pp. 123-132. EDN: HPXPJL. (In Russ.)
6. Dzhum T.A., Ksenz M.V., Brikota T.B. Processy upravleniya kachestvom uslug v sfere obshchestvennogo pitaniya. *Services Sector: Innovation and Quality*. 2019. No. 44. pp. 14-23. EDN: QZADLR. (In Russ.)
7. Mukhametshin I.R., Ayupov A.A. Assessment of the effectiveness of use of information technology by public catering organizations. *Managing Sustainable Development*. 2024. No. 2(51). pp. 17-24. DOI: 10.55421/2499992X_2024_2_17 EDN: GOWJOF. (In Russ.)

8. Kokina D.A. Osnovnye pokazateli kachestva uslug dlya predpriyatij obshchestvennogo pitaniya. Nauka nastoyashchego i budushchego. 2020. Vol. 2. pp. 172-175. EDN: XTPZEA. (In Russ.)
9. BiznesStat. Analiz rynka obshchestvennogo pitaniya v Rossii v 2019-2023 gg, prognoz na 2024-2028 gg. Available at: https://businessstat.ru/images/demo/food_service_russia_demo_businessstat.pdf (Accessed Date: 18.12.2025). (In Russ.)
10. Rosstat. Roznichnaya trgovlya i obshchestvennoe pitanie. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnaya-torgovlya>. (Accessed Date: 18.12.2025). (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Мухаметшин Ильнар Рафилович** – аспирант, Университет управления «ТИСБИ», Российская Федерация, Казань, e-mail: ilnarmukhametshin@gmail.com.

©**Аюпов Айдар Айратович** – доктор экономических наук, зав. кафедры финансовых рынков и финансовых институтов, Казанский федеральный университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: ajdar.ajupov@kpfu.ru.

Information about the authors:

©**Mukhametshin Ilnar Rafilovich** – aspirant, University of Management «TISBI», Russian Federation, Kazan, e-mail: ilnarmukhametshin@gmail.com.

©**Ayupov Aidar Airatovich** – Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Financial Markets and Financial Institutions, Kazan Federal University, Russian Federation, Kazan, e-mail: ajdar.ajupov@kpfu.ru.

К. Б. Герасимов, А. А. Туканова

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЫНКА ТРУДА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: рынок труда, инновационное развитие, кадровый потенциал, экономика образования, региональное хозяйствование, цифровизация.

В статье проводится комплексный анализ инновационного развития рынка труда Самарской области как одного из крупнейших промышленных центров Поволжья. Исследование посвящено изучению ключевых трендов устойчивого развития кадрового потенциала региона. Особое внимание уделяется роли вузовского сектора как драйвера экономического роста данного экономического сегмента. Проанализирован вклад образовательных учреждений в валовой региональный продукт (ВРП) через подготовку кадров, проведение научно-исследовательских и конструкторских работ, коммерциализацию технологий и число оформленных патентов. Дается оценка объема рынка труда и его перспективных сегментов. Целью исследования является проведение комплексного анализа инновационного развития рынка труда Самарской области и разработка рекомендаций по обеспечению его устойчивого развития путем снижения дисбаланса спроса и предложения рабочей силы в определенных сферах регионального хозяйствования. Для достижения поставленной цели были определены следующие исследовательские задачи: выявление и анализ ключевых тенденций инновационного развития регионального рынка труда; проведение количественной оценки вклада вузов в экономический рост через анализ их влияния на валовой региональный продукт; формирование комплексной оценки объема и структуры рынка труда; разработка практических рекомендаций по снижению дисбаланса между спросом и предложением рабочей силы. Методологическую основу исследования составили: системный анализ (для изучения взаимосвязей элементов рынка труда), статистический анализ данных официальной отчетности, а также классификация и ранжирование для формирования авторской системы грейдирования. Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы органами регионального управления для корректировки образовательной и инновационной политики, а предприятиями – для совершенствования механизмов снижения текучести кадров. Научная новизна исследования заключается в разработке авторской модели грейдирования для снижения дисбаланса между ожиданиями выпускников и предложениями работодателей, а также в выявлении взаимосвязи между миграционными установками молодых специалистов и текучестью кадров в высокотехнологичных отраслях промышленности Самарской области.

К. В. Gerasimov, A. A. Tukanova

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE SAMARA REGION LABOR MARKET

Keywords: labor market, innovative development, human resources, education economics, regional management, digitalization.

The article provides a comprehensive analysis of the innovative development of the Samara Region's labor market as one of the largest industrial centers in the Volga region. The study is devoted to the study of key trends in the sustainable development of human resources in the region. Special attention is paid to the role of the university sector as a driver of economic growth in this economic segment. The contribution of educational institutions to the gross regional product (GRP) through personnel training, research and development, technology commercialization and the number of patents issued is analyzed. An assessment of the volume of the labor market and its promising segments is given. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the innovative development of the Samara region's labor market and develop recommendations for ensuring its sustainable development by reducing the imbalance between supply and demand of labor in certain areas of regional management. To achieve this goal, the following research objectives were identified: identification and analysis of key trends in the innovative development of the regional labor market; quantifying the contribution of universities to economic growth through the analysis of their impact on the gross regional product; forming a comprehensive assessment of the volume and structure of the labor market; developing practical recommendations to reduce the imbalance between supply and demand of labor. The methodological basis of the study was system analysis (to study the interrelationships of labor market elements), statistical analysis of official reporting data, as well as classification and ranking to form an author's grading system. The practical significance of the work lies in the fact that its results can be used by regional governments to adjust educational and innovation policies, and by enterprises to improve mechanisms to reduce staff turnover. The scientific novelty of the research lies in the development of an author's grading model to reduce the imbalance between graduates' expectations and employers' offers, as well as in identifying the relationship between the migration attitudes of young professionals and staff turnover in high-tech industries of the Samara region.

Формирование инновационной модели экономики, основанной на наукоемкости ряда отраслей народного хозяйства, является стратегическим приоритетом развития Российской Федерации. В этом контексте региональные рынки труда (особенно в промышленно развитых «специализированных» регионах) сталкиваются с рядом вызовов, возникновение которых обусловлено цифровизацией подпроцессов, внедрением новых передовых технологий и качественной отраслевой трансформацией. Все эти факторы влияют на возникновение новых требований в отношении человеческого капитала, так как навыки и компетенции сотрудников должны соответствовать текущим изменениям и ценностям Индустрии 4.0 [1]. Самарская область, являясь одним из крупнейших промышленных центров Поволжья с высокой концентрацией предприятий аэрокосмического, автомобилестроительного и химического кластеров, представляет собой репрезентативный объект для изучения данных процессов. Актуальность исследования обусловлена наличием системных вызовов на региональном рынке труда. Несмотря на позитивную динамику макроэкономических показателей, отмечается структурный дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы: растущая потребность реального сектора экономики в высококвалифицированных кадрах для инновационных производств сталкивается с дефицитом соответствующих компетенций среди выпускников высших учебных заведений и миграционным оттоком части молодежи. Ключевая роль в нивелировании данного дисбаланса отводится вузовскому сектору, который выступает не только поставщиком кадров, но и генератором технологий, способствующих росту валового регионального продукта (ВРП).

Отдельной проблемой в изучении данной темы стоит вопрос о снижении текучести кадров в регионе среди молодых специалистов (до 35 лет), которая частично связана с отсутствием возможности грейдовой системы оплаты труда (мотивации персонала) предприятий обеспечить базовый пул потребностей работников. Говоря о текучести кадров в Самарской области, можно выделить несколько трендов: каждый пятый сотрудник (17,6 %) меняет работу в течение первого года, из них 12,3 % написали заявление об увольнении по собственному желанию после года работы, а 5,3 %

– в первые полгода. По данным Министерства труда на конец 2024 года, количество вакансий, заявленных в службу занятости, в разы превышает число соискателей: на 48 тыс. предложений претендуют 4,5 тыс. человек, при этом уровень безработицы остается рекордно низким – 0,3 %, в органах службы занятости числилось 5,8 тыс. граждан, из которых 4,8 тыс. имели статус безработных (см. табл.1). На сегодняшний день особенно востребованы специалисты инженерных профессий (слесари-сварщики, электромонтеры, машинисты, наладчики и токари, производственные экономисты), а также врачи и педагоги [2].

За 2024 год на крупных и средних предприятиях области создано 13,1 тыс. рабочих мест (на 1,4 тыс. единиц больше, чем за предыдущий год). Количество высокопроизводительных рабочих мест увеличилось против 2023 года на 66,4 тыс. ед. (на 12,3 %) и составило 606,3 тыс. единиц. Однако удельный вес занятых в высокотехнологичных и среднетехнологичных видах экономической деятельности демонстрирует необходимость дальнейшей оптимизации и составляет около 23 % от общей численности занятых в экономике региона (количество высокопроизводительных рабочих мест на тысячу занятых составило 370 по итогам 2024 года). Это подтверждает необходимость более тесной интеграции между образовательными организациями высшего образования, научными институтами и промышленными предприятиями, так как от успеха данной кооперации зависит долгосрочный устойчивый рост инновационной активности организаций, который, в свою очередь увеличился на 0,9 п. п в период с 2022 по 2023 г., благодаря работе по вовлечению компаний в инновационную жизнь региона и выстраиванию кооперационных связей между крупными бизнес-структурами, государственными корпорациями и молодыми стартапами. Также важную роль в этом процессе играют: Фонд поддержки технологического предпринимательства Самарской области, Региональный центр инноваций и технопарк «Жигулевская долина». На базе технопарка по 6 отраслевым направлениям (IT-технологии, транспорт, космические разработки, биотехнологии и медицина, энергоэффективность, химия и разработка новых материалов) реализуют свои проекты 297 резидентов, создано более 2,1 тыс. рабочих мест [3].

Таблица 1 – Уровень безработицы в Самарской области, % (составлено авторами на основе данных Росстата)

Показатель	Самарская область	РФ	ПФО
Уровень занятости населения	62,3	61,4	60,6
Уровень безработицы по МОТ	2,0	2,5	1,9
Уровень зарегистрированной безработицы (на 01.01.2025)	0,3	0,4	0,3

На основе анализа данных о рынке труда Самарской области за период 2016–2024 гг. можно сделать следующие выводы относительно формирования структуры занятости населения и её влияния на инновационный потенциал региона [2]. Общая численность рабочей силы демонстрирует относительную стабильность с тенденцией к умеренному сокращению (с 1731,2 тыс. человек в 2017 году до 1666,6 тыс. в 2024 году). При этом наблюдается рост уровня занятости и значительное снижение уровня безработицы (с 4,4 % до 1,9 % за период 2016–2024 гг.). Это свидетельствует о позитивной динамике на рынке труда и повышении эффективности использования трудовых ресурсов. Структура занятости по видам экономической деятельности за 2016–2023 гг. остаётся достаточно устойчивой. Наибольшая доля занятых приходится на обрабатывающие производства (около 19 %), торговлю (16–17 %), транспортировку и хранение (8,6 %), а также здравоохранение и образование (совместно около 12 %). Важно отметить рост доли занятых в сфере информации и связи (с 2,0 % в 2017 году до 2,5 % в 2023 году), что отражает усиление роли цифровой экономики и соответствует задачам инновационного развития. Высокий уровень образования занятого населения (около 40 % имеют высшее образование, ещё 30 % – среднее профессиональное) формирует благоприятную основу для внедрения инноваций и развития наукоёмких отраслей. Однако отмечается тенденция к старению

трудовых ресурсов: средний возраст занятых увеличился с 41,5 до 43 лет, а доля молодёжи в возрасте 20–29 лет сократилась с 18,4 % до 12,3 % [4]. Это может создать трудности в будущем при необходимости замещения кадров в высокотехнологичных секторах.

Производительность труда демонстрирует нестабильную динамику, с периодическими спадами и подъемами, что указывает на необходимость стимулирования инновационных процессов и внедрения современных технологий для устойчивого повышения эффективности. Таким образом, рынок труда Самарской области обладает значительным инновационным потенциалом, обусловленным высокой долей занятых в обрабатывающих и наукоёмких отраслях, высоким уровнем образования и снижающейся безработицей. Однако для реализации этого потенциала требуются меры стимулирующего характера по привлечению молодых специалистов, поддержке цифровизации и повышению производительности труда через внедрение нововведений в различных секторах промышленности.

Формирование инновационной экономики трансформирует структуру регионального рынка труда. Ключевые тренды данного процесса, отражающие влияние технологических изменений, цифровизации и глобализации, систематизированы в табл. 2. Их анализ позволяет выявить как новые возможности, так и системные вызовы для кадрового потенциала Самарской области.

Таблица 2 – Тренды инновационного развития рынка труда Самарской области (составлено авторами на основе данных, полученных в процессе исследования)

Сфера проявления тренда	Основной тренд	Проявление на рынке труда	Воздействие
Технологии	Цифровизация, роботизация и переход к экономике уровня Индустрии 4.0 [5].	Автоматизация процессов на предприятиях АВТОВАЗа, Кузнцова, в аэрокосмическом кластере. Внедрение AI, IoT, Big Data, роботизации.	Сокращение спроса на низкоквалифицированный труд; рост потребности в IT-специалистах, инженерах-робототехниках, data scientist, специалистах по кибербезопасности.
Экономика	Формирование экономики знаний и технологического предпринимательства	Развитие малых инновационных предприятий (МИП) при вузах (Самарский университет). Рост венчурных инвестиций в технологические стартапы.	Появление новых профессий и гибких форм занятости. Спрос на специалистов, совмещающих технические знания с бизнес-компетенциями (project-менеджеры, специалисты по коммерциализации технологий).
Образование и человеческий капитал	Трансформация требований к компетенциям сотрудников, активное развитие soft skills. Периодическое повышение квалификации, регламентированное в периметре компаний.	Актуализация образовательных стандартов и программ под запросы предприятий-лидеров (НИИ). Развитие системы дополнительного профобразования (ДПО) и корпоративных университетов.	Необходимость непрерывного обучения и постоянного повышения квалификации для роста в рамках системы грейдирования.
Занятость и география труда	Рост гибких и дистанционных форм занятости. Расширение рынка труда.	Распространение проектной работы, аутсорсинга, фриланса в IT-секторе, консалтинге.	«Размывание» традиционных форматов трудовых отношений. Повышение мобильности кадров на межрегиональном и глобальном уровнях. Обострение конкуренции за высококвалифицированные кадры. Риск усиления миграционного оттока из региона.

Проведенный анализ ключевых трендов позволяет сделать вывод о том, что рынок труда Самарской области претерпевает глубокую структурную трансформацию под влиянием технологической модернизации и цифровизации. Формируется устойчивый спрос на принципиально новые категории специалистов, сочетающие цифровые компетенции с отраслевой экспертизой, при одновременном сокращении потребности в низкоквалифицированном труде.

Серьезным вызовом для региона остается усиление конкуренции за высококвалифицированные кадры на глобальном рынке, что актуализирует необходимость разработки комплексных мер по удержанию талантливой молодежи. В рамках изучения регионального рынка кадрового потенциала был выявлен ряд системных проблем, представленных в табл. 3 вместе с мерами по нивелированию негативного эффекта от их наступления.

Таблица 3 – Проблемы инновационного развития рынка труда Самарской области и меры по их нивелированию (составлено авторами на основе данных, полученных в процессе исследования)

Ключевые проблемы	Меры по нивелированию негативного эффекта	Ожидаемый результат (эффект)
Структурный дисбаланс спроса и предложения (несоответствие компетенций выпускников вузов текущим и перспективным потребностям высокотехнологичных предприятий).	1. Разработка и внедрение гибких (сетевых) образовательных программ совместно с предприятиями (возможность студентов начать минимальную трудовую деятельность в формате профильной стажировки). 2. Создание отраслевых кадровых центров и прогнозирование потребностей в кадровом обеспечении. 3. Проектная работа молодых специалистов с инновационными институтами в рамках промышленных грантов и стажировок (например, временного оплачиваемого обмена кадрами между дочерними предприятиями одной вертикально-интегрированной компании, возможно в рамках проектных инициатив).	Снижение дефицита кадров на промышленных предприятиях, повышение уровня целевого трудоустройства выпускников, сокращение временных затрат предприятий на обучение молодых специалистов и период их адаптации в компании.
Низкие темпы коммерциализации результатов НИОКР и внедрения инноваций в реальный сектор (слабая интеграция в цепочке «наука-образование-бизнес»).	1. Популяризация конкретных кейсов и создание «шаблонов» коммерциализации. 2. Создание профильных подразделений в вузах и на предприятиях, ответственных за продвижение технологических инноваций и регистрацию патентов (разделение «творца инновации» и поддержки продвижения стартапа).	Рост количества малых инновационных предприятий (МИП), увеличение доли инновационной продукции в ВРП, привлечение внебюджетного финансирования в вузы.
Миграционный отток молодых специалистов в другие регионы и страны.	1. Формирование комфортной городской и профессиональной среды: программы обеспечения доступным жильем (например, льготная ипотека для выпускников-отличников, создателей патентов на стратегически важные изобретения). 2. Создание центров коллективной работы (коворкинги). 3. Повышение видимости и престижа работы в региональных инновационных компаниях через развитие системных программ с предприятиями-лидерами по закреплению талантливой молодежи. 4. Пересмотр условий организации целевого образования и повышение его доступности и привлекательности.	Снижение миграционного оттока, повышение привлекательности региона для молодых специалистов, рост числа высококвалифицированных кадров.
Несоответствие зарплатных ожиданий молодых специалистов и предложений работодателей.	1. Разработка отраслевых рекомендаций по уровню заработной платы. 2. Создание системы грантов и «подъемных» для молодых специалистов. 3. Развитие программ социального обеспечения (ипотечное кредитование, программы дополнительного медицинского страхования) – обеспечение условий повышения их доступности, исходя из достижений сотрудников (KPI).	Снижение разрыва между ожиданиями специалистов и реальными предложениями, повышение удовлетворенности условиями труда.
Высокая текучесть кадров в инновационном секторе.	1. Развитие системы карьерного планирования и ротации. 2. Создание программ мотивации и долгосрочного стимулирования.	Снижение текучести, сохранение интеллектуального капитала, рост производительности труда персонала.
Неэффективность мониторинга потребностей рынка труда.	1. Создание цифровой платформы мониторинга рынка труда. 2. Проведение регулярных отраслевых исследований и опросов работодателей.	Повышение точности прогнозов, обеспечение актуальной информацией для принятия решений о наборе студентов на обучение по приоритетным (для промышленности) направлениям подготовки.

Выявленные проблемы требуют скоординированных действий всех стейкхолдеров. Ключевыми направлениями нивелирования рисков являются синхронизация образовательных программ с потребностями инновационного сектора, развитие инфраструктуры коммерциализации технологий и формирование адресных мер стимулирования занятости. Особое значение приобретает решение вопросов, связанных с соответствием зарплатных ожиданий молодежи и предложений работодателей, а также снижением текучести кадров в наукоемких отраслях через внедрение современных моделей мотивации и карьерного роста. Взаимодействие выявленных трендов и предложенных мер формирует основу для стратегического управления человеческим капиталом региона. Реализация предложенного комплекса мер позволит не только скорректировать текущие дисбалансы, но и создать устойчивую экосистему подготовки, закрепления и эффективного использования высококвалифицированных кадров, что является критически важным условием для перехода Самарской области на инновационную модель экономического развития и роста ВРП региона в частности.

При оценке вклада вузов в валовый региональный продукт (см. рисунок) следует говорить о том, что период 2020–2024 гг. стал серьезным испытанием для экономики Самарской области, включая сферу образования. Однако высшая школа региона продемонстрировала устойчивость и адаптивность в условиях пандемийных ограничений и санкционного давления, о чем свидетельствует тренд восстановления отраслевых показателей. В 2020 году индекс физического объема образования составил 91,2 %, что свидетельствует о заметном, но относи-

тельно умеренном спаде по сравнению с другими секторами экономики. Например, строительство показало падение до 86,8 %, а деятельность гостиниц и предприятий общественного питания – до 70,4 %. Это указывает на то, что вузы смогли относительно быстро перестроиться на дистанционные форматы работы, минимизировав потери. Уже в 2021 году образование демонстрирует восстановление – индекс достигает 100,3 %, что соответствует докризисному уровню. Такой результат стал возможен благодаря адаптации университетов к новым условиям, внедрению цифровых технологий и сохранению контингента студентов. В 2022 году рост продолжился: показатель составил 102,1 %, что превысило общий индекс ВРП (97,8 %). В период 2023–2025 гг. этот показатель также увеличивается, благодаря активному развитию грантовой деятельности и регистрации патентов молодыми учеными и специалистами в периметре высшей школы [6]. Важно отметить, что прямое влияние образования на ВРП остается весьма условным, так как напрямую вузы и колледжи производят небольшой объем товаров и услуг даже с учетом определенных НИОКР, однако их косвенный вклад через подготовку кадров для ключевых отраслей региона нельзя переоценить. Вузы области сохранили свою роль как значимые работодатели и центры научно-исследовательской деятельности. Многие университеты активно участвовали в выполнении исследований и разработок по заказу промышленных предприятий региона (Самарский государственный технический университет, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва), что способствовало созданию добавленной стоимости.

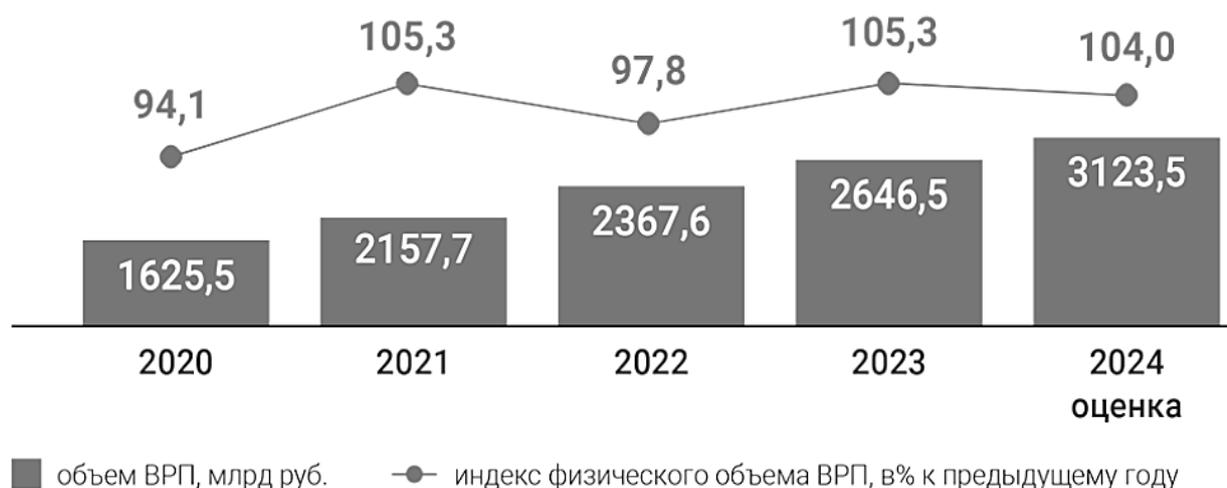

Рисунок – Валовый региональный продукт Самарской области

В условиях структурных преобразований экономики Самарской области ключевой задачей становится разработка действенных мер по снижению дисбаланса между спросом и

предложением рабочей силы. Предлагаемый комплекс мероприятий разработан на период 2026–2027 гг. и представлен в табл. 4.

Таблица 4 – Меры по снижению дисбаланса на рынке труда Самарской области на 2026–2027 гг. (составлено авторами на основе данных, полученных в процессе исследования)

Мероприятие	Содержание	Ожидаемый результат	Срок /стоимость реализации	Экономический эффект
Цифровая трансформация системы прогнозирования кадрового дефицита	Разработка системы на основе малых языковых моделей (SLM) с учетом инвестиционных планов компаний для анализа вакансий и данных образовательных учреждений. Прогнозирование потребностей в специалистах на 3-5 лет.	Увеличение точности прогнозов и своевременная корректировка программы мотивации кадров, внесение мер стимулирующего характера в бизнес-план компаний (и возможность планирования корректировки стоимости товаров и услуг для обеспечения резервных целевых фондов).	12-18 месяцев/ от 650 тыс.руб. до 3,5 млн руб. в зависимости от объема данных требуемых. Проект окупается примерно до года.	Снижение затрат на адаптацию и подбор персонала, ликвидация элементов простоя производственного участка. Снижение негативного эффекта от текучести кадров (превращение её в систему замещения кадров).
Создание регионального центра компетенций	Разработка программ переподготовки специалистов под нужды конкретных производственных подпроцессов с учетом запроса отраслевых предприятий с гарантиями трудоустройства.	Обеспечение уменьшения уровня безработицы и повышение количества трудоустроенных выпускников.	18-24 месяцев /200 млн руб. Окупаемость подобного проекта в среднем происходит 5 лет.	Рост производительности труда в ключевых отраслях. Снижение дисбаланса спроса и предложения кадрового.
Налоговые льготы для работодателей	Предоставление налогового вычета (до 30 %) за затраты на стажировки и переподготовку сотрудников.	Стимулирование участия бизнеса в подготовке кадров и увеличении наукоемкости производства.	6-12 месяцев / 300 млн руб. первоначально должно быть заложено на инициативу из федерального бюджета.	Активное развитие инноваций внутрикорпоративных, увеличения скорости реализации подпроцессов и рост эффективности выполнения задач, следовательно, в долгосрочной перспективе ожидается «технологический скачок» в соответствующих отраслях.
Стимулирование внутренней миграции	Программа льготного жилья/аренды от промышленных предприятий и региональных застройщиков	Снижение оттока кадров в другие регионы, удовлетворение базовых минимумов молодых специалистов и системы их долгосрочного закрепления корпоративного.	2-3 года. Бюджет на данное мероприятие закладывается каждой компанией индивидуально, исходя из уровня обеспеченности кадрами.	Снижение «кадрового голода» в отраслях, увеличение среднего срока службы специалистов, снижение текучести кадров на производстве. Возможность установления более жестких KPI появляется.
Внедрение AI-профориентации для школьников	Использование AI-консультантов (например, ChatGPT) для профориентации на основе анализа рынка труда.	Снижение безработицы среди молодежи и рост доходов населения в эквиваленте малой социальной группы.	12 месяцев / от 460 000 руб. до 1 998 447,50 млн руб. в зависимости от функционала платформы и уровня доступности.	Снижение возраста начала трудовой деятельности. Изменение регламента трудоустройства несовершеннолетних на государственном уровне (корректировка правового базиса). Рост покупательской способности. Снижение дисбаланса на рынке труда.

Для сопоставления ожиданий и предложений на рынке труда региона был проведен анализ открытых данных вакансий на ведущих рекрутинговых платформах (HH.ru, SuperJob) по Самарской области и данных выборочного опроса выпускников 2023–2024 гг. самарских вузов (табл. 5).

Наблюдается системный разрыв между зарплатными ожиданиями молодых специалистов и предложениями работодателей в среднем на 20–25 %. Основная причина этого – несоответствие ожиданий уровня оплаты труда без опыта реальной рыночной стоимости начинающего специалиста. Ожидания же формируются под влиянием агрегированных данных по рынку, где не делается поправка на опыт, а также информации о заработках в столичных регионах. Этот дисбаланс создает системный барьер для притока и закрепления кадров, так как начальная заработная плата (в диапазоне 45–65 тыс. рублей) не покрывает фактические расходы, связанные с арендой жилья, транспортными расходами, профессиональным развитием и формированием сбережений. В результате даже формально трудоустроенный молодой специалист оказывается в зоне социально-экономической уязвимости, что провоцирует рост вторичной занятости, профессиональное выгорание и, как следствие, миграционный отток.

Также в рамках исследования изучены меры поддержки молодых специалистов Самарской области, доступные на сегодняшний день (закон Самарской области от 06.07.2015 № 76-ГД «О молодом специалисте в Самарской области»): 1. ежегодная денежная выплата за каждый отработанный год в течение трех лет со дня трудоустройства в размере двенадцатикратной величины прожиточного минимума трудоспособного населения в Самарской области, установленного за IV квартал года, предшествующего году обращения за мерами поддержки; 2. частичная компенсация расходов по временному найму жилого помещения (за исключением расходов на коммунальные услуги) в течение трёх лет с момента трудоустройства; 3. частичная компенсация затрат на научно-исследовательскую и инновационную деятельность в течение трёх лет с момента трудоустройства [7]. Представленные меры поддержки уже реализуются на базах компаний региона (например, в периметре ПАО «НК «Роснефть»), однако они могут быть дополнены внедрением авторской модели грейдинга в высокотехнологичных отраслях промышленности Самарской области для повышения эффективности всего мотивационного механизма (табл. 6).

Таблица 5 – Оценка зарплатных ожиданий молодых специалистов (составлено авторами на основе данных, полученных в процессе исследования)

Специализация	Средние ожидания выпускников (руб./мес.)	Среднее предложение работодателей (руб./мес.)	Разрыв (%)	Примечание (комментарий)
IT-сфера (разработка)	90 000 – 120 000	70 000 – 90 000 (на старте)	~25 %	Ожидания завышены под влиянием общероссийских трендов. Работодатели предлагают рост по грейдам.
Инженерные специальности	60 000 – 75 000	45 000 – 60 000 (на старте)	~20 %	Ключевой дисбаланс. Ожидания формируются под влиянием кадрового голода на опытных специалистов, который не распространяется на новичков. Отсутствие возможности закрытия базовых потребностей специалистов.
Экономика/Финансы	55 000 – 70 000	40 000 – 55 000	~22 %	Рынок переполнен выпускниками, что сдерживает рост стартовых окладов.
Производственный менеджмент	65 000 – 80 000	50 000 – 65 000	~23 %	Работодатели готовы платить больше за совмещение инженерных и управленческих компетенций, но требуют опыта работы.

Таблица 6 – Структура модели грейдинга для молодых специалистов в высокотехнологичных отраслях Самарской области (составлено авторами на основе данных, полученных в процессе исследования)

Уровень (грейд)	Название уровня	Требования (опыт, навыки, образование)	Зарплатная вилка (руб./мес., до вычета НДФЛ)	Ключевые компетенции	Примеры должностей
G1	Начинающий специалист	Высшее образование (возможно последний курс), отсутствие опыта работы или до 1 года	45 000 – 65 000	Базовые профессиональные навыки, обучаемость, работа с непосредственным руководством в связке	Инженер-стажёр, Junior-разработчик, Ассистент проекта
G2	Специалист	Опыт работы от 1 до 3 лет, участие в завершенных проектах, повышение квалификации	65 000 – 90 000	Самостоятельность, решение типовых задач, владение профессиональными инструментами	Инженер, Разработчик, Экономист, Аналитик
G3	Старший специалист	Опыт работы от 3 лет, опыт руководства малыми проектами или группой, сертификации	90 000 – 130 000	Наставничество, решение сложных задач, проектное управление, отраслевая экспертиза	Старший инженер, Ведущий разработчик, Руководитель группы
G4	Эксперт	Опыт работы от 5 лет, успешная реализация комплексных проектов, наличие патентов/публикаций	130 000 – 200 000	Стратегическое мышление, инновационная деятельность, кросс-функциональное взаимодействие	Ведущий эксперт, Архитектор, Руководитель проекта
G5	Лидер	Опыт работы от 7 лет, руководство крупными проектами/направлениями, признанная экспертность в отрасли	200 000+ (+ бонусы по результатам, KPI)	Лидерство, развитие направлений бизнеса, управление командой экспертов, коммерциализация разработок	Руководитель направления, Технический директор (на уровне департамента)
Нефинансовые компоненты мотивации для каждого грейда					
G1-G2	Программа наставничества, оплачиваемые курсы и сертификации, корпоративная ипотека/ссуда на льготных условиях.				
G3-G4	Участие в стратегических сессиях, возможность представлять компанию на внешних площадках, опционы на акции (для акционерных обществ).				
G5	Участие в прибыли проекта, индивидуальный пакет социальных льгот (с возможностью формирования пакета, исходя из предлагаемых компанией вариантов).				

Внедрение системы грейдинга направлено на решение ключевых проблем: снижение текучести кадров, соответствие зарплатных ожиданий выпускников предложениям работодателей и создание четких условий профессионального развития. Модель основывается на разделении позиций по уровням (грейдам) с учетом опыта, компетенций и сложности задач, что позволяет сотруднику видеть перспективы роста, а компании эффективно планировать кадровую политику и фонд оплаты труда. Такой прозрачный подход способствует повышению лояльности персонала, снижению кадровых рисков и формированию устойчивого кадрового потенциала для инновационного развития региона. Данная модель и оценка могут быть использованы региональными властями и центрами карьеры вузов для разработки более адресных мер

поддержки и информирования всех участников рынка труда [8].

Проведенное исследование позволяет констатировать, что рынок труда Самарской области, являясь одним из ключевых в Поволжском регионе, находится в состоянии глубокой структурной трансформации, обусловленной цифровизацией, технологической модернизацией и переходом к экономике знаний. Несмотря на позитивную макроэкономическую динамику, выраженную в росте уровня занятости до 62,5 % и снижении уровня безработицы до рекордно низких 0,3 %, сохраняется фундаментальный дисбаланс между потребностями высокотехнологичных секторов экономики и реальным предложением компетенций со стороны выпускников вузов. Установлено, что высшая школа региона играет системообразующую роль

в инновационном развитии, выступая не только поставщиком кадров, но и генератором технологий через выполнение НИОКР и коммерциализацию разработок. Однако ее прямой вклад в валовой региональный продукт остается ограниченным, в то время как косвенный вклад, реализуемый через подготовку квалифицированных специалистов для ключевых отраслей, является значительным и требует дальнейшего изучения.

Ключевыми вызовами для региона остаются миграционный отток молодых специалистов, высокая текучесть кадров в наукоемких отраслях (17,6 % в первый год работы), а также существенный разрыв (20-25 %) между зарплатными ожиданиями выпускников и предложениями работодателей. Низкие темпы коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности указывают на сохраняющуюся слабость звена «наука-образование-бизнес». В качестве мер нивелирования данных дисбалансов авторами предложен комплекс практических мероприятий на 2026–2027 гг., включающий цифровизацию системы прогнозирования кадрового

дефицита, создание регионального центра компетенций, налоговые льготы для работодателей, стимулирование внутренней миграции через программы льготного жилья и внедрение AI-профориентации. Отдельное внимание уделено разработке прозрачной модели грейдинга, направленной на создание понятных карьерных и материальных перспектив для молодых специалистов и позволяющей нивелировать разрыв между их ожиданиями и экономическими возможностями работодателей. Реализация предложенных мер требует консолидированных усилий всех стейкхолдеров: органов регионального управления, вузовского сообщества и бизнеса. Их внедрение позволит не только скорректировать текущие структурные дисбалансы на рынке труда, но и сформировать устойчивую экосистему для подготовки, закрепления и эффективного использования человеческого капитала, что является необходимым условием для перехода Самарской области на инновационную модель экономического развития.

Литература

1. Волкова О.Н., Домбровский Д.А., Иванцова Е.А. Трансформация профессий в эпоху цифровизации // Экономика. Информатика. 2025. Т. 52, № 1. С. 194-202. DOI: 10.52575/2687-0932-2025-52-1-194-202. EDN: RNDNUW.
2. Самарстат. Рынок труда и занятость населения. URL: <https://63.rosstat.gov.ru/employment> (дата обращения: 14.12.2025).
3. Портал инноваций Самарской области. Технопарк «Жигулевская долина». URL: <https://isamara.ru/zhiguli-valley/> (дата обращения: 14.12.2025).
4. ГородРабот.ру. Статистика рынка труда в Самаре и Самарской области. URL: <https://russia.gorodrabot.ru/salaries> (дата обращения: 14.12.2025).
5. Савенкова А.С., Сломянский П.В. Цифровизация экономики и ее влияние на практики трудоустройства российской молодежи // Теория и практика общественного развития. 2025. № 5 (205). С. 52-58. Савенкова А.С., Сломянский П.В. Цифровизация экономики и ее влияние на практики трудоустройства российской молодежи // Теория и практика общественного развития. 2025. № 5 (205). С. 52-58. DOI: 10.24158/tipor.2025.5.6. EDN: GEWNTU.
6. Invest in Samara. Экономика региона Самарская область. ВПИ. URL: <https://investinsamara.ru/city/socs/> (дата обращения: 14.12.2025).
7. Официальное опубликование правовых актов. Закон Самарской области от 06.07.2015 № 76-ГД «О молодом специалисте в Самарской области». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6300201507070030> (дата обращения: 14.12.2025).
8. Кулькова И.А., Дегтярев Ю.А. Модульный подход к построению сбалансированных систем материального стимулирования работников высокотехнологичных предприятий // Социально-трудовые исследования. 2025. № 1 (58). С. 91-99. DOI: 10.34022/2658-3712-2025-58-1-91-99. EDN: CGYGRG.

References

1. Volkova O.N., Dombrovsky D.A., Ivantsova E.A. Transformation of professions in the context of digitalization. Economics. Information Technologies. 2025. Vol. 52, No. 1. pp. 194-202. DOI: 10.52575/2687-0932-2025-52-1-194-202. EDN: RNDNUW. (In Russ.)
2. Samarastat. Rynok truda i zanyatost' naseleniya. Available at: <https://63.rosstat.gov.ru/employment> (Accessed Date: 14.12.2025). (In Russ.)
3. Samara Region Innovation Portal. Tekhnopark "Zhigulevskaya dolina". Available at: <https://isamara.ru/zhiguli-valley/> (Accessed Date: 14.12.2025). (In Russ.)

4. GorodRabot.ru. Statistika rynka truda v Samare i Samarskoj oblasti. Available at: <https://russia.gorodrabot.ru/salaries> (Accessed Date: 14.12.2025). (In Russ.)
5. Savenkova A.S., Slomyansky P.V. Digitalization of the economy and its impact on the employment practices of Russian youth. Theory and Practice of Social Development. 2025. No. 5 (205). pp. 52-58. DOI: 10.24158/tipor.2025.5.6. EDN: GEWNTU. (In Russ.)
6. Invest in Samara. Ekonomika regiona Samarskaya oblast'. GRP. Available at: <https://investinsamara.ru/city/socs/> (Accessed Date: 14.12.2025). (In Russ.)
7. Oficial'noe opublikovanie pravovyh aktov. Zakon Samarskoj oblasti ot 06.07.2015 № 76-GD "O molodom specialiste v Samarskoj oblasti". Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6300201507070030> (Accessed Date: 14.12.2025). (In Russ.)
8. Kulkova I.A., Degtyarev Yu.A. A Modular approach to developing a balanced financial incentive system for employees of high-tech enterprises. Social & Labor Research. 2025. No. 1 (58). pp. 91-99. DOI: 10.34022/2658-3712-2025-58-1-91-99. EDN: CGYGRG. (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Герасимов Кирилл Борисович** – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Российская Федерация, Самара, e-mail: 270580@bk.ru.

©**Туканова Анастасия Алексеевна** – магистрант, специалист по учебно-методической работе кафедры «Экономика промышленности и производственный менеджмент», Самарский государственный технический университет, Российская Федерация, Самара, e-mail: akhalyakina@bk.ru.

Information about the authors:

©**Gerasimov Kirill Borisovich** – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economics, Samara National Research University, Russian Federation, Samara, e-mail: 270580@bk.ru.

©**Tukanova Anastasia Alekseevna** – Master's student, Specialist in educational and methodological work at the Department of Industrial Economics and Production Management, Institute of Engineering, Economics and Humanities Education, Samara State Technical University, Russian Federation, Samara, e-mail: akhalyakina@bk.ru.

П. В. Коваленко, И. Г. Ершова

АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРИОРИТЕТА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, цифровая инфраструктура, институциональное обеспечение, цифровые технологии.

В период активного развития и повсеместного внедрения цифровых решений в социально-экономические процессы государств, а также деглобализации мировых экономик и растущим уровнем внешнеэкономического давления особое внимание уделяется вопросу выстраивания нового вектора технологического развития и переоценки политики государства с точки зрения формирования технологического суверенитета страны. Главным направлением технологической модернизации социально-экономических процессов государства выступает цифровизация и цифровая трансформация существующих в стране процессов. Эффективное управление, внедрение и правовое сопровождение цифровизации государства является стратегическим приоритетом технологического развития. Целью данной статьи оценка текущей политики цифровизации Российской Федерации и анализ текущего положения цифровой трансформации. Для реализации поставленной цели были раскрыты ключевые направления цифровой трансформации Российской Федерации, отражены цели цифровой трансформации в зарубежных странах, рассмотрены различные технологии, внедряемые в социально-экономические процессы, проанализированы механизмы цифровизации и цифровой трансформации государства. В результате исследования было оценено текущее состояние цифровизации Российской Федерации. Информационной базой исследования послужили научные труды ученых по проблеме исследования, статистический сборник «Индикаторы цифровой экономики». В процессе исследования использовались такие общенаучные методы и приемы, как анализ, обобщение и систематизация научной информационной базы, изучение аналитических и статистических сборников, графический метод.

P. V. Kovalenko, I. G. Ershova

ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF DIGITALIZATION AS A STRATEGIC PRIORITY OF TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT AT THE STATE LEVEL

Keywords: digitalization, digital transformation, digital infrastructure, institutional support, digital technologies.

In the period of active development and widespread implementation of digital solutions in the socio-economic processes of states, as well as the deglobalization of world economies and the growing level of external economic pressure, special attention is paid to the issue of building a new vector of technological development and reassessing state policy from the point of view of the formation of the technological sovereignty of the country. The main direction of technological modernization of the socio-economic processes of the state is digitalization and digital transformation of the processes existing in the country. Effective management, implementation and legal support of the digitalization of the state is a strategic priority of technological development. The purpose of this article is to assess the current digitalization policy of the Russian Federation and analyze the current state of digital transformation. To achieve this goal, the key areas of digital transformation of the Russian Federation were revealed, the goals of digital transformation in foreign countries were reflected, various technologies introduced into socio-economic processes were considered, the mechanisms of digitalization and digital transformation of the state were analyzed. As a result of the study, the current state of digitalization of the Russian Federation was assessed. The information base for the study was the scientific works of scientists on the research problem, the statistical collection "Indicators of the Digital Economy". In the course of the research, such general scientific methods and techniques as analysis, generalization and systematization of the scientific information base, study of analytical and statistical collections, and graphical methods were used.

В современных условиях стремительных глобальных изменений и технологического ускорения цифровизация приобретает статус не просто совокупности инструментов модернизации, а целенаправленного и институционально закрепленного приоритета государственной технологической политики. Реализация данного курса ориентирована на формирование цифрового суверенитета, повышение конкурентоспособности национальной экономики и построение устойчивой цифровой среды, способной обеспечивать поступательное развитие в долгосрочной перспективе. При этом цифровизация охватывает не отдельные сектора, а встраивается в основу системы государственного управления, экономических процессов и социальной инфраструктуры.

Цифровая трансформация, в свою очередь, закреплена на уровне стратегического планирования и программных документов. Прежде всего, внимание уделяется внедрению сквозных цифровых технологий, развертыванию платформенных решений, а также созданию условий нормативного и организационного характера, способствующих переходу к цифровой модели государственного регулирования. Государство выполняет при этом не только функцию координатора, но и обеспечивает ресурсную поддержку цифровых преобразований, направляя усилия на интеграцию решений в приоритетные отрасли и контроль их внедрения [1, с. 693].

Осознание цифровизации в качестве стратегического вектора обусловлено необходимостью переоценки технологической политики государства с позиций его независимого развития. В условиях усиления технологической конкуренции и нарастания внешнеэкономического давления возникает потребность в формировании внутренне устойчивой цифровой инфраструктуры, основанной на национальных ресурсах, компетенциях и институтах.

Цифровая трансформация приобретает ключевое значение именно потому, что затрагивает всю архитектуру государственного и общественно-экономического устройства. В этом случае цифровизация формирует новую систему взаимодействия между государством, бизнесом и обществом, где в качестве основных ресурсов выступают данные, интеллектуальные алгоритмы и вычислительные мощности.

Следует отметить, что приоритетность цифровизации обусловлена ее межсекторальной направленностью. Она оказывает воздействие одновременно на такие сферы, как промышленность, логистика, образование, здравоохранение

и оказание публичных услуг. В связи с этим цифровизация формирует не только общую инфраструктурную основу, но и единую нормативную среду, интегрирующую процессы в рамках национальной модели цифрового развития.

В свою очередь, стратегический курс, реализуемый Правительством Российской Федерации в рамках национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» [2], ориентирован на формирование цифрового государства, развитие цифровой экономики и, соответственно, институционализацию цифровых форм управления. Прежде всего, с начала 2022 года в упомянутую Национальную программу были включены новые федеральные инициативы, в числе которых: «Цифровые услуги и сервисы онлайн», «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли», а также «Обеспечение доступа в интернет за счет развития спутниковой связи» [3].

По данным аналитического доклада «Состояние цифровой трансформации», подготовленного компанией ТЕКsystems, в число десяти основных причин запуска проектов цифровой трансформации руководством организаций входят факторы, представленные на рис. 1.

Закрепление цифровизации в качестве стратегического приоритета государственного технологического развития стало возможным благодаря ее включению в систему официальных стратегических документов и программных инициатив. Повестка цифровой трансформации получила нормативное и институциональное оформление через федеральные и национальные проекты, нормативно-правовые акты, а также управленческие решения, непосредственно направленные на реализацию цифровых преобразований в ключевых отраслях экономики и системы государственного управления.

Принятие Указа Президента РФ № 145 от 1 марта 2024 года [4], в свою очередь, стало поворотным моментом в формировании обновленной модели цифрового управления. Указ установил структурные принципы координации цифровой трансформации, перераспределил компетенции между органами федеральной власти и придал системную направленность всей государственной цифровой политике. В этом акте обозначены приоритетные векторы: институционализация цифрового управления, развитие сквозных технологий, а также повышение уровня цифровой зрелости на ведомственном и межведомственном уровнях.

Рис. 1 – Основные цели цифровой трансформации, % [5]

Параметры цифровизации включены в систему стратегического управления как целевые ориентиры. В рамках реализации национальных проектов предусмотрены индикаторы, отражающие степень зрелости цифровых процессов в ведомствах, масштаб внедрения цифровых сервисов и использование современных информационно-коммуникационных технологий. Включение данных индикаторов в систему государственного планирования подтверждает их значимость для достижения общенациональных технологических целей [6, с. 125].

В качестве одного из направлений практической реализации цифровой стратегии рассматривается ее интеграция в отраслевые векторы развития – промышленную, образовательную и внешнеэкономическую политику. Разработка и внедрение отечественного программного обеспечения, а также цифровых решений, ориентированных на промышленный сектор, дополняется стимулированием экспорта цифровых продуктов. Представляется, что такой подход усиливает технологический суверенитет и расширяет международную технологическую активность России.

Реализация цифровизации в качестве стратегического приоритета требует институциональной базы, включающей управленческую архитектуру, механизм разграничения компетенций и систему координации действий. В последние годы в России сформировалась нормативно закреплённая модель цифровой трансфор-

мации, основанная на централизованном управлении и согласованности организационных решений. Принципиальным шагом стало перераспределение управленческих функций между участниками цифровой политики. В соответствии с Указом №145, общее руководство процессами цифровой трансформации возложено на Минцифры России, которое наделено полномочиями координировать действия органов исполнительной власти, определять приоритетные направления и осуществлять контроль реализации проектов [7, с. 167].

В свою очередь, реализация цифровой повестки выстраивается по принципу вертикальной интеграции от федерального уровня к региональным структурам и отраслевым органам. На уровне министерств и субъектов РФ утверждены ответственные должностные лица по цифровой трансформации, а также разработаны собственные планы и маршруты реализации, синхронизированные с целями нацпроектов.

Особую роль в институциональном обеспечении цифровизации играют государственные цифровые платформы и информационные системы. Они обеспечивают непрерывность управленческих процессов, стандартизируют межведомственные взаимодействия и способствуют принятию решений, основанных на аналитической обработке данных. Применение платформенного подхода позволяет интегрировать разрозненные информационные потоки в единую цифровую архитектуру [8, с. 17].

При этом нормативное сопровождение реализуется в форме регламентов, стандартов и методических материалов, направленных на оценку цифровой зрелости и формирование единых требований к субъектам цифровой трансформации. Сложившаяся система правового и методического обеспечения, как представляется, формирует необходимую институциональную устойчивость и отличает современный этап цифровизации от прежних фрагментарных попыток технологического обновления.

Реализация цифровой трансформации в качестве одного из приоритетов государственной технологической стратегии требует комплексного обеспечения ресурсами: финансовыми, трудовыми и инфраструктурными. Закрепление цифровизации в официальных документах сопровождалось целевым бюджетированием и усилением роли государства в координации реализации поставленных задач [9, с. 939].

В таблице представлены внутренние затраты на цифровую экономику в России.

За период 2022–2024 гг. объем валовых затрат на развитие цифровой экономики увеличился на 1156 млрд руб., что свидетельствует о стабильной позитивной динамике. Основную часть прироста обеспечили вложения организаций, которые к 2024 году составили 4063 млрд руб., что подчеркивает устойчивую ориентацию бизнеса и учреждений на цифровое развитие. При этом наблюдается и рост участия домашних хозяйств, доля которых в 2024 году достигла 1408 млрд руб., что указывает на расширение потребительского спроса в цифровом секторе.

В составе расходов организаций в 2023 году преобладали вложения в НИОКР (33,6 %), оборудование (18,3 %) и программное обеспечение (9,2 %). В 2024 году приоритет исследований и разработок усилился – их доля увеличилась до 35 %, а расходы на программное обеспечение достигли 10,5 %, что подтверждает акцент на научно-технологическое обновление и цифровую интеграцию.

По видам экономической деятельности

наибольший объем инвестиций в цифровизацию в 2024 году наблюдается в ИКТ-секторе (1313 млрд руб.), финансовой сфере (896 млрд руб.), сфере государственного управления (266 млрд руб.) и транспортной отрасли (291 млрд руб.). Эти данные позволяют утверждать, что цифровизация охватывает ключевые компоненты национальной экономики.

Наряду с финансовыми ресурсами, важную роль играет кадровое обеспечение. В 2023 году более 57 тыс. выпускников окончили программы высшего образования по ИКТ-профилю, а свыше 121 тыс. студентов обучались по смежным направлениям, связанным с цифровыми технологиями [10, с. 121], что формирует основу для удовлетворения растущего спроса на квалифицированные кадры.

Инфраструктурный компонент цифровой трансформации развивается за счет инвестиций в ЦОДы, телекоммуникационные сети и облачные решения. В 2023 году увеличилось финансирование в направлении облачных сервисов и центров обработки данных, прежде всего в отраслях связи и промышленности. Это подтверждает укрепление технологической базы цифровой экономики [10, с. 33].

Следовательно, масштабы и структура инвестиций в цифровизацию свидетельствуют о переходе от декларативного подхода к системной реализации стратегического вектора. Рост затрат, технологическая переориентация, развитие инфраструктуры и кадровый резерв формируют предпосылки для устойчивого технологического обновления и национальной цифровой независимости.

Реализация цифровизации в качестве стратегического приоритета осуществляется посредством последовательного внедрения сквозных технологий, формирующих базис технологического обновления системы государственного управления, экономики и социальной сферы. К ним, в первую очередь, относятся искусственный интеллект, обработка больших массивов данных (Big Data), облачные вычислительные системы и цифровые платформы.

Таблица – Валовые внутренние затраты на цифровую экономику в России [10, с. 31]

Год	Валовые затраты, млрд руб.	Из них – организации, млрд руб.	Из них – домашние хозяйства, млрд руб.
2022	4315	3250	1065
2023	4848	3620	1228
2024	5471	4063	1408

Применение искусственного интеллекта на сегодняшний день охватывает как государственный сектор, так и сферу предпринимательства. Наиболее востребованными решениями являются интеллектуальные модули поддержки принятия решений, алгоритмы компьютерного зрения, технологии обработки естественного языка и модели машинного обучения. В этом случае указанные инструменты находят применение при организации логистических операций, в системе медицинской аналитики, при налоговом администрировании, а также в задачах стратегического планирования [11, с. 13].

Технологии анализа больших данных используются для прогнозирования, оценки поведенческих моделей, оценки эффективности социальных инициатив и управления потенциальными рисками. При этом использование Big Data, в свою очередь, обеспечивает переход от реактивной к проактивной модели регулирования, особенно в таких направлениях, как система здравоохранения, образовательные учреждения и сфера коммунальной инфраструктуры [12].

Цифровые платформы занимают центральное место в процессе трансформации управления. Они обеспечивают непрерывное и согласованное взаимодействие между органами публичной власти, бизнесом и гражданами. В качестве примеров можно назвать применение платформенных решений в области электронных государственных услуг, публичных закупок, регистрации имущественных прав, а также в механизмах межведомственного обмена документами. Эти подходы способствуют сокращению сроков предоставления услуг и повышают степень прозрачности административных процессов.

Особое значение приобретает переход к облачным инфраструктурам. Они позволяют организациям отказаться от локальных серверных решений в пользу более гибких и масштабируемых моделей хранения и обработки информации. Это направление, кроме того, критически важно для устойчивости цифровой инфраструктуры, особенно в условиях нарастающих объемов данных и необходимости оперативного доступа к ним.

Оценка положения государства в международных цифровых рейтингах выступает значимым показателем степени реализации цифровизации как стратегического направления государственной технологической политики. Такие индексы позволяют зафиксировать не только

уровень технологического развития, но и институциональные, кадровые и инфраструктурные предпосылки, формирующие цифровую зрелость системы управления [13, с. 221].

В 2024 году Российская Федерация была включена в ряд базовых международных рейтингов: E-Government Development Index (EGDI), формируемый ООН; Government AI Readiness Index, подготовленный Oxford Insights; Network Readiness Index (NRI), публикуемый Portulans Institute; а также ICT Development Index и Inclusive Internet Index. Каждый из указанных индексов охватывает совокупность характеристик, таких как уровень развития телекоммуникационной инфраструктуры, качество предоставления электронных государственных услуг, степень подготовки кадров, интеграция технологий искусственного интеллекта и доступность цифровой среды для различных категорий населения [10, с. 183].

Оценка цифровизации как приоритетного направления государственной технологической политики невозможна без обращения к количественным показателям, отражающим фактический ход ее реализации. Использование эмпирических данных позволяет выявить как достигнутые результаты, так и структурные диспропорции в процессе цифровой трансформации. В качестве ключевых индикаторов выступают структура распределения затрат, интенсивность внедрения цифровых технологий, а также динамика цифровой зрелости в разрезе отраслей.

На рис. 2 представлена структура внутренних затрат организаций на цифровизацию.

В течение анализируемого периода наблюдается устойчивая тенденция перераспределения ресурсов в пользу цифровых сервисов. Увеличение доли затрат на программное обеспечение, разработку и сопровождение, а также облачные технологии и платформенные решения отражает переход организаций от классических моделей автоматизации к системам, основанным на применении интеллектуальных технологий. Одновременно происходит снижение доли расходов на физическое оборудование, что указывает на стратегическое смещение акцента в сторону инфраструктур, ориентированных на облачную архитектуру. В этом случае прослеживается устойчивая траектория отказа от локальных решений в пользу гибких и масштабируемых цифровых инструментов.

На рис. 3 представлена динамика использования цифровых технологий в организациях.

Рис. 2 – Структура внутренних затрат организаций на цифровизацию, % [10, с. 33]

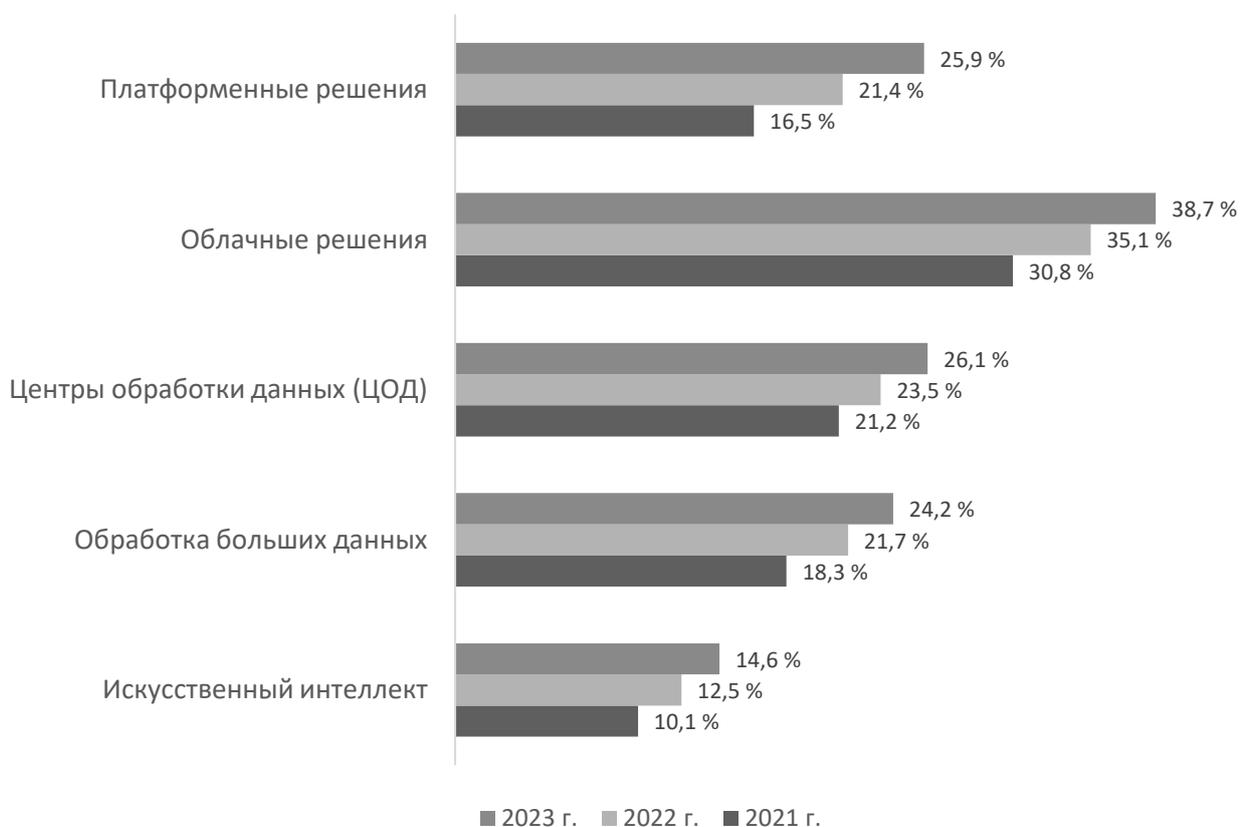

Рис. 3 – Использование цифровых технологий в организациях, % от общего числа [10, с. 199]

Представленные показатели демонстрируют положительную динамику в части технологического насыщения организаций. Особенно интенсивный рост наблюдается в сегментах применения искусственного интеллекта, Big Data, платформенных решений и облачных сервисов. Увеличение уровня их использования подтверждает наличие устойчивой тенденции перехода к проактивным моделям управления и обработки информации. Кроме того, расширение внедрения ЦОДов свидетельствует о повышении требований к обработке и хранению больших объемов данных. Таким образом, цифровизация в организациях реализуется не как декларативная стратегия, а как реальный процесс модернизации, охватывающий все уровни бизнес- и управленческой деятельности.

Несмотря на нормативное закрепление цифровизации в качестве приоритета технологической политики, ее практическая реализация сопряжена с устойчивыми ограничениями и институциональными препятствиями, снижающими общую результативность цифровой трансформации.

Наиболее существенным правовым барьером остается фрагментарность действующей нормативно-правовой базы. При ускоряющемся технологическом развитии законодательство зачастую не успевает адаптироваться к новым моделям цифрового взаимодействия, включая обработку персональных данных, использование технологий искусственного интеллекта, функционирование распределенных реестров и трансграничных цифровых платформ. В результате формируется правовая неопределенность, способствующая снижению инвестиционной и инновационной активности, а также повышающая риски административного давления на цифровые проекты.

В то же время сохраняется несогласованность между уровнями власти. Несмотря на наличие стратегических документов, значительная часть субъектов Российской Федерации сталкивается с ограничениями в части реализации поставленных целей, что обусловлено различиями в доступе к цифровой инфраструктуре, уровне профессиональной подготовки кадров и объемах выделяемого финансирования, что, в свою очередь, ведет к нарастанию цифрового неравенства между регионами, а также между ведомствами, различающимися по степени цифровой зрелости.

В качестве отдельного технологического вызова следует рассматривать зависимость от зарубежных программных решений, оборудования и технологий хранения и обработки данных. В условиях усиления внешнеэкономического

давления данная зависимость становится критичным фактором, препятствующим стабильному функционированию ключевой цифровой инфраструктуры и затрудняющим управление технологическими процессами.

Дополнительным ограничением выступает дефицит квалифицированных специалистов. Несоответствие между потребностями цифровой экономики и текущими возможностями системы подготовки кадров наблюдается как на базовом уровне, где требуются массовые ИТ-навыки, так и в сфере подготовки узкопрофильных экспертов-архитекторов цифровых платформ и специалистов по машинному обучению.

Кроме того, в ряде секторов сохраняется институциональное сопротивление цифровой трансформации. Это выражается в слабой вовлеченности управленческих кадров, недостаточной мотивации к переходу на цифровые решения, а также в ограниченной способности структур к налаживанию межведомственного взаимодействия.

Для обеспечения устойчивой реализации цифровизации в качестве одного из приоритетов государственной технологической стратегии необходимо не только устранить имеющиеся институциональные и технологические ограничения, но и развивать системные механизмы нормативного, организационного и инфраструктурного сопровождения. В данном контексте цифровая трансформация рассматривается не как временная инициатива, а как интегрированный элемент долгосрочной государственной политики в сфере технологического развития.

Ключевым направлением усилий в этом случае выступает стимулирование разработки и внедрения отечественных цифровых решений. Повышение уровня технологической независимости требует перехода от адаптации иностранных платформ к масштабной реализации собственных разработок, включая программные комплексы, инфраструктуру облачных вычислений, интеллектуальные системы и аналитические модули. В результате такого подхода формируется управляемость критически значимыми компонентами цифровой среды, а также снижается зависимость от внешних технологических поставщиков.

Особую значимость приобретает внедрение искусственного интеллекта в процессы государственного управления. Использование интеллектуальных систем прогнозирования и анализа создает условия для перехода к проактивным моделям планирования, а также позволяет повысить точность управленческих реше-

ний и адаптивность административных механизмов. Прежде всего, представляется целесообразным расширять применение ИИ в таких сферах, как планирование транспортной логистики, мониторинг закупочных процедур, системы здравоохранения и образовательные платформы.

Для эффективной координации цифровой трансформации необходима реализация единого цифрового межведомственного пространства. Эта задача предполагает дальнейшее развитие платформенных решений, способных интегрировать данные, функциональные процессы и субъектов взаимодействия в рамках единой цифровой архитектуры. При этом особое внимание следует уделить обеспечению совместимости программных решений, открытости технологических интерфейсов и унификации цифровых стандартов, что создаст предпосылки для целостной цифровой трансформации государственного сектора.

Непрерывное совершенствование цифровой политики требует регулярного мониторинга достигнутых результатов. В связи с этим необходимо формировать комплексные системы оценки цифровой зрелости, внедрять цифровые ключевые показатели эффективности (KPI), а также использовать механизмы аналитического контроля. Такие инструменты позволят своевременно выявлять проблемные участки, снижать уровень цифровых рисков и оперативно корректировать направления государственной цифровой повестки.

В заключение необходимо отметить, что на современном этапе цифровизация не ограничивается декларативными формулировками, а получила институциональное закрепление в качестве одного из стратегических приоритетов технологического развития Российской Федерации. Это подтверждается ее включением в национальные стратегические документы, нормативные акты, федеральные программы и систему государственного планирования. Цифровая трансформация охватывает не отдельные сектора, а формирует новое технологическое основание функционирования государственного

управления, экономических процессов и социальной инфраструктуры.

Результаты проведенного анализа демонстрируют, что реализация приоритетного курса осуществляется через совокупность взаимосвязанных механизмов: нормативно-правовых, институциональных, ресурсных и технологических. Обеспечено формирование управленческих структур цифровой трансформации, выделено финансирование по основным направлениям, создается инфраструктурная база для внедрения сквозных технологий, в том числе искусственного интеллекта, платформенных решений и технологий обработки больших данных.

Одновременно с этим устойчивость цифровых процессов ограничивается рядом структурных факторов. В их числе: несоответствие нормативной базы, дефицит кадровых ресурсов, региональная и отраслевая асимметрия цифрового развития, а также зависимость от иностранных технологических решений. В связи с этим представляется необходимым формирование единой государственной стратегии, направленной на преодоление указанных барьеров.

Укрепление приоритета цифровизации возможно при условии целенаправленного расширения собственных технологических компетенций, масштабного внедрения интеллектуальных систем, усиления межведомственного цифрового взаимодействия, а также разработки и применения эффективных инструментов мониторинга и оценки результатов. Принятие таких мер позволит не только сохранить стратегическую направленность цифровой политики, но и обеспечить ее реализацию в средне- и долгосрочной перспективе.

Таким образом, цифровизация выступает в качестве системообразующего компонента современной модели технологического развития. Ее результативность зависит не столько от объема используемых технологий, сколько от способности государства обеспечить создание устойчивой, управляемой и воспроизводимой цифровой среды.

Литература

1. Обухова А.С., Булгакова А.А., Каракулин А.Ю. Стратегическое планирование технологического развития в условиях инновационной экономики // Вестник Академии знаний. 2024. № 2 (61). С. 692-694. EDN: XLXGZH
2. КонсультантПлюс. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 17.12.2025).
3. Cnews. В нацпрограмму «Цифровая экономика» включены три федеральных проекта. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2022-01-25_v_natsprogrammu_tsifrovaya (дата обращения: 17.12.2025).

4. КонсультантПлюс. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 17.12.2025).
5. TEKsystems 2023 State of Digital Transformation Report Reveals How Economic Uncertainty Im-pacts Decision-Making and the Journey Forward. URL: (<https://www.teksystems.com/en/insights/newsroom/2023/teksystems-state-of-digital-transformation-2023-press-release>) (дата обращения: 17.12.2025).
6. Скокова А.Н. О некоторых вопросах правового регулирования государственной цифровой коммуникации: ретроспектива и современное состояние // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (57). С. 123-130. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/2/123-130. EDN: ITJLOU.
7. Самакаева, М.Д. Цифровизация как инструмент публичной власти и управления // Менеджмент и маркетинг в условиях цифровой экономики. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 165-174. EDN: KYUVLW.
8. Алексеева М.В., Филимонова Е.А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 2. С. 14-21. DOI: 10.23947/2949-1843-2024-2-2-14-21. EDN: CGTGHU.
9. Ларичев А.А. Тагиев Э.С. Влияние цифровых инструментов на эффективность и результативность публичной власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 4. С. 934-948. DOI: 10.21638/spbu14.2024.401. EDN: INJPZW.
10. Индикаторы цифровой экономики: 2025: статистический сборник. Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 296 с.
11. Стяжкина Е. И. Новая парадигма менеджмента в условиях цифровой экономики // Управленческие науки. 2025. Т. 15., № 1. С. 6-19. DOI: 10.26794/2304-022X-2025-15-1-6-19. EDN: ANORYO.
12. Морковкин Д.Е. Макрушина А.В. Цифровизация промышленности как драйвер инновационно-технологического развития экономики // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № 2. URL: <https://esj.today/PDF/91ECVN224.pdf> (дата обращения: 17.12.2025).
13. Козин М.Н., Радченко Е.П. Оценка показателей цифровизации экономики как драйвер технологического развития и стратегического обеспечения национальных интересов страны // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2024. № 3. С. 218-222. EDN: COQDBH.

References

1. Obukhova A.S., Bulgakova A.A., Karakulin A.Yu. Strategic planning for state management of technological development. Vestnik Akademii znaniy. 2024. No. 2 (61). pp. 692-694. EDN: XLXGZH. (In Russ.)
2. Konsul'tantPlyus. Pasport nacional'nogo proekta "Nacional'naya programma "Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii" (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskemu razvitiyu i nacional'nym proektam, protokol ot 04.06.2019 № 7). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (Accessed Date: 17.12.2025). (In Russ.)
3. Cnews. V nasprogrammu "Cifrovaya ekonomika" vklyucheny tri federal'nyh proekta. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2022-01-25_v_natsprogrammu_tsifrovaya (Accessed Date: 17.12.2025). (In Russ.)
4. Konsul'tantPlyus. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 "O Strategii razvitiya informacii-onnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017-2030 gody". Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (Accessed Date: 17.12.2025). (In Russ.)
5. TEKsystems 2023 State of Digital Transformation Report Reveals How Economic Uncertainty Impacts Decision-Making and the Journey Forward. Available at: <https://www.teksystems.com/en/insights/newsroom/2023/teksystems-state-of-digital-transformation-2023-press-release> (Accessed Date: 17.12.2025).
6. Skokova A.N. On some issues of legal regulation of state digital communication: retrospective and current state. Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. No. 2 (57). pp. 123-130. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/2/123-130. EDN: ITJLOU. (In Russ.)
7. Samakaeva, M.D. Digitalization as a tool of public power and management. Menedzhment i marketing v usloviyah cifrovoj ekonomiki. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moscow, 2024. pp. 165-174. EDN: KYUVLW. (In Russ.)
8. Alekseeva M.V., Filimonova E.A. The state transformation features in the context of digital technologies development. Legal Order and Legal Values. 2024. Vol. 2. No. 2. pp. 14-21. DOI: 10.23947/2949-1843-2024-2-2-14-21. EDN: CGTGHU. (In Russ.)
9. Larichev A.A., Tagiev E.S. Impact of digital tools on the efficiency and effectiveness of public authorities. Vestnik of Saint St. Petersburg University. Law. 2024. Vol. 15. No. 4. pp. 934-948. DOI:

10.21638/spbu14.2024.401. EDN: INJPZW. (In Russ.)

10. Indikatory cifrovoj ekonomiki: 2025: statisticheskij sbornik. Moscow: ISSEK HSE, 2025. 296 p. (In Russ.)

11. E. I. Styazhkina. A new management paradigm in the digital economy. Management sciences. 2025. Vol. 15., No. 1. pp. 6-19. DOI: 10.26794/2304-022X-2025-15-1-6-19. EDN: AHORYO. (In Russ.)

12. Morkovkin D.E., Makrushina A.V. Cifrovizaciya promyshlennosti kak drajver innovacionno-tekhnologicheskogo razvitiya ekonomiki. Vestnik evrazijskoj nauki. 2024. Vol. 16, No. 2. Available at: <https://esj.today/PDF/91ECVN224.pdf> (Accessed Date: 17.12.2025). (In Russ.)

13. Kozin M.N., Radchenko E.P. Assessment of indicators of digitalization of the economy as a driver of technological development and strategic ensuring the national interests of the country. Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii. 2024. No. 3. pp. 218-222. EDN: COQDBH. (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Коваленко Павел Владимирович** – аспирант кафедры финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация, Курск, e-mail: p.kovalenkx@gmail.com.

©**Ершова Ирина Геннадьевна** – доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация, Курск, e-mail: ershovairgen@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Kovalenko Pavel Vladimirovich** – postgraduate student of the Department of Finance and Credit, South-Western State University, Russian Federation, Kursk, e-mail: p.kovalenkx@gmail.com.

©**Ershova Irina Gennadievna** – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Finance and Credit, Southwestern State University, Russian Federation, Kursk, e-mail: ershovairgen@yandex.ru.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.346.36

DOI: 10.55421/2499992X_2026_1_45

З. Х. Сергеева

**УЧЕБА – ЖЕЛАНИЕ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?
БЮДЖЕТ ВРЕМЕНИ, ИСТОЧНИКИ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ И «ВНУТРЕННИЙ АСКЕТ»
СТУДЕНТА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Ключевые слова: молодежь, студенческая молодежь, мотивация, бюджет времени студентов, «человек эффективный», учебная мотивация студентов, самодисциплина, «внутренний аскет студента», «культура успеха».

В данной статье анализируются результаты пилотажного социологического исследования проведенного в октябре 2025 года. В ходе исследования было опрошено 115 студентов (N=115) гуманитарных специальностей КНИТУ и КФУ методом анкетирования. Средний возраст опрошенных 19-23 года. 64,3 % респондентов – женщины и 35,7 % – мужчины. Целью опроса являлось выявить и охарактеризовать основные типы учебной мотивации студентов гуманитарных специальностей. На основе полученных результатов был предложен анализ взаимосвязей учебной мотивации, самодисциплины, планирования и распределения бюджета времени между различными видами деятельности. Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что чем выше внутренняя учебная мотивация и самодисциплина, тем выше вероятность, что студент проявляет черты «внутримирской аскезы», воспринимая учебу как призвание, а не как принуждение. В рамках данного исследования автор сочетает функциональный подход и теорию рационализации, вводя понятие «внутренний аскет студента» – субъекта, который осознает время как ресурс и стремится к его рациональному использованию в условиях постоянного требования продуктивности. Под бюджетом времени понимается распределение совокупного фонда времени индивида между различными видами деятельности: трудом, учебой, отдыхом, коммуникацией, сном и другими занятиями. Анализ бюджета времени позволяет понять механизмы социальной адаптации студентов, выявить баланс между учебой, трудом и досугом, а также оценить влияние цифровизации на организацию повседневной жизни.

Z. H. Sergeeva

**IS STUDYING A DESIRE OR A NECESSITY? TIME BUDGET, SOURCES OF STUDENT
MOTIVATION AND THE STUDENT'S «INNER ASKETE»
(BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH DATA)**

Keywords: youth, student youth, motivation, student's time budget, «effective person», student's academic motivation, self-discipline, «the student's inner asceticism», «culture of success».

This article analyzes the results of a pilot sociological study conducted in October 2025. A total of 115 students (N=115) majoring in the humanities at KNRTU and KFU were surveyed. The average age of respondents was 19-23 years. 64.3 % of respondents were women and 35.7 % were men. The purpose of the survey was to identify and characterize the main types of academic motivation among students majoring in the humanities. Based on the results, an analysis was proposed of the relationships between academic motivation, self-discipline, planning, and time budgeting across various activities. The study confirmed the hypothesis that the higher the intrinsic academic motivation and self-discipline, the more likely a student is to exhibit traits of «inner asceticism», perceiving study as a calling rather than a compulsion. In this study, the author combines a functional approach and rationalization theory, introducing the concept of the «inner student ascetic» – an individual who recognizes time as a resource and strives to use it rationally under constant productivity pressure. Time budget refers to the distribution of an individual's total time among various activities: work, study, leisure, communication, sleep, and other pursuits. Time budget analysis allows us to understand the mechanisms of students' social adaptation, identify the balance between study, work, and leisure, and assess the impact of digitalization on the organization of everyday life.

Актуальность исследования учебной мотивации и бюджетов времени студентов обусловлена тем, что именно в этих двух измерениях – мотивационном и темпоральном – сегодня отражаются ключевые тенденции трансформации современного образования и молодежной культуры. В условиях цифровизации, гибридных форм обучения и нарастающего давления эффективности студенты сталкиваются с необходимостью самостоятельно распределять свое время и выстраивать внутренние источники учебной активности. Баланс между учебной нагрузкой, работой, отдыхом и саморазвитием становится индикатором не только академической успешности, но и психологического благополучия, а структура мотивации – показателем ценностных ориентаций и стратегий адаптации к новой образовательной реальности. Изучение этих аспектов позволяет выявить, как меняется отношение молодежи к учебе, труду и времени, какие типы учебного поведения формируются в университетской среде и какие факторы поддерживают или разрушают внутреннюю учебную мотивацию в эпоху ускорения и информационного переизбытка.

Данная статья написана по результатам социологического исследования методом анкетирования, которое было проведено в октябре 2025 года и является логическим продолжением целой серии авторских прикладных исследований [1-5]. Всего в опросе приняли участие 115 студентов (N=115) гуманитарных специальностей КНИТУ и КФУ. 57 % и 43 % респондентов, соответственно. 85 % участников исследования – бакалавры 2-4 курсов, 15 % – магистры. Средний возраст опрошенных 19-23 года. 64,3 % респондентов – женщины и 35,7 % – мужчины. Не будет ошибкой утверждать, что полученное гендерное и возрастное распределение опрошенных вполне релевантно социально-демографическому составу студентов очных форм обучения гуманитарных направлений.

Цель данного исследования – изучить учебную мотивацию студентов гуманитарных специальностей, а также провести анализ взаимосвязей учебной мотивации, самодисциплины, планирования и распределения бюджета времени между различными видами деятельности: учеба, отдых, работа, быт, личные дела, сон, питание, спорт, хобби и т. д. Исследование подтвердило гипотезу о том, что чем выше внутренняя учебная мотивация и самодисциплина, тем выше вероятность, что студент проявляет черты «внутримировой аскезы», воспринимая учебу как призвание, а не как принуждение.

Методика исследования. Опрос методом анкетирования. Анкета включала 28 вопросов, посвященных мотивации, самоорганизации, и бюджету времени студентов. Основные измеряемые

переменные: (1) внутренняя мотивация (интерес, смысл, ценность учебы); (2) внешняя мотивация / принуждение (давление, страх, социальный контроль); (3) самодисциплина и «внутренний аскет» (способность к самоконтролю, саморегуляции); (4) бюджет времени – распределение усилий, организация; (5) рефлексивность и смыслообразование (глубина осознания, самоопределение).

Исследование бюджетов времени и студенческого времени, в частности опирается на длительную научную традицию теоретических и эмпирических исследований. В социологической теории проблема времени занимает важное место и рассматривается как социальный ресурс. Так М. Вебер связал категорию времени с процессом рационализации и «внутримировой аскезы», то есть с дисциплинированным и осознанным отношением человека к труду и повседневности [6]. В функционалистской традиции время рассматривается как элемент системы ролевых ожиданий, регулирующий согласованность социальных действий. Э. Гидденс применяет понятие «рефлексивной модернизации времени», когда человек сам конструирует свой жизненный ритм, но вынужден существовать под постоянным давлением срочности и неопределенности [7].

В 1921–1922 годах П. А. Сорокин в Петрограде осуществил социологическое обследование, применив метод хронометража. Данное исследование стало основой его дальнейшей работы о социальном времени в соавторстве с Р. Мертоном [8]. Параллельно, в 1922–1923 годах С. Г. Струмилин организовал исследование бюджета времени рабочих и крестьянских семей в СССР [9]. Также в 1923 году было проведено исследование времени сельского населения, в котором, помимо временных затрат, анализировались материальные условия быта и особенности образа жизни. Таким образом, первые эмпирические исследования бюджетов времени заложили основу для дальнейшего социологического изучения повседневности [8-10].

В современной социологии можно выделить несколько теоретических подходов к анализу времени. *Функционалистский подход*. С позиций функционализма время выступает показателем социальной интеграции и адаптации. Баланс между основными сферами жизнедеятельности – учебой, трудом и отдыхом – отражает степень успешности социализации. В качестве нормативного принято считать следующее распределение: 30–40 % – учеба; 25–30 % – сон; остальное – досуг и коммуникации. Отклонения от этого баланса (например, перераспределение времени в сторону работы) указывают на социально-экономическое давление и дефицит институциональной поддержки студентов [11-15].

Конфликтологический подход. В конфликтологической перспективе время рассматривается как арена социальных противоречий. Студенты вынуждены балансировать между академическими требованиями и потребностью в личной жизни. Неравенство временных ресурсов проявляется между разными социальными группами – стипендиатами, работающими студентами, студентами с семьей. Исследования показывают, что обучающиеся с низким доходом тратят до 50 % своего времени на подработку, что снижает учебную вовлеченность и ограничивает социальную мобильность [16-19].

Феноменологический и культурно-антропологический подход. С точки зрения феноменологии, время воспринимается субъективно – как «чувство ускорения» или «растворения» учебного времени.

Исследуются темпоральные нарративы студентов: «время до дедлайна», «сессия как марафон», «отсроченное удовольствие» и т. п. Современный студент живет в режиме «гибридной темпоральности». С одной стороны, студенты вынуждены принимать жесткую структуру дисциплины, включающей четкие расписания, регламенты и т. д. С другой стороны, учащиеся все больше вовлекаются в хаос цифровой среды [20, 21].

Теория рационализации. Университет в этом контексте предстает как институт рационального распределения времени: лекционные часы, дедлайны, зачетная система, которые формируют дисциплинарную логику. Возникает феномен «внутримирской аскезы» – внутренней установки на экономию времени, самоконтроль и самодисциплину. Современный студент наследует веберовскую этику эффективности и расчета. Однако в условиях гибридной цифровой среды это нередко превращается в перманентное самоотслеживание. Цифровой трекинг и дедлайны способствуют нарастанию тревожности [6, 22, 23].

Понятие «внутреннего аскета студента» и бюджет времени. В рамках данного исследования автор сочетает функциональный подход и теорию рационализации, вводя понятие «внутренний аскет студента» – субъекта, который осознает время как ресурс и стремится к его рациональному использованию в условиях постоян-

ного давления требований продуктивности. Бюджет времени – это распределение совокупного фонда времени индивида между различными видами деятельности: трудом, учебой, отдыхом, коммуникацией, сном и другими занятиями. Анализ бюджета времени позволяет понять социальную адаптацию студента, выявить баланс между учебой, трудом и досугом, а также оценить влияние цифровизации на организацию повседневной жизни. В эпоху гибридного обучения и постоянной онлайн-доступности структура времени становится индикатором новых моделей социальной организации и временной культуры студенчества.

Обратимся к результатам проведенного опроса. Полученные данные показывают, что временная структура студенчества меняется: растет нагрузка, усиливается совмещение учебы и работы, возрастает значимость свободного времени и его рационального использования. Внутренние мотивы, такие как интерес и саморазвитие сочетаются с внешними карьерными устремлениями [24-26]. Молодежь поколения Z имеет иные, нежели более старшие поколения ценности: гибкость, иметь «время для себя», цифровую активность, желание баланса между учебой, работой и личной жизнью [27, 28]. Временная культура и бюджет времени нынешних студентов тесно связаны с мотивацией. Распределение времени отражает, что именно важно для студента – учеба, работа, саморазвитие или досуг. В нашем опросе под учебной мотивацией мы подразумеваем систему смыслов, целей и ценностей, которые определяют участие студентов в учебе и профессиональном саморазвитии.

Распределение ответов на вопрос об отношении к учебе (см. табл. 1) показывает, что только 2,6 % участников опроса декларируют отчужденное отношение к обучению, считая это вынужденной необходимостью. Большинство студентов высказывают позитивное (46,1 %) или ответственное (27 %) отношение к учебе. Вместе с тем значительная доля (24,3 %) респондентов считают учебу «лишь средством достижения цели». Таким образом, в студенческой среде наблюдается преобладание позитивной внутренней учебной мотивации (совокупно 73,1 %) наряду с утилитарной ориентацией на ожидаемые карьерные результаты обучения.

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Как бы вы охарактеризовали свое отношение к учебе?»

Варианты ответа	N=115	%
Мне нравится учиться, я учусь с интересом	53	46,1 %
Это обязанность, но я стараюсь	31	27 %
Учеба – лишь средство достижения цели (диплом, статус, работа)	28	24,3 %
Это вынужденная необходимость	3	2,6 %

Более детальное представление о ведущих типах учебной мотивации можно сформировать на основе анализа распределения ответов на перекрестные контролируемые вопросы: «Что для вас важнее в обучении?» и «Какова Ваша ОСНОВНАЯ мотивация к учебе?» (см. табл 2-3).

Как видно из табл. 2, на первое место среди важных мотивов студенты ставят личное развитие, на второе – знания для будущей профессии, на третье – оценки и успех в учебе. Так 89,6 % студентов считают важным «личное развитие» и 80,9 % опрошенных респондентов выбрали вариант ответа «знания для будущей профессии».

Распределение ответов в табл. 3 в целом не противоречит данным из табл. 2. Но на этот раз мотивация к карьерному успеху занимает первое место, а внутренний интерес к учебе уходит на почетную вторую позицию. 74,8 % – отметили, что для них важно «получить диплом и хорошую должность в будущем». 54,8 % считают важным «внутренний интерес к изучаемой области/предмету».

Таким образом, среди обследованных студентов доминирует смешанный тип мотивации, сочетающий прагматические, карьерные и внутренние, познавательные устремления.

Внешняя или социальная мотивация не является ведущей, что говорит о высокой автономности. В частности, мотив «одобрение преподавателей / родителей» набрал 12,2 % ответов (см. табл. 2). Аналогично, похожие формулировки: «социальное признание среди сверстников / преподавателей» и «давление со стороны семьи / ожидания родителей» набрали 14,8 % и 11,3 % соответственно (см. табл. 3). Результаты, представленные в табл. 4 также подтверждают полученные выводы. Большинство студентов согласны с утверждениями: «Я учусь, потому что мне действительно интересно то, что я изучаю» (средняя оценка 3,96 балла из 5 возможных) и «Я считаю, что моя учеба напрямую связана с моими будущими карьерными целями» (средняя оценка 3,41 балла из 5 возможных).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Что для вас важнее в обучении?»

Варианты ответа	N=115	%
Личное развитие	103	89,6 %
Знания для будущей профессии	93	80,9 %
Оценки и академический успех	37	32,2 %
Одобрение преподавателей / родителей	14	12,2 %
Возможность избежать проблем	14	12,2 %
Другое:		
Расширение кругозора	1	0,9 %
Отсрочка от армии	1	0,9 %
Возможность построить карьеру	1	0,9 %
Это знание связано с моим обучением	1	0,9 %
Стипендия	1	0,9 %
Получение работы	1	0,9 %

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос: «Какова Ваша ОСНОВНАЯ мотивация к учебе? (выберите не более 2 вариантов)»

Варианты ответа	N=115	%
Внутренний интерес к изучаемой области / предмету.	63	54,8 %
Стремление получить диплом и хорошую должность в будущем.	86	74,8 %
Давление со стороны семьи / ожидания родителей.	13	11,3 %
Желание получить высокие оценки (страх плохих оценок).	7	6,1 %
Возможность получения стипендии / финансовой поддержки.	26	22,6 %
Социальное признание среди сверстников / преподавателей.	17	14,8 %
Другое:		
Отсрочка от армии	2	1,8 %
Закончить обучение	1	0,9 %

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос: «Оцените по шкале от 1 до 5, насколько вы согласны со следующими утверждениями»

Варианты ответа	Средняя оценка N=115
Я учусь, потому что мне действительно интересно то, что я изучаю	3.96
Я считаю, что моя учеба напрямую связана с моими будущими карьерными целями	3.41
Я учусь скорее «по обязанности», чем по интересу	2.63
Я получаю удовольствие от процесса обучения	3.72
Учеба для меня – способ доказать свою состоятельность	3.37

Приведем также анализ ответов студентов на вопрос открытого типа, который позволил испытуемым выразить не только когнитивную оценку учебы, но и эмоционально-ценностную. Ответы, полученные на данный вопрос, открывают возможность провести их интерпретацию в терминах теории мотивации и сгруппировать данные по типам мотивации, опираясь на концепцию Э. Деси и Р. Райана [18, 29] (см. табл. 5).

В современных исследованиях принято выделять такие типы учебной мотивации как: внутренняя, инструментальная, социально-нормативная, формально-адаптивная и демотивированный тип. (1) Внутренне мотивированные – это, как правило, активные, автономные студенты, склонные к самообразованию. Для них учеба является важной ценностью и частью идентичности. (2) Инструментально мотивированные или прагма-

тичные – это чаще студенты старших курсов, нередко совмещающие работу и учебу. Прагматики рассматривают учебу как средство карьерного роста. (3) Социально-нормативная мотивация, ориентированная на долг и обязательства, характерна для студентов из традиционных семей. (4) Формально-адаптивная мотивация проявляется через низкую вовлеченность и высокая прокрастинация. (5) Демотивированность же означает потерю интереса, выгорание и разочарование в специальности. [18, 25, 30, 31] Результаты анализа ответов на вопрос, представленные в табл. 5 вполне укладываются в рамки описанной типологии.

Результаты показывают, что эмоциональное поле студентов поляризовано. Почти одинаковое количество позитивных и негативных ответов, указывает на высокую эмоциональную амплитуду их актуального учебного опыта.

Таблица 5 – Результаты ответов на вопрос: «Продолжите фразу: «Когда я думаю о своей учебе, я чаще всего чувствую...».

Эмоциональные маркеры	Тип мотивации по Э. Деси и Р. Райану	Примеры ответов	Доля от N=115
Позитивные: интерес, вдохновение, радость, гордость	Внутренняя мотивация	«Легкость», «Счастье», «Воодушевление», «Интерес», «Радость», «Удовлетворение», «Саморазвитие», «Наполнение умом», «Гордость», «Благодарность, что могу учиться»	≈ 40 %
Нейтрально-нормативные: долг, ответственность	Интроецированная мотивация	«Чувство долга», «Ответственность», «Обязательство», «Долг перед мамой»	≈ 20 %
Негативные: тревога, усталость, принуждение, страх	Внешняя мотивация	«Тревожность», «Усталость», «Боязнь не справиться», «Недовольство», «Потрачу время не туда».	≈ 25 %
Скука, нейтральность, равнодушные	Амотивированность	«Скукоте», «Ничего» «Нейтральность»	≈ 10 %
Амбивалентные ответы	Смешанная мотивация	«Интерес и усталость», «Смешанные эмоции», «Зависит от дисциплины», «Не понимаю, чего ждать от будущего» «Полезно, но скучно»,	≈ 5 %

Можно говорить о трех наиболее значимых «эмоционально-мотивационных профилях» студентов. К первому профилю можно отнести $\approx 40\%$ опрошенных – это студенты с проявленной внутренней мотивацией, испытывающие радость, удовольствие от учебы. Назовем их «Воодушевленные исследователи». Второй «эмоционально-мотивационный профиль» образуют $\approx 20\%$ обследованных – это студенты, демонстрирующие интроецированную мотивацию, ссылающиеся на долг и обязательства. Назовем их «Ответственные исполнители». Наконец, к третьему профилю относится группа, которая объединяет студентов, испытывающих от учебы стресс, усталость, тревогу, скуку. Суммарно данная группа составляет $\approx 35\%$ от выборки – это студенты с внешней мотивацией. Назовем их «Выгорающие и тревожные».

Таким образом, опираясь на результаты исследования можно констатировать, что «учебное выгорание» студентов является актуальной проблемой. Вместе с тем интерес и удовлетворение все же остаются базовыми чувствами для большинства опрошенных студентов, сохраняющих внутреннюю мотивацию. Что касается чувств долга и ответственности, то они в целом позитивно влияют на эмоциональный климат среди обучающихся и стабилизируют учебный процесс, но могут также приводить к росту напряжения.

Согласно полученным результатам, отношение студентов к успеху и восприятие успеха у студентов столь же неоднозначны, как и эмоционально-мотивационные профили. Отвечая на вопрос «Что для вас значит «быть успешным?»», $42,6\%$ опрошенных в первую очередь ассоциируют успех с внутренним удовлетворением. $40,0\%$ считают, что главное – это достижение целей и признания: «достичь своих целей и быть финансово независимой», «иметь хорошую работу и зарплату». $15,7\%$ на первое место поставили жизнь в равновесии и без стресса. И ни один респондент не выбрал вариант «соответствовать ожиданиям общества». Таким образом, понятие «успеха» для студентов в равной степени сочетает внешнюю эффективность и внутреннее равновесие. Психологическое благополучие участники опроса рассматривают как важное условие и составляющую достижения личных целей (хорошая работа, зарплата, финансовая независимость) и признания.

Около $56,5\%$ опрошенных студентов периодически склонны к социальным сравнениям в учебе, работе, социальных сетях. Так, отвечая

на вопрос «Как часто вы сравниваете себя с другими (в учебе, работе, социальных сетях)?» $17,4\%$ отмечают, что «почти всегда», $39,1\%$ ответили, что «иногда», $32,2\%$ – редко, и только $11,3\%$ – никогда не сравнивают себя с другими. Это отражает умеренную зависимость самооценки от внешних критериев.

Если рассматривать полученные в ходе данного исследования результаты через призму поколенческих различий, то следует обратить внимание на определенный сдвиг в структуре мотивации современных студентов как представителей поколения Z. В отличие от представителей поколения Y, для которых ведущей мотивацией были стремление к успеху, самореализации через карьеру, участие в проектах. Для студентов поколения Z более важной становится гибридная мотивация: «учусь, если это интересно и полезно». Также у нынешних 20-летних уже наблюдаются черты будущего поколения альфа. Что проявляется в стремлении к интерактивности, краткости, геймификации, онлайн-обучению, активному использованию инструментов искусственного интеллекта.

Отдельный блок вопросов анкеты был посвящен субъективным оценкам бюджета времени, навыкам планирования и тайм-менеджмента (см. табл. 6-7). Если перевести показатели из табл. 6 в условную 7-дневную неделю (168 часов), то усредненная структура будет представлена табл. 7.

Отношение студентов к планированию, контролю, самодисциплине и «внутренней аскезе». На вопрос «Насколько часто вы планируете свое учебное время?» $49,9\%$ ответили «всегда (веду расписание, планирую дни)». $39,1\%$ практикуют планирование иногда. $12,2\%$ – редко. И только $7,8\%$ опрошенных ответили, что никогда не планируют свое учебное время. Вместе с тем, на дополнительный вопрос «Как вы чаще всего поддерживаете себя в сложные периоды учебы? (выберите не более 3 вариантов)» $47,8\%$, что приближается к половине опрошенных, считают, что самоорганизация и планирование выполняют роль не только стимула, но и поддержки в трудные моменты, связанные с учебным процессом. Также на контрольный вопрос «Какие формы самодисциплины вы применяете? (выберите не более 3 вариантов)» $68,7\%$ студентов назвали планирование и тайм-менеджмент. Таким образом большая часть опрошенных студентов практикует регулярное планирование, что говорит о развитии навыков самоменеджмента, но почти $1/5$ испытывают трудности с организацией времени.

Таблица 6 – Структура бюджета времени студентов (по субъективным самооценкам)

Категория	Примерный диапазон значений (часов в неделю)	Средняя тенденция	Интерпретация
Обязательные занятия в вузе	10–25 (но колебания от 0 до 40)	≈ 16 ч/нед	Большинство посещают пары регулярно, но часть – выборочно.
Самостоятельная учеба	5–15	≈ 8–10 ч/нед	Присутствует «экономия времени», стремление минимизировать усилия; у части студентов – высокая учебная самоорганизация.
Работа	0–40, отдельные случаи до 50+	≈ 18–20 ч/нед среди работающих	Почти треть студентов совмещает учебу с работой, у части – интенсивная занятость.
Сон и личная гигиена	45–65	≈ 55–60 ч/нед	В среднем 7–8 часов сна в день, но многие жалуются, что учеба «посягает на сон».
Быт, готовка, домашние дела	5–20	≈ 10–12 ч/нед	Основная нагрузка у живущих отдельно; для проживающих с родителями показатели ниже.
Общение (друзья, семья)	5–20	≈ 10–12 ч/нед	Общение – важный компенсатор стресса, но у части студентов «времени не хватает».
Отдых, хобби, книги	5–15	≈ 8–10 ч/нед	Хобби часто упоминаются как «недосягаемая роскошь»; заметен дефицит досуга без гаджетов.
Спорт и физическая активность	0–8	≈ 4 ч/нед	10–15 % занимаются регулярно, треть вообще не уделяет времени спорту.
Социальные сети	10–35 (в среднем 2–4 ч/день)	≈ 25 ч/нед	Один из крупнейших «поглотителей времени»; часто используется и для работы, и для отдыха.
Сериалы, YouTube	5–20	≈ 10–12 ч/нед	Чаще всего – вечерняя расслабляющая практика.
Онлайн-игры	0–10 (большинство 0)	≈ 2–3 ч/нед	Игры – менее популярны, чем соцсети; чаще у мужчин.

Таблица 7 – Усредненная структура бюджета времени студентов

Сфера	Средний % от недели	Характеристика
Учеба (вуз + самостоятельная)	~15–18 %	академическая деятельность
Работа	~10–12 %	внешняя занятость
Сон и гигиена	~35 %	физиологические потребности
Быт	~7 %	поддержание повседневности
Общение и отношения	~7 %	социальные связи
Отдых / хобби	~6 %	восстановление
Цифровые практики (соцсети, видео, игры)	~15 %	развлечение, компенсация усталости

На уточняющий вопрос «Что чаще всего мешает вам придерживаться плана?» 47,8 % опрошенных студентов назвали усталость и прокрастинацию. 28,7 % студентов отвлекаются на внезапные дела. 11,3 % испытывают недостаток мотивации. 2,6 % нуждаются во внешних стимулах и контроле. 2,6 % объясняют срывы планов внутренним перфекционизмом: «делаю слишком идеально и

не успеваю». Таким образом, ведущие барьеры носят эмоционально-энергетический характер: выгорание, усталость. Это подтверждает высокий уровень перегрузки и дефицита отдыха. Так на вопрос «Насколько Вы склонны к добровольному самоограничению ради учебы?» примерно 60 % отметили, что имеют такую склонность. Только 1,7 % опрошенных выбрали вариант «Являюсь

полной противоположностью аскезы: стремлюсь к максимальному потреблению удовольствий». При этом на вопрос «Если вы практикуете самоограничение, то в чем оно чаще всего выражается? (Выберите все, что подходит)» большинство – 60,9 % студентов отвечают, что чаще всего практикуют ограничение времени в социальных сетях и онлайн-играх. 49,6 % – отказываются от вечеринок и встреч с друзьями. Столько же – 49,6 % экономят деньги, контролируют расходы, практикуют финансовую аскезу. 36,5 % – ограничивают сон ради учебы. И только 11,3 % сказали, что не практикуют сознательное самоограничение.

На вопрос о том «Как часто вы сознательно ограничиваете себя во сне, отдыхе, развлечениях ради достижения целей?» 12,2 % студентов ответили – постоянно; 62,6 % – иногда; 20,9 % – редко; 4,3 % – никогда. Таким образом по субъективным оценкам, студенты чаще практикуют информационную и социальную аскезы: цифровой детокс, фокус на целях. Но в тоже время почти 1/3 практикует жесткие такие формы самоограничений. Сокращают время на сон и отдых. Подобное поведение создает серьезные риски выгорания.

Вместе с тем, в целом по результатам опроса заметно, что рационально-поведенческие стратегии, такие как план, контроль, привычка, преобладают над репрессивными, связанными с ограничением отдыха. Это говорит о здоровом типе самодисциплины, без чрезмерной самоагрессии. Внутренний аскет студента – это личностная и культурная установка, выражающая: стремление к самодисциплине и саморегуляции в учебе; ориентацию на внутренние цели (смысл, рост, призвание), а не только внешние стимулы (оценки, контроль); готовность к отложенному вознаграждению – работать «сейчас», чтобы получить результаты «потом»; умение контролировать импульсы (лень, отвлечения, желание немедленного удовольствия). В учебе аскетизм проявляется в стремлении планировать учебное время, выполняет задачи без внешнего давления. Такой человек уважает собственное и чужое время, избегает прокрастинации. В структуре мотивационных установок преобладает внутренняя мотивация: «мне это важно», «я расту». Этический базис – «все заслужено трудом». Труд, порядок, устойчивость, ответственность. Отдых рассматривается как восстановление, а не бегство.

«Внутримирская аскеза» присутствует у большинства опрошенных в мягкой форме – студенты склонны к ситуативному самоконтролю, а не перманентной аскезе. В частности, на вопрос «Какие чувства вызывает у вас идея «внутримирской аскезы» – дисциплины ради внутреннего роста?» 42,6 % опрошенных студентов ответили, что эта идея их вдохновляет; 22,6 % относятся к ней

настороженно; 14,8 % считают идею аскезы устаревшей и 20,0 % ее не понимают. Почти половина студентов положительно воспринимают аскетическую установку («дисциплина ради внутреннего роста»), но около 1/3 – испытывают тревогу или непонимание, что указывает на разрыв между культурой самоконтроля и культурой самоподдержки.

Опираясь на полученные результаты, можно предложить следующую типологию «внутреннего аскетизма» у студентов:

– *Ценностно-рациональный*. Основан на убеждениях и идеалах: «учеба – мой путь». Ключевая черта: призвание, смысл, ответственность.

– *Прагматический*. Связан с целью успеха: «нужно дисциплинироваться ради карьеры».

– *Морально-долговой*. Внутреннее чувство долга перед собой и близкими. Такой студент демонстрирует навыки самоменеджмента и стремление к эффективности.

– *Рефлексивно-экзистенциальный*. Аскеза как способ осознания себя и жизни. В мотивации присутствует осознанность, философичность.

– *Компульсивно-рациональный (невротический)*. Навязчивый контроль, страх неудачи, перфекционизм, тревожная самодисциплина.

Несмотря на ряд выявленных в ходе исследования проблемных зон, следует отметить, что опрошенные студенты декларируют достаточно высокий уровень удовлетворенности учебной и учебной жизнью. Так, на вопрос «Оцените по шкале от 1 до 5, насколько вы удовлетворены своей учебной жизнью» средняя оценка составила 3.69 балла.

Выводы. Можно выделить три наиболее значимых «эмоционально-мотивационных профиля» студентов: «воодушевленные исследователи»; «ответственные исполнители»; «выгорающие и тревожные». «Учебное выгорание» студентов является актуальной проблемой. Вместе с тем интерес и удовлетворение все же остаются базовыми чувствами для большинства опрошенных студентов, сохраняющих внутреннюю мотивацию. Опрошенные студенты декларируют достаточно высокий уровень удовлетворенности учебной и учебной жизнью. Средняя оценка удовлетворенности составила 3.69 балла.

Почти половина студентов положительно воспринимают аскетическую установку: «дисциплина ради внутреннего роста», но около 1/3 опрошенных испытывают тревогу или непонимание. Типы «внутреннего аскетизма» у студентов: ценностно-рациональный, прагматический, морально-долговой, рефлексивно-экзистенциальный, компульсивно-рациональный (невротический).

В настроениях студентов наблюдаются тенденции к формированию новой этики труда и досуга. Новая этика утверждает желание

«жить, а не учиться ради выживания». Студенты все чаще переносят фокус своего внимания с дисциплины на саморегуляцию.

Литература

1. Сергеева З.Х. Пандемия COVID-19 и переход на дистанционное обучение: результаты опроса студентов // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 1. С. 158-161. EDN: DDUVOZ
2. Сергеева З.Х. Моделирование социального взаимодействия в виртуальных сетях // Управление устойчивым развитием. 2018. № 5 (18). С. 57-73. EDN: YOHTXN
3. Сергеева З.Х., Гатиятуллина Д.А. Ключевые понятия социологии возраста и социологии поколений // Социальная стратификация: учебное пособие. Казань: Изд-во КНИТУ, 2011. С. 230-242.
4. Сергеева З.Х. Значимые события и ценности поколения зумеров (по материалам социальных автобиографий российских студентов) // Управление устойчивым развитием. 2025. №1 (56). С. 59-67. DOI: 10.55421/2499992X_2025_1_59 EDN: NRPMZN
5. Сергеев С.А., Сергеева З.Х. Молодежные субкультуры: кризис концепции // Ценности личности и общества в условиях геополитической турбулентности и постглобализационного мира: традиции и новации. Сборник научных трудов I Международного конгресса социально-политических исследователей тюркского мира. Казань, 2023. С. 249-253.
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. Москва.: Прогресс, 1990. С.61-344.
7. Гидденс Э. Последствия современности. Москва: Практикс, 2011. 352 с.
8. Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6 (242). С. 112-119. EDN: OXBQDR
9. Струмилин С.Г. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922-1923 году. Москва: Вопросы труда, 1924. 165 с.
10. Артемов В.А., Новохацкая О.В. Эмпирические исследования затрат времени в СССР (1920-1930-е гг.) // Социологические исследования. 2008. № 4 (288). С. 92-104. EDN IQFQNB.
11. Большакова О. А. Современные проблемы повседневной деятельности и использования бюджета времени студенческой молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2006. 32 с.
12. Большакова О.А., Караханова Т.М. Бюджет времени студенческой молодежи и ее адаптация к учебной деятельности // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12, № 3. С. 120-144. DOI 10.19181/vis.2021.12.3.740. EDN RADUMR.
13. Бюджеты – это не только деньги. Как мы тратим свое время?. Научный дайджест. 2023. № 3 (20). URL: [https://www.hse.ru/data/2023/04/25/2028200119/Human_Capital_NCMU_Digest_20_Time-Budgets_2023%20\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/2023/04/25/2028200119/Human_Capital_NCMU_Digest_20_Time-Budgets_2023%20(1).pdf) (дата обращения: 10.12.2025).
14. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. Москва: Наука. 1972. 256 с.
15. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Рациональный бюджет времени: подход к проблеме и опыт начального расчета // Социологические исследования. 1977. № 1. С. 19-30.
16. Щеглова И.А., Дремова О.В, Бабаева Д.В. Ландшафт внеучебной деятельности студентов российских вузов: информационный бюллетень. Москва: НИУ ВШЭ, 2023. 24 с.
17. Минат В.Н. Бюджеты времени работников в разных странах: структура, динамика, новые соотношения затрат времени // Экономическая наука современной России. 2024. № 4 (107). С. 113-127. DOI 10.33293/1609-1442-2024-4(107)-113-127. EDN PMCZXW.
18. Шугаль Н.Б., Сутырина Т.А., Озерова О.К. Образовательные стратегии обучающихся: изменения за 20 лет: информационный бюллетень. Москва: НИУ ВШЭ, 2022. 64 с. DOI 10.17323/978-5-7598-2695-8. EDN PORNES.
19. Совмещение учебы в университете и работы: от бакалавриата до аспирантуры: информационный бюллетень. Москва: НИУ ВШЭ, 2022. 28 с.
20. Семенова Н.В., Ляпин В.А., Амиржанова Д.З., Игнатъева Д.В., Елохова Ю.А. Бюджет времени студента // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25364> (дата обращения: 10.12.2025).
21. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. 328 с.
22. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Москва: Университетская книга, 2001. 332 с.

23. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Москва: Университетская книга, 2001. 382 с.
24. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Фатхуллина Л.З., Алексеев С.А. Особенности формирования социальной активности и гражданской позиции у студенческой молодежи // Управление устойчивым развитием. 2018. № 3 (16). С. 45-49. EDN XZBNET.
25. Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 146-158. DOI 10.17223/15617793/476/16. EDN WNOHVA.
26. Штомпель Л.А., Штомпель О.М., Тихомирова Е.Г., Костромицкая А.В. Динамика бюджетов времени российских студентов в условиях аудиторной, дистантной и «гибридной» форм обучения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 177-186. DOI: 10.17223/1998863X/69/18 EDN: ECGZZM
27. Дзюба Т.И., Буря Л.В. Ценностные установки поколения Z // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-2(54). С. 17-21. DOI 10.24412/2500-1000-2021-3-2-17-21. EDN PGFPKZ.
28. Минобрнауки РФ. Петрова О.В. Доклад о положении молодежи в Российской Федерации за 2023 год. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2024/10/Доклад_ПМ2023_ЭЦП_Петрова1.10.24.pdf (дата обращения: 10.12.2025).
29. Мотивация успеха и боязнь неудачи (опросник А. А. Реана) // Реан А. А. Психология изучения личности: учеб. пособие. Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В. А., 1999. 288 с.
30. Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». Караханова Т.М. Бюджет времени. URL: <https://bigenc.ru/c/biudzhet-vremeni-5d7b51> (дата обращения: 10.12.2025).
31. Караханова Т.М., Бессокирная Г.П., Большакова О.А. Человеческий потенциал и свободное время в контексте российской повседневности // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.16. Москва: Новый Хронограф, 2018. С. 393-436.

References

1. Sergeeva Z.H. The COVID-19 pandemic and the transition to distance learning: student survey results. The Review of Economy, the Law and Sociology. 2021. No. 1. pp. 158-161. EDN: DDUVOZ. (In Russ.)
2. Sergeeva Z.H. Simulation of social interaction in virtual networks. Managing sustainable development. 2018. No. 5 (18). pp. 57-73. EDN: YOHTXN. (In Russ.)
3. Sergeeva Z.Kh., Gatiyatullina D.A. Klyuchevye ponyatiya sociologii vozrasta i sociologii pokolenij. In Social'naya stratifikaciya: uchebnoe posobie. Kazan: KNRTU Publishing House, 2011. pp. 230-242. (In Russ.)
4. Sergeeva Z.H. Significant events and values of the zoomers generation (based on the social autobiographies of Russian students). Managing Sustainable Development. 2025. No. 1 (56). pp. 59-67. DOI: 10.55421/2499992X_2025_1_59. EDN: NRPMZN. (In Russ.)
5. Sergeev S.A., Sergeeva Z.H. Molodezhnye subkul'tury: krizis koncepcii. In Cennosti lichnosti i obshchestva v usloviyah geo-politicheskoy turbulentsnosti i postglobalizacionnogo mira: tradicii i novacii. Sbornik nauchnyh trudov I Mezhdunarodnogo kongressa social'no-politicheskikh issledovatelej tyurksko-go mira. Kazan, 2023. pp. 249-253. (In Russ.)
6. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. In Weber M. Izbrannye proizvedeniya. Moscow: Progress, 1990. pp. 61-344. (In Russ.)
7. Giddens E. The Consequences of Modernity. Moscow: Praxis, 2011. 352 p. (In Russ.)
8. Sorokin P.A., Merton R.K. Social time: a methodological and functional study. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2004. No. 6 (242). pp. 112-119. EDN: OXBQDR. (In Russ.)
9. Strumilin S.G. Byudzhety vremeni russkogo rabochego i krest'yanina v 1922-1923 godu. Moscow: Voprosy Truda, 1924. 165 p. (In Russ.)
10. Artemov V.A., Novokhatskaya O.V. Empirical studies of time expenditures in the USSR, 1920-1930th // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. No. 4 (288). pp. 92-104. EDN IQFQNB. (In Russ.)
11. Bol'shakova O. A. Sovremennye problemy povsednevnoj deyatel'nosti i ispol'zovaniya byudzheta vremeni studencheskoj molodezhi: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Moscow, 2006. 32 p. (In Russ.)
12. Bolshakova O.A., Karakhanova T.M. The student time-budget and their adaptation to educational activities. Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Vol. 12, No. 3. pp. 120-144. DOI 10.19181/vis.2021.12.3.740. EDN RADUMR. (In Russ.)
13. Byudzhety – eto ne tol'ko den'gi. Kak my tratim svoe vremya? Nauchnyj dajdzhest. 2023. No. 3 (20). Available at: [https://www.hse.ru/data/2023/04/25/2028200119/Human_Capital_NCMU_Digest_20_Time-Budgets_2023%20\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/2023/04/25/2028200119/Human_Capital_NCMU_Digest_20_Time-Budgets_2023%20(1).pdf) (Accessed Date: 10.12.2025). (In Russ.)

14. Gordon L.A., Klopov E.V. Chelovek posle raboty. Social'nye problemy byta i vnerabocheho vremeni. Moscow: Nauka Publ. 1972. 256 p. (In Russ.)
15. Gordon L.A., Klopov E.V. Racional'nyj byudzhnet vremeni: podhod k probleme i opyt nachal'nogo rascheta. Sotsiologicheskie issledovaniya. 1977. № 1. С. 19-30. (In Russ.)
16. Shcheglova I.A., Dremova O.V., Babaeva D.V. Landshaft vneuchebnoj deyatel'nosti studentov rossijskih vuzov: informacionnyj byulleten'. Moscow: Higher School of Economics, 2023. 24 p. (In Russ.)
17. Minat V.N. Time budgets of employees in different countries: structure, dynamics, new ratios of time expenditures. Economics of Contemporary Russia. 2024. No. 4 (107). pp. 113-127. DOI 10.33293/1609-1442-2024-4(107)-113-127. EDN PMCZXW. (In Russ.)
18. Shugal N.B., Sutyryna T.A., Ozerova O.K. Obrazovatel'nye strategii obuchayushchihsya: izmeneniya za 20 let: informacionnyj byulleten'. Moscow: Higher School of Economics, 2022. 64 p. DOI 10.17323/978-5-7598-2695-8. EDN POHNES. (In Russ.)
19. Sovmeshchenie ucheby v universitete i raboty: ot bakalavriata do aspirantury: informacionnyj byulleten'. Moscow: Higher School of Economics, 2022. 28 p. (In Russ.)
20. Semenova N.V., Lyapin V.A., Amirzhanova D.Z., Ignatieva D.V., Elokhova Yu.A. Byudzhnet vremeni studenta. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya 2016. No. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25364> (Accessed Date: 10.12.2025). (In Russ.)
21. Otcy i deti: Pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii. Moscow: New Literary Vision, 2005. 328 p. (In Russ.)
22. Elias N. The Civilizing Process. Vol. 1. Moscow: University Book, 2001. 332 p. (In Russ.)
23. Elias N. The Civilizing Process. Vol. 2. Moscow: University Book, 2001. 382 p. (In Russ.)
24. Zinurova R.I., Tuzikov A.R., Fatkhullina L.Z., Alekseev S.A. Peculiarities of formation social activity and civilian position student youth. Managing Sustainable Development. 2018. № 3 (16). pp. 45-49. EDN XZBNET. (In Russ.)
25. Zinurova R.I., Nikitina T.N., Fatkhullina L.Z. Social practices and socio-psychological characteristics of generation z (based on the results of focus group research). Tomsk State University Journal. 2022. No. 476. pp. 146-158. DOI 10.17223/15617793/476/16. EDN WNOHVA. (In Russ.)
26. Shtompel L.A., Shtompel O.M., Tikhomirova E.G., Kostromitskaya A.V. Dynamics of Russian students' time budgets in the conditions of classroom-based, remote and "hybrid" forms of learning. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2022. No. 69. pp. 177-186. DOI: 10.17223/1998863X/69/18. EDN: ECGZZM. (In Russ.)
27. Dzyuba T.I., Burya L.V. Gen Z value attitudes. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 3-2(54). pp. 17-21. DOI 10.24412/2500-1000-2021-3-2-17-21. EDN PGFPKZ. (In Russ.)
28. Minobrnauki. Petrova O.V. Doklad o polozhenii molodezhi v Rossijskoj Federacii za 2023 god. Available at: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2024/10/NPM2023_ECP_Report_Petrova1.10.24.pdf (Accessed Date: 10.12.2025). (In Russ.)
29. Motivaciya uspekha i boyazn' neudachi (oprosnik A. A. Reana) In Rean A. A. Psihologiya izucheniya lichnosti: ucheb. posobie. Saint Petersburg: Publishing house of Mikhailov V. A., 1999. 288 p. (In Russ.)
30. Nauchno-obrazovatel'nyj portal «Bol'shaya rossijskaya enciklopediya». Karahanova T.M. Byudzhnet vremeni. Available at: <https://bigenc.ru/c/biudzhnet-vremeni-5d7b51> (Accessed Date: 10.12.2025). (In Russ.)
31. Karakhanova T.M., Bessokirnaya G.P., Bolshakova O.A. Chelovecheskij potencial i svobodnoe vremya v kontekste rossijskoj povsednevnosti. In Rossiya re-formiruyushchayasya: ezhegodnik: vyp.16. Moscow: New Chronograph, 2018. pp. 393-436. (In Russ.)

Сведения об авторе:

©**Сергеева Зульфия Харисовна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, управления, истории, социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: zhsergeeva@rambler.ru.

Information about the author:

©**Sergeeva Zulfija Kharisovna** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration, History, Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: zhsergeeva@rambler.ru.

А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова

ОБРАЗЫ ДРУГИХ СТРАН В ГРУППОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ

Ключевые слова: общественное мнение, мониторинговые исследования, студенчество, коллективные представления, образы стран, маркирование образа страны, оценка угроз, массмедиа.

Изменение баланса сил в мире и нарастающая смена мирового порядка может быть концептуализирована как деглобализация. Эти процессы неизбежно отражаются в общественном мнении жителей разных стран и сказываются на коллективных представлениях социальных групп. Прежде всего, речь идет об образах стран, их трактовках в терминах «друзья», «союзники», «партнеры», «недрузья» и т. п. Актуальность данной темы делает распространенной практику мониторинговых исследований динамики отношений к различным странам в групповом сознании различных социально-профессиональных и социально-демографических слоев общества (например, российские ФОМ, ВЦИОМ). Студенческая молодежь – часть всей российской молодежи, будущего нашей страны, поэтому авторы считают важным анализ трендов в трактовке образов других стран в сознании российского студенчества. Изучение динамики представлений о других странах в мнениях студенчества Республики Татарстан было поставлено в качестве главной цели исследования. Структурно мы концептуализировали образ страны как совокупность оценочных суждений относительно: 1) маркирования в стиле (друг, враг, экономический партнер, нейтральная страна); 2) ощущение степени угрозы безопасности (военной, экономической, терроризм, миграция). Проведенное исследование показало, что: 1) студенчество, будучи самым социально активным отрядом российской молодежи находится в иной «информационной оболочке» по сравнению со старшими возрастными группами и черпает информацию прежде всего из социальных сетей и мессенджеров; 2) несмотря на совпадения мнений относительно образов «друзей» и «недрузей» России со старшими возрастными группами, выявлена специфика трактовок и оценок угроз со стороны разных стран; 3) требуются детализация восприятия образов других стран с учетом социально-демографических характеристик российского студенчества и в контексте изменений медийной повестки дня в тех источниках информации, которыми пользуются наши студенты.

A. R. Tuzikov, R. I. Zinurova

IMAGES OF OTHER COUNTRIES IN THE GROUP CONSCIOUSNESS OF STUDENT YOUTH: FRIENDS AND FOES

Keywords: public opinion, monitoring studies, students, collective performances, labeling of a country, image, assessment of threats, mass-media.

The changing balance of power in the world and the growing shift in the global order can be conceptualized as «deglobalization». These processes are inevitably reflected in the public opinion of people in different countries and have an impact on the collective perceptions of social groups. This includes the way countries are portrayed and defined in terms of "friends," "allies," "partners," "enemies," and so on. The relevance of this topic makes it common practice to monitor the dynamics of attitudes towards various countries in the group consciousness of various socio-professional and socio-demographic strata of society (for example, the Russian FOM, VTsIOM). Student youth is considerable part of the entire Russian youth, the future of our country, so the authors consider it important to analyze the trends in the interpretation of images of other countries in the minds of Russian students. The study of the dynamics of perceptions of other countries in the opinions of students in the Republic of Tatarstan was the main goal of the study. Structurally, we conceptualized the image of a country as a set of evaluative judgments regarding: 1) labeling in style (friend, enemy, economic partner, neutral country); 2) the perception of the degree of security threat (military, economic, terrorism, migration). The research showed that: 1) students, being the most socially active group of Russian youth, have a different "information environment" compared to older generations and primarily obtain information from social networks and messaging apps; 2) despite the fact that the opinions of Russia's "friends" and "enemies" are similar among older generations, there are specific interpretations and assessments of threats from different countries; and last not least it is necessary to detail the perception of images of other countries, taking into account the socio-demographic characteristics of Russian students, and in the context of changes in the media agenda in the sources of information used by this social group.

Актуальность. Последние десятилетия прошли под знаком дискурса глобализации, который доминировал, и в экономической практике, и в политике, и в социальных науках [1-6]. Текущая ситуация в международных отношениях может быть охарактеризована как «постглобальная абстиненция», т. е. практический распад «мира, основанного на правилах» выгодных странам так называемого «коллективного Запада» со всеми вытекающими последствиями в виде силового противостояния государств, отстаивающих свои интересы и безопасность. Достаточно долгое время антиглобалистский дискурс занимал маргинальное положение. С 20-х годов XXI века кризис глобального проекта в стиле “the west and the rest” и легитимирующей его идеологии, стал очевиден. О его крахе заговорили и на Западе. Так, выступая на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2026 года, Госсекретарь США Марко Рубио прямо заявил, что возникшая после холодной войны эйфория породила «опасное заблуждение: что мы подошли «к концу истории»;... что связи, сформированные лишь в результате торговли и коммерции, теперь заменят национальную принадлежность; что основанный на правилах глобальный порядок ... теперь заменит национальные интересы; и что теперь мы будем жить в мире без границ, где каждый станет гражданином мира. Это была нелепая идея, которая игнорировала как человеческую природу, так и уроки более чем 5000 лет задокументированной истории человечества. И, наконец, мы больше не можем ставить так называемый глобальный порядок выше жизненных интересов нашего народа и наших стран» [7]. Практически М. Рубио констатировал, что мировой порядок раскалывается на конкурирующие между собой макрорегионы (региональные рынки, политические объединения и геокультурные сферы). Глокализация (термин Р.Робертсона) сменяется деглобализацией в формате экономических санкций (без согласия Совета Безопасности ООН, что требуется по международному праву), перехода от силы права к праву силы, распространению культуры отмены и «демонизации» оппонентов, стремительно превращающихся во врагов.

Социально-политические, экономические и социально-культурные процессы влекут за собой изменения и в общественном сознании, которое в условиях тотальной медиатизации (зависимости от медиа) не может не мутировать. Это проявляет себя в колебаниях трактовки образов других стран в параметрах «свои и чужие», «друзья и враги». Большое

значение и для обеспечения национальной безопасности и, в тоже время, для недопущения распространения культуры ненависти имеет состояние умов молодежи, их модальность восприятия других стран. Вместе с тем, социологическая наука еще не вскрыла в деталях как влияет на коллективное мнение доступность проверки информации и критичность, свойственная молодому поколению.

Разработанность и нынешнее состояние исследований. Данная проблематика привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. Отметим работы И. Ю. Киселева, Е. Б. Шестопала, И. А. Цымбал, Н. С. Виноградовой, Г. Тэджфела, R. K. Herrmann, M. P. Fischerkeller и др. [8-15]. В них раскрывается значение образов других стран в международных отношениях, показан опыт построения эмпирического изучения формирования имиджа других стран, наций, политических лидеров в массовом сознании. Интерес представляют исследования Н. С. Виноградовой, изучающей специфику влияния риторики лидеров и новых форм политической коммуникации на процессы формирования образов стран. Также выделим диссертацию И. А. Цымбал, которая предложила социально-психологическую структуру образа другой страны, опирающиеся на сознательные и бессознательные факторы, включая и такие параметры как клишированные схемы восприятия страны с учетом блокирующей логиконепроницаемой социальной установки, формируемой медиа. Среди рубежных исследователей выделим Г. Тэджфела (как автора теории социальной идентичности), который подчеркивал склонность массового сознания к позитивной оценке своей страны и к более негативной «чужих». Также значимы исследования R. K. Herrmann, M. P. Fischerkeller, показавших как восприятие образов стран в массовом сознании влияет на стратегию выстраивания межгосударственных отношений.

Актуальной в свете глобальных изменений является работа Т. В. Евгеньевой, С. Ю. Белоконева, В. В. Титова, З. Р. Усмановой, посвященная представлениям российских студентов о странах БРИКС [16]. В начале двухтысячных годов Фонд Общественное Мнение опубликовал итоги своих исследований под названием «Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика», в котором были представлены мифологизированные образы других стран. Особо подчеркивалось, что образ страны – это «вымышленная реальность», связанная со стереотипами массового сознания относительно географии, экономики,

культурно-исторических, этнических и национальных характеристик конкретной страны [17]. Важное значение относительно специфики зарубежной практики исследований общественного мнения по вопросам внешней политики, затрагивающих и образы других стран в массовом сознании является и монография В. О. Рукавишникова. В ней на примере эволюции мнений американцев и населения западной Европы относительно образа России, показана динамика отношения к нашей стране с учетом смены модальности медийного поля, презентующего интерпретации происходящих в мире событий [18].

Мониторинговые исследования отношений к другим странам в России. Не удивительно, что актуальность данной темы делает логичными мониторинговые исследования динамики отношений к различным странам в формате «свой» и «чужие» (друг/враг).

Довольно регулярно проводит мониторинговые замеры общественного мнения на предмет отношения к другим странам и ВЦИОМ. В фокусе внимания динамика восприятия «друзей и недоброжелателей России». Методика – используются массовые опросы методом интервью по месту проживания респондентов. Применяется стратифицированная многоступенчатая выборка N=1600) с квотами по возрасту, полу, типу населенного пункта, образованию и федеральному округу. Задаются вопросы: а) С какими странами, по Вашему мнению, у нашей страны в настоящее время сложились наиболее прочные, дружественные отношения? (открытый вопрос, не более пяти ответов, % от всех опрошенных) и б) С какими странами, по Вашему мнению, у

нашей страны в настоящее время сложились наиболее напряженные, враждебные отношения?

Результаты мнений россиян относительно врагов и друзей России во ряде случаев довольно близки к данным других исследовательских центров [19]. Ниже в табл. 1 приведены данные опросов ВЦИОМ с 2014–2025 год относительно динамики оценок степени дружественности других стран к нашей стране.

Китай стабильно лидирует, опережая даже Белоруссию, Индия и КНДР ворвались в первую пятерку, а Иран в 2025 году опередил Казахстан. Что интересно, традиционно считающаяся дружественной Сербия в 2025 году отстала от Африки. Бывшие советские республики Узбекистан, Таджикистан и Киргизия за последние 10 лет очень заметно выпали из образа дружественных стран. Узбекистан на 14 месте (лучший результат среди центрально-азиатских республик) Таджикистан – на 17, Киргизия на 21 предпоследнем месте. А ведь Киргизия и Таджикистан члены ЕАЭС. Думается, что их негативное восприятие связано с миграционными проблемами, которые сегодня в центре медийной повестки дня.

Среди стран-недрузгов (табл. 2), занимающих враждебную позицию к России, на первое место в 2025 году вышла Франция, в 2022 были США. Великобритания и Германия в прошлом году также в лидирующей тройке. Украина на 4 месте этого «рейтинга недругов» (в 2022 году была второй). Страны Прибалтики в целом и каждая в отдельности занимают «высокое» седьмое место сразу за Польшей.

Таблица 1 – Кто наши друзья? [19]

Страна	Год				
	2014	2018	2019	2022	2025
Китай	51 %	50 %	45 %	55 %	65 %
Беларусь	32 %	20 %	30 %	49 %	41 %
Индия	9 %	12 %	10 %	22 %	26 %
КНДР	-	0 %	1 %	4 %	26 %
Иран	1 %	4 %	3 %	10 %	16 %
Казахстан	20 %	15 %	21 %	13 %	11 %
Африка / африканские страны	0 %	0 %	1 %	3 %	8 %
Сербия	1 %	1 %	2 %	11 %	7 %
США	0 %	2 %	0 %	1 %	7 %
Венгрия	0 %	1 %	0 %	3 %	7 %
Турция	1 %	12 %	13 %	17 %	6 %

Таблица 2 – Недруги России: топ-12 [19]

Страна	Год				
	2014	2018	2019	2022	2025
Франция	3 %	8 %	5 %	21 %	48 %
Великобритания	9 %	33 %	25 %	39 %	42 %
Германия	10 %	14 %	9 %	32 %	41 %
Украина	32 %	39 %	53 %	43 %	38 %
США	73 %	75 %	67 %	76 %	27 %
Польша	6 %	11 %	12 %	28 %	26 %
Латвия	1 %	5 %	7 %	14 %	9 %
Литва	1 %	3 %	6 %	12 %	9 %
Прибалтика	1 %	4 %	4 %	10 %	9 %
Страны ЕС / Европа	10 %	4 %	2 %	9 %	9 %
Эстония	1 %	4 %	3 %	11 %	7 %
Финляндия	0 %	0 %	0 %	5 %	5 %

Фонд «Общественное мнение» проводя аналогичные исследования, добавляет к прямым вопросам оценки дружественности/не дружественности вопросы о степени легкости выстраивания взаимопонимания с народом конкретной страны и ценности партнерства с той или иной страной. [20, 21]. Отдельно надо отметить и Российский Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК), который проводит ежегодный мониторинг степени дружественности постсоветских стран в контексте возможностей коммуникации. Так согласно исследователям из НИИРК «понятие дружественности предполагает преимущественно взаимно благожелательные отношения стран, основанные на взаимном уважении, принципах дружбы и добрососедства, взаимных интересах и ценностях мирного сосуществования в многополярном мире» [22] Проводимые замеры в 2023 году показали, что «в группу дружественных к России коммуникационных режимов вошли 10 стран, относительно дружественных – 1 страна (Грузия) и недружественных – 5 стран. При этом во всех странах усилился контроль за информационным контентом, за деятельностью каналов коммуникации, в том числе за социальными сетями. Информация о России цензурируется как в недружественных, так и в дружественных странах» [22].

Проблема и цель авторского исследования. В силу того, что геополитическая турбулентность приводит к постоянным изменениям в международных отношениях, соответственно меняется и модальность конструирования образов «друзей» и «врагов» приобретая «текущий» характер. Достаточно привести в пример, смену отношения отечественных СМИ к КНДР с высокомерно критического, на благодарно-дружественное. Поэтому, актуальным является анализ

трендов в трактовке образов других стран в сознании российского студенчества, как важной части отечественной молодежи, будущего нашей страны. В качестве своей цели мы выбрали изучение динамики представлений о других странах в мнениях студенчества Республики Татарстан

Методология и методика. В групповом сознании студенчества другие страны представлены в формате коллективных представлений, которые представляют собой образы этих стран. Структурно мы концептуализировали образ страны как совокупность оценочных суждений относительно: 1) маркирования в стиле (друг, враг, экономический партнер, нейтральная страна); 2) ощущение степени угрозы безопасности (военной, экономической, терроризм, миграция)

Исследование проводилось осенью 2025 года и носило пилотажный характер на примере двух крупных вузов. Использовалась случайная выборка (N=300). Изучались студенты 3 курсов как уже изучившие комплекс общественных дисциплин. Исследование было проведено в рамках комплексного изучения идейно-политических ориентиров студенчества вузов, расположенных на территории Республики Татарстан. Использовалась методика анкетного опроса. Кроме того, проведена фокус-группа (N=9), на которой детализировались смыслы оценок военных угроз России.

Результаты авторского исследования. Позиционирование списка из 27 стран по отношению к России проводилось по шкале: Друг России, Занимающая нейтральную позицию (не друг, но и не враг), Важный экономический партнер России, Противник. В инструментальных целях список стран для оценки был несколько ограничен и дополнялся макрорегиональными терминами (Прибалтика) и устоявшимися терминами,

характеризующими политические союзы (например, НАТО). В сводной таблице приведены мнения о странах, набравших заметно выраженные оценки (менее 15 % затруднений с ответами), а также стран-соседей России. В табл. 3 отражена маркировка зарубежных стран с точки зрения их позиции по отношению к России. Так топ-5 стран, обозначенных респондентами маркером «Друг России» ожидаемо возглавляет Белоруссия, на втором месте КНДР, на третьем месте, но с заметным отрывом – Сербия, на четвертом и пятом местах – Китай и Индия. Отметим, что кроме Белоруссии, среди друзей России ни одна из постсоветских стран не получила более 7 % «дружеских» оценок.

Топ-5 «Нейтралов» это: Узбекистан, Саудовская Аравия, Турция, Бразилия, Туркменистан, Таджикистан, Иран. Заметим, что Сербию 34 % стигматизируют как «Нейтрала», как «Друга», для сравнения 31 %. «Значимыми экономическими партнерами» названы Китай

(76 %), Индия и Казахстан (72 %), Иран (59 %), Бразилия и Киргизия (54 %), Турция (41 %).

Среди противников на первом месте Украина (95 %) и Британия (93 %), на третьем – страны Прибалтики и НАТО в целом. Также среди противников названы Финляндия и Франция, Германия и Япония. Учитывая события начала 2025 года, связанные с переменах внешней политики риторики Д. Трампа и медийного продвижения связанных с этим надежд, США среди противников России в глазах студентов опустились на 8 место. Неприятно, но факт 37 % респондентов считают противниками Азербайджан, 67 % – Молдавию, 26 % – Армению, Таджикистан – 7 %, Казахстан – 5 % т. е. бывшие советские республики.

Важнейшим элементом образа страны в параметрах «друг/недруг» является оценка наличия угрозы, исходящей по мнению респондентов от страны дальнего или ближнего зарубежья (табл. 4).

Таблица 3 – Маркировка других стран с точки зрения их позиции по отношению к России

Страна	Позиция				
	Друг России	Нейтральная	Экономический партнер России	Противник	Затрудняюсь ответить
Британия				93 %	7 %
Франция				87 %	13 %
Украина				95 %	5 %
США		11 %		75 %	14 %
Страны Прибалтики				92 %	8 %
Турция	5 %	30 %	41 %	22 %	12 %
Германия				86 %	14 %
Финляндия				90 %	10 %
Япония				86 %	14 %
КНДР	85 %	10 %			5 %
Индия	15 %	8 %	72 %		5 %
Китай	21 %		76 %		3 %
Иран	12 %	23 %	59 %		6 %
НАТО в целом				91 %	9 %
Бразилия	10 %	25 %	54 %		11 %
Саудовская Аравия	7 %	44 %	35 %	4 %	10 %
Узбекистан	5 %	52 %	37 %		6 %
Сербия	31 %	34 %	29 %		6 %
Белоруссия	91 %		7 %		2 %
Таджикистан	5 %	35 %	40 %	7 %	13 %
Киргизия	6 %	21 %	64 %	2 %	11 %
Казахстан	7 %	7 %	72 %	5 %	9 %
Туркменистан	3 %	47 %	38 %		12 %
Молдавия		17 %	8 %	67 %	8 %
Грузия	3 %	52 %	28 %	7 %	10 %
Азербайджан	4 %	23 %	32 %	37 %	13 %
Армения	5 %	27 %	28 %	26 %	14 %

Таблица 4 – Восприятие угроз от стран ближнего и дальнего зарубежья

Страна	Позиция				
	В большей степени представляет военную угрозу	В большей степени представляет экономическую угрозу	Более выражена угроза терроризма и неконтролируемой миграции	Никаких угроз не представляет	Затрудняюсь ответить
Британия	90 %	3 %	-	5 %	2 %
Франция	81 %	6 %	-	6 %	7 %
Украина	94 %	-	2 %	-	4 %
США	82 %	16 %	-	-	2 %
Турция	16 %	46 %	4 %	29 %	5 %
Германия	61 %	14 %	-	15 %	10 %
Финляндия	46 %	33 %	-	12 %	9 %
Япония	56 %	24 %	-	13 %	7 %
КНДР	-	-	-	96 %	4 %
Индия	-	23 %	-	75 %	2 %
Китай	18 %	19 %	-	55 %	8 %
Иран	-	6 %	-	88 %	6 %
НАТО в целом	78 %	11 %	-	8 %	3 %
Бразилия	-	-	-	88 %	-
Саудовская Аравия	-	19 %	14 %	64 %	2 %
Узбекистан	-	22 %	62 %	12 %	4 %
Сербия	-	6 %	-	89 %	5 %
Белоруссия	-	5 %	-	95 %	-
Таджикистан	-	13 %	75 %	5 %	7 %
Киргизия	-	27 %	43 %	24 %	6 %
Казахстан	9 %	34 %	16 %	29 %	12 %
Туркменистан	-	7 %	23 %	57 %	13 %
Молдавия	38 %	12 %	15 %	26 %	9 %
Грузия	7 %	17 %	3 %	61 %	12 %
Азербайджан	17 %	24 %	36 %	19 %	4 %
Армения	6 %	38 %	3 %	48 %	5 %

Рейтинг выраженности военной угрозы для России возглавляют Украина и Британия, что весьма объяснимо в контексте потока информации об их тесном взаимодействии. США и Франция, будучи членами НАТО, по мнению опрошенных, представляют большую военную опасность, чем НАТО в целом. 17 % респондентов предполагают, что военная угроза имеется и со стороны Азербайджана. Фокус-группа показала, что решающую роль тут играет «ядерный фактор» – обладание США и Францией ядерным оружием. Военная угроза со стороны Молдавии рассматривается в контексте Приднестровья и прорумынской ориентации ее политического руководства.

Экономические угрозы в большей степени исходят в настоящее время, по мнению опрошенных, от Турции, Казахстана и Армении. В обсуждении на фокус-группе это связали с тем, что данные страны являются экономическими коридорами в постсанкционной логистике товарных потоков. Участники фокус-группы указали на то, что основные санкции со

стороны «коллективного Запада» уже введены и поэтому его не оценивают, как большую экономическую угрозу.

Выраженность террористических угроз и угроз миграционного характера связывается в большей мере с такими постсоветскими странами, как Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Азербайджан, Туркменистан. Фокус-группа показала, что эти страны в большей степени упоминаются в миграционной повестке медиа, теракт в «Крокус Сити Холле» резко обострил негативное восприятие мигрантов из Таджикистана, а медийное освещение недавних конфликтов с представителями азербайджанской диаспоры сказались на образе Азербайджана. Кроме того, студенты казанских вузов в большей степени сталкиваются в повседневной жизни со студентами из Центральной Азии и наличие негативного опыта общения со студентами, плохо владеющими русским языком, отражается на образе их стран.

Не верят в угрозы со стороны стран НАТО 8 % опрошенных, со стороны Германии –

15 %, со стороны Японии – 13 %. В обсуждении среди причин этого были названы: 1) НАТО не будет действовать без одобрения США и угрозы преувеличены в официальных медиа, которым респонденты не доверяют (общая причина), 2) Германия не будет действовать в отрыве от НАТО, 3) Япония, также не рискнет на конфликт с Россией в одиночку. Иные угрозы от этих стран и блока уже по факту исполнены или не существуют, по мнению респондентов.

Самые безопасные для России страны (от которых не исходит заметной угрозы) это: КНДР, Белоруссия, Сербия, Иран, Бразилия, Китай. Обратим внимание, что в первых рядах

«безопасных» стран нет бывших советских республик.

Данные об основных источниках получения студентами информации о мире и общественной жизни представлены в таб. 5. Очевидно, что доминирующее положение занимают социальные сети, мессенджеры, ближайшее окружение и интернет СМИ. Именно они пользуются максимальным доверием. Кроме того, ближайшее окружение не может не касаться проблем СВО и конфликтов с Западом, поэтому студенческая молодежь в теме «друзей» и «недрузей» России.

Таблица 5 – Источники информации студентов о мире и жизни

Источники	Оценка в 10 баллов	Рейтинг использования источников
Печатные СМИ (газеты, журналы)	3,6 %	
Интернет СМИ (новостные сайты и т. п.)	38,6 %	4
Социальные сети	48 %	1
Мессенджеры	46,8 %	2
Ближайшее окружение (друзья, родители)	30,1 %	3
Телевидение	5,3 %	
Радио	2,1 %	
Блоги	12,3 %	

Таким образом, наш анализ позволяет утверждать во-первых, изучение общественного мнения относительно других стран, правительств и народов – важная часть современной социологии и ее медийной составляющей; во-вторых, исследования образов других стран и их медийная презентация оказывают существенное влияние на легитимацию внешней политики правительств; в-третьих, функциональным является исследование образа других стран, как коллективных представлений основных социальных групп общества; в-четвертых, студенчество, будучи самым социально активным отрядом российской молодежи находится в иной «информационной оболочке» по сравнению со старшими возрастными и черпает информацию прежде всего из социальных сетей и мессендже-

ров; в-пятых, несмотря на некий консенсус относительно образов «друзей» и «недрузей» России со старшими возрастными, исследование показало специфику трактовки и оценок разных стран (например, Турцию считают противником России 22 %, но военная угроза с ее стороны представляется незначительной, а 29 % полагают, что Турция вообще не представляет никаких угроз). В заключение отметим, также, что исследования восприятия студентами образов стран дальнего и ближнего зарубежья должны носить мониторинговый характер. Дальнейших исследований требует спецификации образов зарубежных стран с учетом социально-демографических характеристик российского студенчества и в контексте изменений медийной повестки дня в тех источниках информации, которыми пользуются наши студенты.

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. Москва: Изд-во «Весь мир», 2004. 188 с.
2. Бек У. Что такое глобализация? Москва: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
3. Robertson R. Globalization: Social theory and global culture. London: SAGE Publications., 1992. 224 p.
4. Waters M. The Globalization: New York: Routledge, 1995. 185 p.
5. Мартинелли А. От мировой системы к мировому обществу? // Социологические исследования. 2009. № 1 (297). С. 5-15. EDN: JVGVPР.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

7. U.S. Department of State. Secretary of State Marco Rubio at the Munich Security Conference URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/02/secretary-of-state-marco-rubio-at-the-munich-security-conference/> (дата обращения: 14.02.2026).
8. Киселев И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2007. Т. 3, № 3. С. 253-260. EDN: KNUZZL.
9. Шестопап Е.Б. Восприятие зарубежных стран российскими гражданами // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 4. С. 16-28. DOI: 10.18721/JHSS.11402. EDN: BEPXDD.
10. Шестопап Е. Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций, лидеров. Москва: Аспект Пресс. С. 8-24.
11. Виноградова Н.С. Влияние новых форм политической коммуникации на формирование образа страны // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 85-91. DOI: 10.17223/15617793/469/11. EDN: IXEKCU.
12. Цымбал И.А. Образ зарубежных стран в сознании российских граждан: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2022. 239 с.
13. Евгеньева Т.В., Усманова З.Р. «Свои» и «чужие»: образы зарубежных государств в контексте восприятия России ее гражданами // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. № 2. С. 57-75. EDN: YTYMUN.
14. Herrmann R.K., Fischerkeller M.P. Beyond the enemy image and spiral model: Cognitive-strategic research after the cold war // International Organization. 1995. Vol. 49, No. 3. P. 415-450. EDN: BZFOGN.
15. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. London/New York: Cambridge University Press, 1982. 546 p.
16. Белоконов С.Ю., Евгеньева Т.В., Титов В.В., Усманова З.Р. Анализ представлений о странах-партнёрах России по БРИКС в политическом сознании российских граждан /// Вестник МГИМО Университета. 2019. № 3(66). С. 111-130. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-111-130. EDN: XQGIBF.
17. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 304 с.
18. Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР /России, внешней политике и безопасности Запада. Москва: Академический Проект, 2005. 864 с.
19. ВЦИОМ. Друзья и враги России: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzja-i-vragi-rossii-monitoring> (дата обращения: 14.02.2026).
20. Фонд Общественное Мнение. Россия: друзья, враги, отношение в мире. О ценных партнёрах России, близких нам народах и образе нашей страны в мире. URL: <https://fom.ru/Mir/14025> (дата обращения: 14.02.2026).
21. Фонд Общественное Мнение. Отношение к Дональду Трампу. Как россияне воспринимают Д.Трампа. URL: <https://fom.ru/Mir/15255> (дата обращения: 14.02.2026).
22. Портал «Русский мир». Эксперты назвали дружественные и недружественные России постсоветские страны. URL: <https://russkiymir.ru/publications/322997/> (дата обращения: 14.02.2026).

References

1. Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2004. 188 p. (In Russ.)
2. Beck W. What Is Globalization? Moscow: Progress-Tradition, 2001. 304 p. (In Russ.)
3. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: SAGE Publications, 1992. 224 p.
4. Waters M. The Globalization: New York: Routledge, 1995. 185 p.
5. Martinelli A. From World System to World Society? Sotsiologicheskie issledovaniya. 2009. No. 1 (297). pp. 5-15. EDN: JVGVP. (In Russ.)
6. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow: GU HSE, 2000. 608 p. (In Russ.)
7. U.S. Department of State. Secretary of State Marco Rubio at the Munich Security Conference Available at: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/02/secretary-of-state-marco-rubio-at-the-munich-security-conference/> (Accessed Date: 14.02.2026).
8. Kiselev I.Yu. Problem of state image in international relations: constructivist paradigm. Political Expertise: Politex. 2007. Vol. 3, No. 3. pp. 253-260. EDN: KNUZZL. (In Russ.)
9. Shestopal E.B. Russians' perception of foreign countries. Society. Communication. Education. 2020. Vol. 11, No. 4. pp. 16-28. DOI: 10.18721/JHSS.11402. EDN: BEPXDD. (In Russ.)
10. Shestopal E.B. Obraz i imidzh v politicheskom vospriyatii: aktual'nye problemy issledovaniya. Obrazy gosudarstv, nacij, liderov. Moscow: Aspekt Press. pp. 8-24. (In Russ.)

11. Vinogradova N.S. The influence of new means of political communication on the formation of a country's image. Tomsk State University Journal. 2021. No. 469. pp. 85-91. DOI: 10.17223/15617793/469/11. EDN: IXEKCX. (In Russ.)
12. Tsymbal I.A. Obraz zarubezhnyh stran v soznanii rossijskikh grazhdan: dis. ... kand. polit. nauk. Moscow, 2022. 239 p. (In Russ.)
13. Evgenyeva T.V., Usmanova Z.R. "Ours" and "others": images of foreign states in the context of the perception of Russia by its own citizens. Lomonosov Political Science Journal. 2018. No. 2. pp. 57-75. EDN: YTYMUH. (In Russ.)
14. Herrmann, R.K., Fischerkeller, M.P. Beyond the Enemy Image and Spiral Model: Cognitive-Strategic Research after the Cold War. International Organization. 1995. Vol. 49, No. 3. pp. 415–450. EDN: BZFOGN.
15. Tajfel, H. Social Identity and Intergroup Relations. London/New York: Cambridge University Press, 1982. 546 p.
16. Belokonev S.Yu., Evgenyeva T.V., Titov V.V., Usmanova Z.R. BRICS countries in political consciousness of Russian citizens // MGIMO Review of International Relations. 2019. No. 3 (66). pp. 111-130. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-111-130. EDN: XQGIBF. (In Russ.)
17. Mir glazami rossiyan: mify i vneshnyaya politika. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. 304 p. (In Russ.)
18. Rukavishnikov V.O. Holodnaya vojna, holodnyj mir. Obshchestvennoe mnenie v SSHA i Evrope o SSSR /Rossii, vneshnej politike i bezopasnosti Zapada. Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2005. 864 p. (In Russ.)
19. VCIOM. Druz'ya i vragi Rossii: monitoring. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzja-i-vragi-rossii-monitoring> (Accessed Date: 14.02.2026). (In Russ.)
20. Fond Obshchestvennoe Mnenie. Rossiya: druz'ya, vragi, otnoshenie v mire. O cennyh partnyorah Rossii, blizkih nam narodah i obraze nashej strany v mire. Available at: <https://fom.ru/Mir/14025> (accessed: 14.02.2026).
21. Fond Obshchestvennoe Mnenie. Otnoshenie k Donal'du Trampu. Kak rossiyanе vosprinimayut D. Trampa. Available at: <https://fom.ru/Mir/15255> (Accessed Date: 14.02.2026). (In Russ.)
22. Portal "Russkiy mir". Eksperty nazvali druzhestvennyye i nedruzhestvennyye Rossii postso-vetskie strany. Available at: <https://russkiymir.ru/publications/322997/> (Accessed Date: 14.02.2026). (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, зав. кафедрой государственного управления, истории, социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, зав. кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushazi@rambler.ru.

Information about the authors:

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, the Head of the Department for Public Administration, History, Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

©**Zinurova Raushaniia Ilshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, the Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

М. В. Большедворская, А. В. Блинникова

**УРОВЕНЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БУДУЩИХ ТРЕНЕРОВ
УСЛУГАМИ СПОРТИВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: АНАЛИЗ И РЕКОМЕНДАЦИИ
ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ**

Ключевые слова: физическая культура, спорт, спортивное образование, тренеры, образовательный процесс, качество услуг, удовлетворенность студентов, материально-техническая база, профессиональная подготовка, образовательные технологии, мониторинг, спортивные учреждения, практика, повышение квалификации.

В статье представлены результаты мониторингового исследования, проведённого среди студентов Иркутского филиала РУС «ГЦОЛИФК» по направлению подготовки «Физическая культура». Целью исследования являлась диагностика уровня удовлетворённости обучающихся качеством предоставляемых спортивными учреждениями Иркутской области услуг, а также выявление направлений для совершенствования образовательного процесса. В рамках исследования были проанализированы такие важные аспекты, как работа тренерского состава, оснащённость спортивных учреждений, наличие и качество медицинского сопровождения, степень информированности студентов о деятельности учреждений, а также организация спортивных и образовательных мероприятий. Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство респондентов оценивают уровень предоставляемых услуг как высокий или средний, однако в ряде направлений были выявлены потребности в дальнейших усовершенствованиях. Особое внимание уделено необходимости обновления материально-технической базы, что предполагает внедрение современных спортивных технологий и оборудования, развитию практико-ориентированных форм обучения, а также интеграции инновационных образовательных технологий с целью повышения эффективности подготовки будущих специалистов. На основании результатов исследования сформулированы конкретные педагогические и организационные рекомендации, направленные на повышение качества профессиональной подготовки, укрепление профессиональной мотивации и развитие ключевых компетенций студентов. Практическая значимость работы заключается в формировании действенных предложений по адаптации образовательного процесса к требованиям профессиональной практики, что способствует повышению уровня социальной и профессиональной удовлетворённости студентов, а также конкурентоспособности выпускников на рынке труда в сфере физической культуры и спорта.

M. V. Bolshedvorskaya, A. V. Blinnikova

**LEVEL OF SATISFACTION OF FUTURE COACHES
WITH SPORTS INSTITUTIONS' SERVICES: ANALYSIS AND RECOMMENDATIONS
FOR IMPROVING PROFESSIONAL TRAINING**

Keywords: physical education, sports, sports education, coaches, educational process, quality of services, student satisfaction, material and technical resources, professional training, educational technologies, monitoring, sports organizations, practice, continuing professional development.

The article presents the results of a monitoring study conducted among students of the Irkutsk branch of RUS "GCOLIFK" in the field of "Physical Education". The aim of the study was to assess the level of student satisfaction with the quality of services provided by sports institutions in the Irkutsk region, as well as to identify areas for improvement in the educational process. The research analyzed such important aspects as the work of the coaching staff, the equipment and facilities of sports institutions, the availability and quality of medical support, the degree of student awareness about the activities of institutions, and the organization of sports and educational events. The data obtained indicate that most respondents evaluate the quality of services as high or average, however, in some areas, there is a need for further improvements. Particular attention is focused on the need to update the material and technical base, which implies the introduction of modern sports technologies and equipment, the development of practice-oriented forms of learning, as well as the integration of innovative educational technologies to increase the efficiency of specialist training. Based on the research findings, specific pedagogical and organizational recommendations aimed at improving the quality of professional training,

strengthening professional motivation, and developing students' key competencies have been formulated. The practical significance of the work lies in the development of effective proposals for adapting the educational process to the requirements of professional practice, which contributes to increasing the level of social and professional satisfaction of students, as well as the competitiveness of graduates in the labor market in the field of physical education and sport.

Введение

Филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет спорта «ГЦОЛИФК» в г. Иркутске (Иркутский филиал РУС «ГЦОЛИФК») был создан в 1999 году. В соответствии с приказом Государственного комитета Российской Федерации по физической культуре и туризму от 15.06.99 № 234 Иркутский факультет РГАФК был преобразован в филиал Российской государственной академии физической культуры. В 2002 году филиал Российской государственной академии физической культуры был переименован в филиал Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма в г. Иркутске на основании приказа № 597 от 23.12.2002 г. С момента основания и по настоящее время Иркутский филиал РУС «ГЦОЛИФК» является ведущим учебным образовательным заведением в сфере физической культуры и спорта в Иркутской области и основным исполнителем заказов на подготовку специалистов Министерства спорта Иркутской области.

Иркутский филиал РУС «ГЦОЛИФК» готовит бакалавров по направлениям подготовки 49.03.01 Физическая культура и 49.03.02 Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура) и магистров по направлению подготовки 49.04.01 Физическая культура по очной и заочной формам обучения.

В филиале обучаются студенты, чьи имена известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Выпускники филиала являются востребованными специалистами в отрасли физической культуры и спорта, в Иркутской области и в других регионах страны и устраиваются работать профессиональные образовательные учреждения, общеобразовательные и спортивные школы преподавателями, учителями физической культуры и тренерами, инструкторами в спортивных клубах и других физкультурных организациях. Ежегодно более 50 % выпускников направления подготовки 49.03.01 «Физическая культура» трудоустраиваются по специальности – тренер, 92 % студентов очной формы обучения посещают спортивные школы, спортивные секции, фитнес-клубы,

тренажерные залы, где занятия проводят тренеры, тренеры-преподаватели, инструкторы. Актуальность проведения мониторингового исследования обусловлена необходимостью получения эмпирических данных о качестве услуг, предоставляемых спортивными учреждениями Иркутской области для подготовки предложений по совершенствованию качества обучения будущих тренеров.

Материалы и методы

Целью нашего исследования является определение уровня удовлетворенности потребителей (будущих тренеров) качеством услуг, предоставляемых спортивными учреждениями, и подготовка предложений по улучшению подготовки квалифицированных специалистов.

Задачи исследования:

- оценить уровень квалификации тренерского состава спортивных учреждений;
- оценить уровень спортивного оборудования, оснащения;
- оценить деятельность спортивных учреждений в динамике (календарный год);
- оценить медицинское сопровождение занятий и мероприятий, обеспечение безопасности занимающихся спортом или физкультурно-оздоровительными мероприятиями;
- оценить уровень информированности занимающихся спортом или физкультурно-оздоровительными мероприятиями;
- оценить организацию и проведение официальных физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий в Иркутской области;
- оценить организацию и проведение физкультурных и спортивных мероприятий в рамках Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса;
- разработать предложения по улучшению подготовки квалифицированных специалистов.

Объект исследования – обучающиеся 1-4 курсов очной формы обучения Иркутского филиала РУС «ГЦОЛИФК», направления подготовки 49.03.01 «Физическая культура».

Предмет исследования – удовлетворенность респондентов качеством услуг, предоставляемых спортивными учреждениями Иркутской области с точки зрения будущих тренеров.

Основная гипотеза исследования: студенты очной формы обучения Иркутского Филиала РУС «ГЦОЛИФК» в большей степени удовлетворены, чем не удовлетворены качеством выполнения услуг, предоставляемых учреждениями физической культуры и спорта.

Рабочая гипотеза: Уровень удовлетворенности респондентов качеством услуг учреждений физической культуры и спорта находится на достаточно высоком уровне.

Теоретико-методологические основания: представленный перечень источников (М. Б.Иванов, Г. А. Кручинина, Л. И. Лубышева и др.) [1-3], формирует методологический базис для анализа профессиональной подготовки тренеров, смещая акцент с узкоспециальных навыков на комплексные компетенции. Авторы солидарны в том, что современное спортивное образование должно преодолевать разрыв между теоретической абстракцией и практическими нуждами отрасли [4]. Ключевым аспектом подготовки выступает формирование дидактической компетентности, особенно в контексте технико-тактической специализации [1]. Исследователи также подчеркивают значимость универсальных компетенций у бакалавров, что отражает переход к междисциплинарному подходу [2]. Особое место в обзоре занимает концепт безопасности: подготовка будущего тренера рассматривается не

только через призму физических достижений, но и через обеспечение психологической устойчивости субъекта спортивной деятельности [5].

Несмотря на то, что тематика профессиональной подготовки тренеров представлена в исследованиях, вопрос их субъективной удовлетворенности образовательным процессом остается недостаточно концептуализированным. В данной работе дефицит профильных теоретических исследований компенсируется акцентом на первичные социологические данные. Полученные в ходе авторского опроса результаты обладают самостоятельной диагностической ценностью, позволяя зафиксировать актуальное состояние среды без прямой апелляции к фрагментарному ретроспективному опыту других исследователей.

В исследовании приняли участие студенты Иркутского филиала РУС «ГЦОЛИФК» очной формы обучения, 1, 2, 3, 4 курсов, направления подготовки 49.03.01 «Физическая культура» – 140 человек, что составило 74 % от генеральной совокупности, 1 курс – 24,8 %; 2 курс – 21,4 %; 3 курс – 25,2 %; 4 курс – 28,6 % (рис. 1); мужчин – 35,7 %; женщин – 64,3 %. Возраст респондентов: 17 – 18 лет – 28,6 %; 19 – 21 лет – 50 %; 22 – 25 лет – 17,3 %, более 25 лет – 7,1 % (рис. 2).

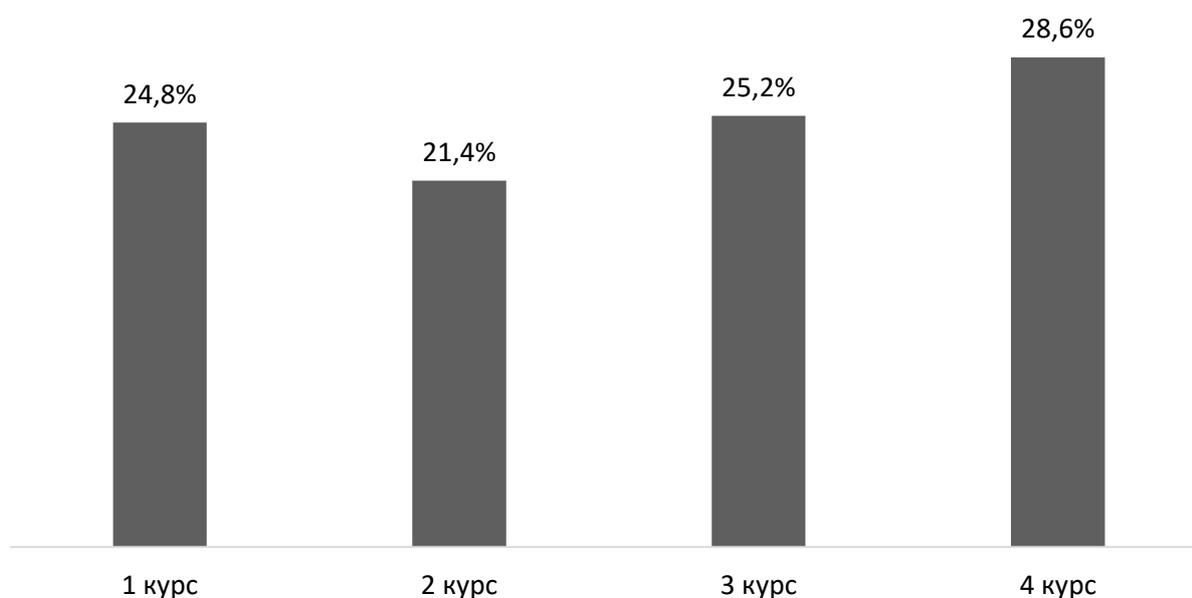

Рис. 1 – Распределение респондентов по курсам

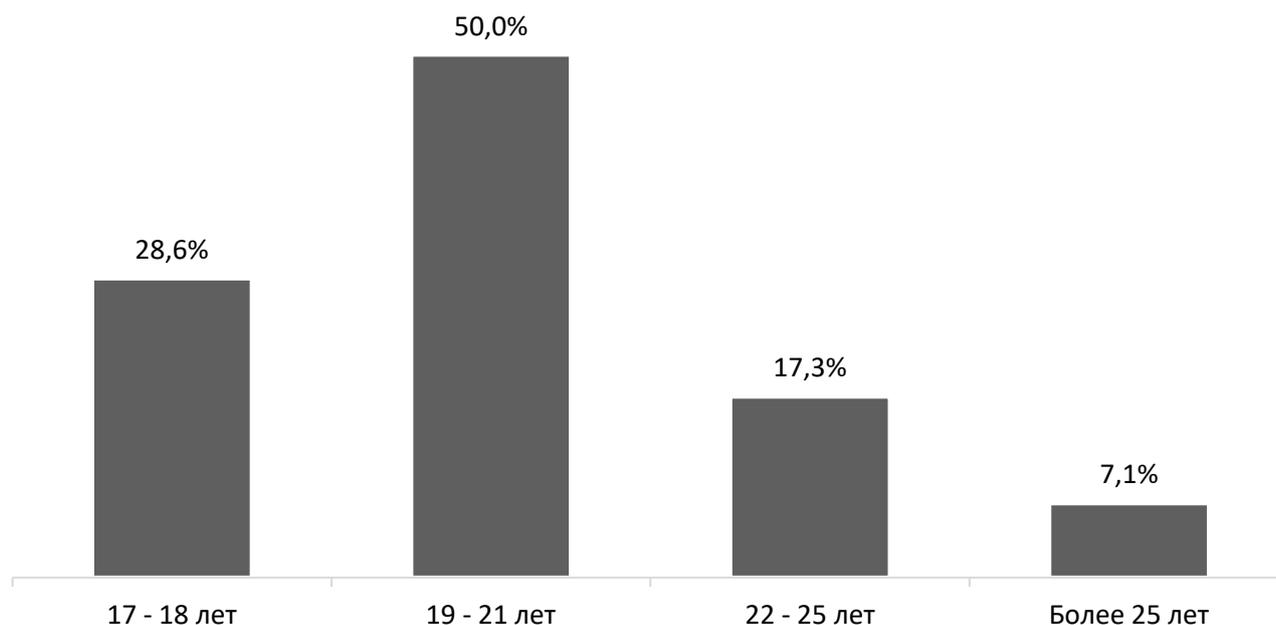

Рис. 2 – Распределение респондентов по возрасту

Среднее профессиональное образование имеют более половины опрошенных (57,1 %, как правило, это выпускники профильных учебных заведений), 42,9 % – это обучающиеся, имеющие среднее общее образование.

Респонденты занимаются следующими видами спорта: авиамодельный спорт, баскетбол, греко-римская борьба, фитнес, волейбол, единоборства, боевое самбо, бокс, плавание, бодибилдинг, велосипедный спорт, тяжелая атлетика, легкая атлетика, хоккей с мячом, хоккей с шайбой.

Физкультурно-спортивные учреждения спортивной подготовки для несовершеннолетних и молодежи, подведомственные Министерству спорта Иркутской области, посещают 35 % обучающихся, остальные занимаются в фитнес-клубах, тренажерных залах, секциях, профессиональных клубах.

На рис. 3 представлены результаты ответов на вопрос «Что повлияло на выбор спортивного учреждения?»: 64,3 % респондентов отметили высокую квалификацию тренерского состава, 57,1 % устраивает спортивное оснащение и оборудование, 35,7 % устраивает удобное расположение спортивного учреждения и высокие спортивные результаты занимающихся, 14,3 % отметили, что нет спортивных учреждений, отвечающих их требованиям, 7,1 % отметили, что их устраивает наличие дополнительных услуг.

Большинство обучающихся (78 %) готовы рекомендовать спортивные учреждения, в которых они занимаются своим знакомым, 28 %

опрошенных затруднились с ответом, ни один респондент не готов не рекомендовать свое спортивное учреждение.

Причины рекомендации спортивных учреждений: 64,3 % опрошенных отметили высокий уровень квалификации тренерского состава, 50 % опрошенных указали, что их устраивает спортивное оснащение и оборудование, 35,7 % указали на значимость высоких спортивных результатов учреждений, 38,3 % опрошенных указали на большой выбор спортивных направлений. Ответы на вопрос анкеты «Рекомендуете ли Вы учреждения для посещения своим знакомым, и почему?» коррелируют с ответами на первый вопрос анкеты «Что повлияло на выбор спортивного учреждения?» (рис. 4). Итак, по мнению респондентов, в среднем на 60 % спортивные учреждения укомплектованы квалифицированными тренерами и необходимым оборудованием, оснащением.

78 % студентов смогли оценить деятельность спортивного учреждения в динамике, 22 % не занимались оценкой деятельности своего спортивного учреждения, хотя посещают его более года (рис. 5). Одним из результатов освоения программы по направлению подготовки 49.03.01 Физическая культура является универсальная компетенция «УК-1. Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач», формирование, которой способствует развитию системного и критического мышления.

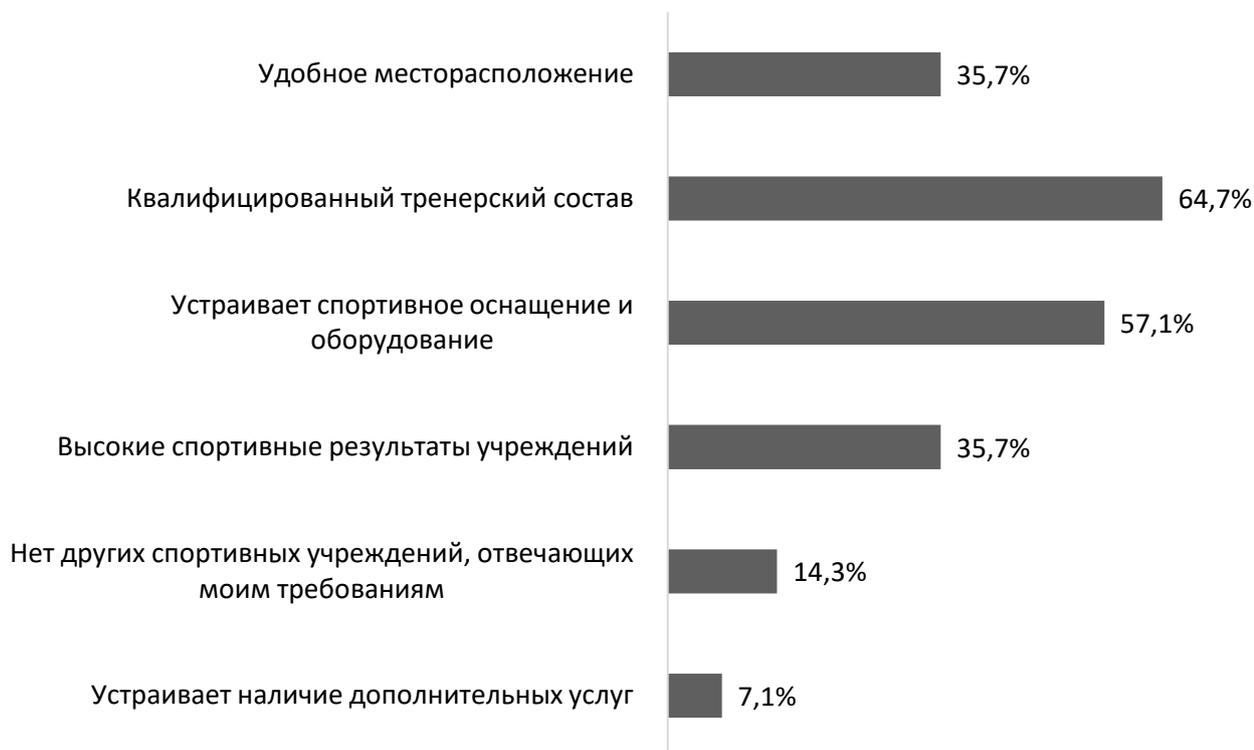

Рис. 3 – Распределение ответов на вопрос: «Что повлияло на выбор спортивного учреждения?»

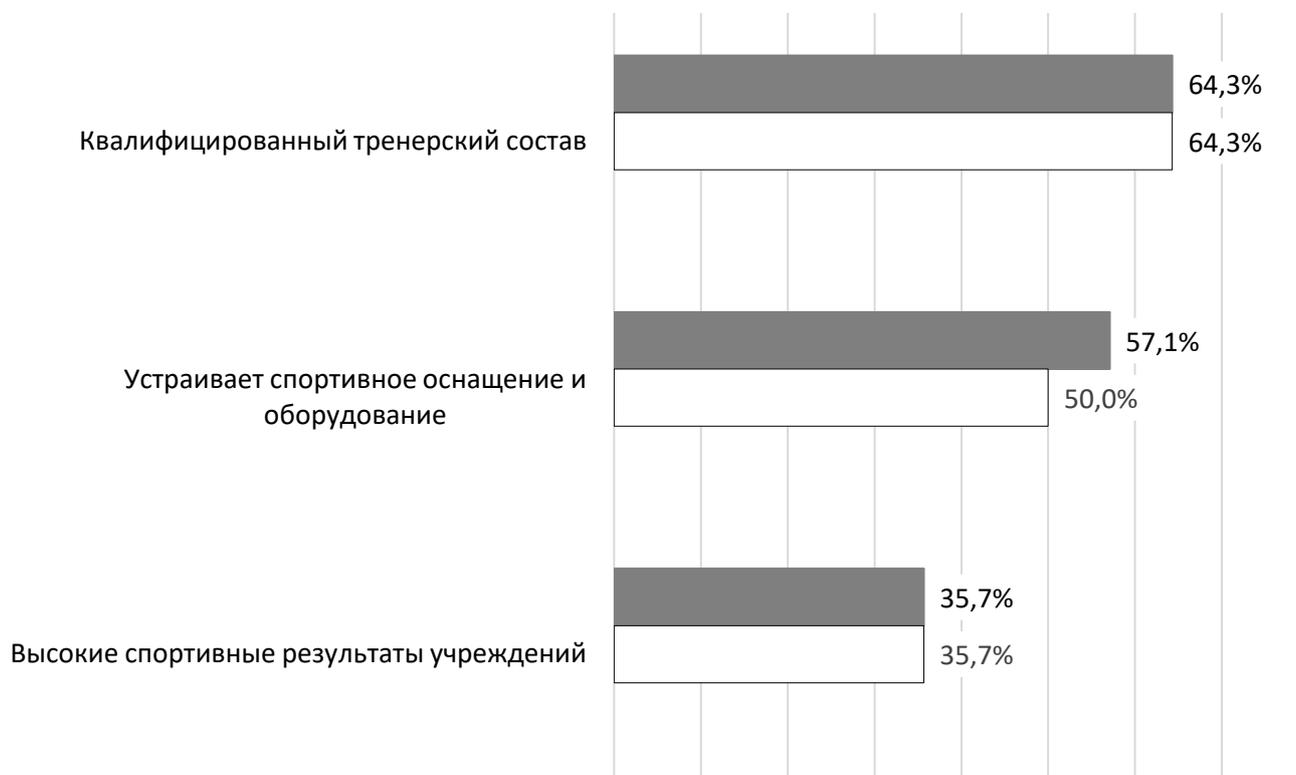

Рис. 4 Парное распределение ответов на вопрос: «Что повлияло на выбор спортивного учреждения?» с вопросом «Рекомендуете ли Вы учреждения для посещения своим знакомым, и почему?»

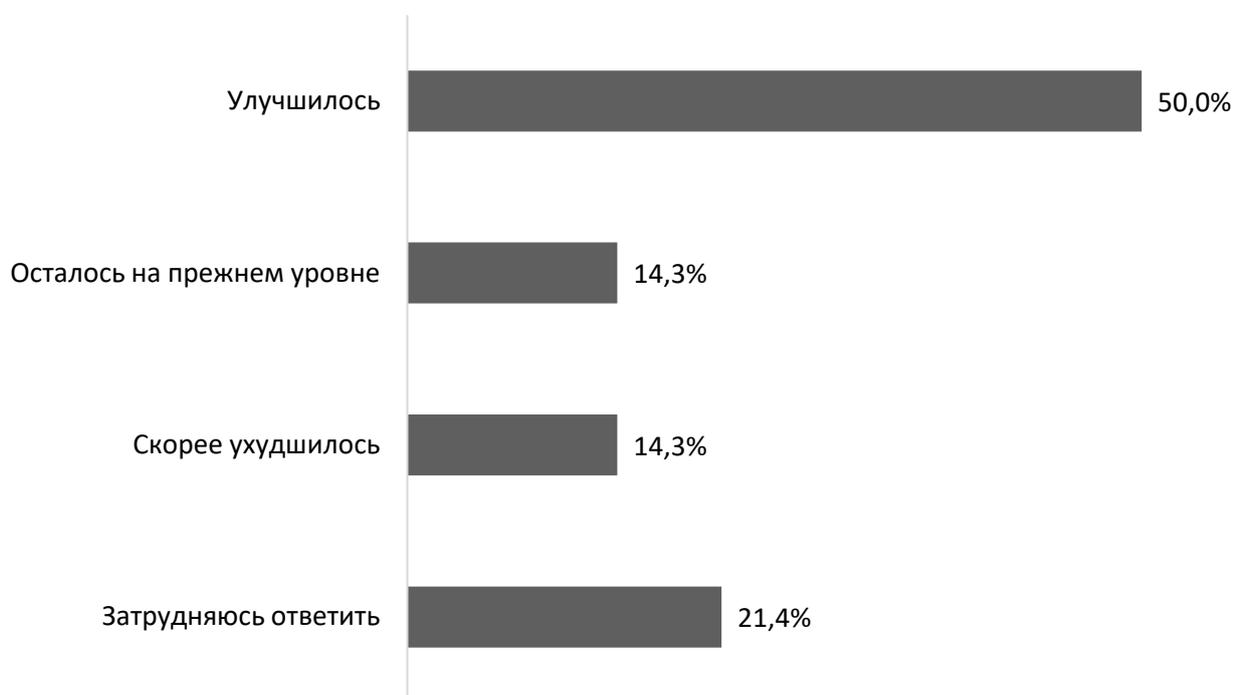

Рис. 5 – Распределение ответов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, изменилась работа спортивного учреждения за последнее время (календарный год)?»

Все спортивные учреждения, которые посещают обучающиеся, имеют интернет-сайты, 71,42 % опрошенных знают об этом и пользуются, 14,3 % – знают, но не пользуются, 14,3 % – не знают о сайте спортивного учреждения (рис. 6).

Студенты оценили качество организации спортивной подготовки и занятий физической культурой и спортом по различным критериям, оценки представлены в таблице.

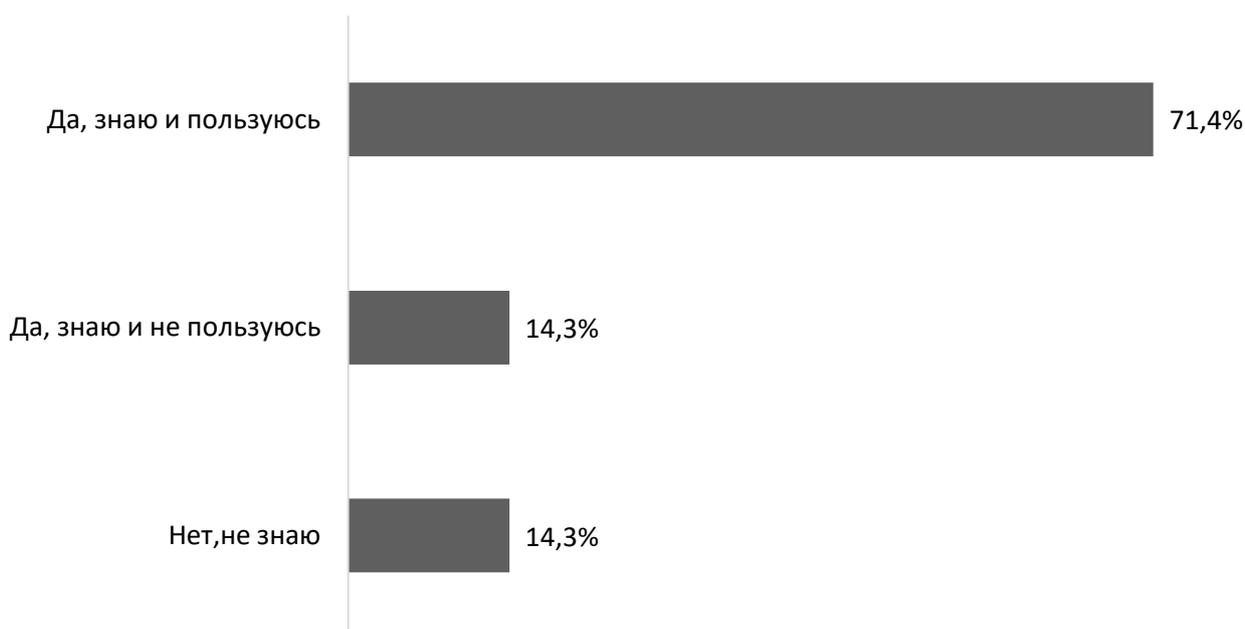

Рис. 6 – Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы о существовании интернет-сайта учреждения?»

Таблица – Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, качество организации спортивной подготовки и занятий физической культурой и спортом, по 10-балльной шкале»

Показатель	Средний балл
Квалификация тренеров-преподавателей (тренеров)	8,6
Отношение тренеров-преподавателей (тренеров) к спортсменам	8,5
Состояние здания и помещений, качество ремонта	8
Наличие и состояние спортивного инвентаря	8,4
Медицинское сопровождение занятий и мероприятий	8,2
Обеспечение безопасности воспитанников	8,1
Информирование воспитанников (законных представителей)	8,5
Режим работы учреждений	8,5
Обеспечение возможности участия в соревнованиях	8,2
Организация и проведение официальных спортивных мероприятий	8,3
Организация и проведение официальных физкультурных (физкультурно-оздоровительных) мероприятий	8,3
Организация мероприятий по подготовке спортивных сборных команд	7,8
Организация и проведение физкультурных и спортивных мероприятий в рамках Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса	7

В целом уровень удовлетворенности респондентами качеством организации спортивной подготовки и занятий физической культурой и спортом высокий и средний.

Респонденты, оценивающие качество организации спортивной подготовки и занятий физической культурой и спортом – будущие тренеры, тренеры-преподаватели и их оценка особенно интересна, т.к. они уже обладают теоретическими знаниями и практическими умениями, их оценка носит более критический, осмысленный характер.

Результаты

Уровень удовлетворенности респондентов (студентов очной формы обучения) качеством услуг, предоставляемых спортивными учреждениями Иркутской области, оценивается как высокий и средний. (По данным опроса, по 10-балльной шкале большинство показателей получили оценки от 8 до 8,6 баллов).

Квалификация тренерского состава расценивается студентами как высокая (средний балл 8,6), однако только 64,3 % респондентов отметили этот фактор как определяющий при выборе учреждения. Это указывает на наличие резерва для дальнейшего совершенствования профессиональных компетенций тренеров.

Материально-техническая база учреждений оценивается в среднем на 8,4 балла, но общее удовлетворение наличием и состоянием инвентаря и оборудования зафиксиро-

вано на уровне 50 %. Следовательно, инфраструктура и оснащение требуют обновления и инвестирования.

Медицинское сопровождение студентов и обеспечение безопасности при занятиях оцениваются высоко (8,2–8,1 балла), что свидетельствует о должном уровне организации этого направления деятельности.

Оценка информированности – 86 % студентов осведомлены о наличии интернет-ресурсов у спортивных учреждений, но не все активно ими пользуются; отмечается потенциал для повышения информированности и цифровых коммуникаций.

Оценка деятельности учреждений в динамике — половина респондентов положительно оценивает изменения за последний календарный год, однако 14 % считают, что изменений нет или они негативные; более 20 % затруднились с оценкой динамики, что указывает на недостаточное вовлечение студентов или неочевидность прогресса.

Организация и проведение спортивных мероприятий оцениваются студентами преимущественно на среднем и высоком уровне (8–8,3 балла), однако мероприятия в рамках Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса заслужили лишь 7 баллов, что ниже общего среднего по другим параметрам.

Среди ключевых драйверов удовлетворенности были обозначены квалификация тренеров, современное оснащение и возможность участвовать в соревнованиях, а среди проблем — недостаток практико-ориентированных занятий, ограниченный доступ к современному оборудованию и предъявляемую

студентами потребность в большем количестве тренингов, мастер-классов и обмена опытом с действующими специалистами отрасли.

Основная и рабочая гипотезы исследования подтвердились: студенты очной формы обучения Иркутского Филиала РУС «ГЦОЛИФК» в большей степени удовлетворены, чем не удовлетворены качеством выполнения услуг, предоставляемых учреждениями, физической культуры и спорта, степень удовлетворенности респондентов качеством услуг, предоставляемых учреждениями сферы физической культуры и спорта, находится на достаточно высоком уровне.

Предложения по совершенствованию учебного процесса и подготовки специалистов:

1. *Укрепление практико-ориентированной подготовки*: увеличить объем и разнообразие практических занятий на базе спортивных учреждений, в том числе посредством интеграции современных образовательных технологий: симуляторов, деловых игр, кейс-методов. Разрабатывать и предлагать новые формы учебных практик, стажировок, производственных заданий, максимально приближенных к реальным условиям деятельности.

2. *Развитие системы наставничества*. Активнее привлекать действующих тренеров и ведущих специалистов отрасли для проведения регулярных мастер-классов, семинаров, тренингов. Создавать платформы для взаимодействия студентов с успешными выпускниками и профессиональным сообществом.

3. *Повышение квалификации тренерско-преподавательского состава*. Организовать регулярные курсы, тренинги и стажировки для преподавателей с целью освоения ими новейших подходов и технологий в спорте, а также современных педагогических практик.

4. *Укрепление материально-технической базы*. Разработать программу поэтапного обновления и модернизации спортивного оборудования и инвентаря. Привлекать гранты и внебюджетные средства для внедрения цифровых решений: электронных журналов, видеонаблюдения за тренировками, онлайн-платформ для контроля учебного процесса.

5. *Повышение информированности и цифровизации*. Провести работу по популяризации интернет-ресурсов учреждений среди студентов. Внедрять современные информационные системы для управления учебным

процессом, электронной коммуникации, записи на занятия и обратной связи.

6. *Совершенствование системы оценки образовательного результата*. Рассмотреть возможность внедрения демонстрационного экзамена в высшем образовании, что позволит объективно оценить сформированность профессиональных компетенций выпускников и повысить их востребованность.

7. *Гибкая индивидуализация образовательных траекторий*. Включать индивидуальный подход при формировании учебных программ в зависимости от запросов и профессиональных интересов студентов (например, модули, элективные курсы).

8. *Регулярная обратная связь и оперативное реагирование*. Организовать систематический сбор и анализ отзывов студентов по ключевым вопросам подготовки и качества работы спортивных учреждений; по итогам — внедрять изменения и информировать обучающихся о предпринятых мерах.

Заключение

Внедрение перечисленных шагов будет способствовать не только повышению качества профессиональной подготовки будущих специалистов в сфере физической культуры и спорта, но и формированию устойчивой профессиональной идентичности обучающихся. Совершенствование образовательного процесса на основе современных педагогических технологий, практико-ориентированных методов и обновления материально-технической базы позволит реализовать личностно-ориентированный подход и создать условия для развития ключевых и профессиональных компетенций специалистов. Повышение уровня информированности и включенности студентов в деятельность спортивных учреждений способствует формированию у них социальной ответственности, профессиональной мотивации и высокого уровня удовлетворенности результатами образовательной деятельности. Комплексная реализация указанных мероприятий, в свою очередь, укрепляет социальный капитал студентов, способствует их более успешной социализации и интеграции в профессиональное сообщество, а также повышает конкурентоспособность выпускников Иркутского филиала РУС «ГЦОЛИФК» на региональном и федеральном рынке труда.

Литература

1. Иванов М.Б. Методика совершенствования технико-тактической подготовки студентов как условия формирования дидактической компетентности будущих тренеров по хоккею // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2013. Т. 8, № 4. С. 54-66. EDN: SELVGT.
2. Кручинина Г.А., Филонов Л.В. Оценка будущими бакалаврами направления подготовки "Физическая культура" сформированности универсальных компетенций // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, № 4. С. 3. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-4-3. EDN: PMJCVR.
3. Клычков К.Е., Сергеева М.Г. Некоторые особенности и виды профессиональных компетентностей тренера-преподавателя // Казанский педагогический журнал. 2018. № 5 (130). С. 177-182. EDN: YTERMT.
4. Лубышева Л.И. Приоритеты профессиональной подготовки тренера-преподавателя: от теоретико-абстрактного к практико-ориентированному обучению // Теория и практика физической культуры. 2023. № 9. С. 103. EDN: OQDWBP.
5. Руськина Е.Н. Исследование возможностей подготовки студента – будущего тренера к развитию психологической безопасности субъекта спортивной деятельности // Интеграция образования. 2013. № 1(70). С. 53-55. EDN: PZSTDJ.

References

1. Ivanov M.B. Metodika sovershenstvovaniya tekhniko-takticheskoy podgotovki studentov kak usloviya formirovaniya didakticheskoy kompetentnosti budushchih trenerov po hokkeyu. Russian Journal of Physical Education and Sport. 2013. Vol. 8, No. 4. pp. 54-66. EDN: SELVGT. (In Russ.)
2. Kruchinina G.A., Filonov L.V. Evaluation by future bachelors directions of training "physical culture" formation of universal competences. Vestnik of Minin university. 2020. Vol. 8, No. 4. pp. 3. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-4-3. EDN: PMJCVR. (In Russ.)
3. Klychkov K.E., Sergeeva M.G. Some features and types of professional competencies of trainer-teacher. Kazan Pedagogical Journal. 2018. No. 5 (130). pp. 177-182. EDN: YTERMT. (In Russ.)
4. Lubysheva L.I. Priorities of professional training of a trainer-teacher: from theoretical-abstract to practice-oriented training. Teoriya i praktika fizicheskoy kultury. 2023. No. 9. pp. 103. EDN: OQDWBP. (In Russ.)
5. Ruskina E.N. Study of possibilities of preparing a student – a potential trainer to the development of a psychological safety of a subject of sporting activities. Integration of Education. 2013. No. 1 (70). pp. 53-55. EDN: PZSTDJ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Большедворская Марина Владимировна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и медико-биологических дисциплин, Филиал Российского университета спорта «ГЦОЛИФК» в г. Иркутске, Российская Федерация, Иркутск, e-mail: zzz4013@mail.ru.

©**Блинникова Анна Валерьевна** – кандидат философских наук, доцент кафедры прикладной информатики и документоведения, Иркутский государственный университет, Российская Федерация, Иркутск, e-mail: annoy@list.ru

Information about the authors:

©**Bolshedvorskaya Marina Vladimirovna** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Medical-Biological Disciplines, Irkutsk Branch of Russian University of Sport «GTSOLIFK», Russian Federation, Irkutsk, e-mail: zzz4013@mail.ru.

©**Blinnikova Anna Valerievna** – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Informatics and Document Management, Irkutsk State University, Russian Federation, Irkutsk, e-mail: annoy@list.ru.

Зинурова Р. И., Тузиков А. Р.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ КЕЙСЫ ДИНАМИКИ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Ключевые слова: патриотическое и гражданское сознание жителей России, динамика восприятия специальной военной операции, социально-демографические группы, добровольческая деятельность, социальная ответственность.

Статья раскрывает динамику гражданского и патриотического сознания жителей России в информационном контексте специальной военной операции. В течение прошедших четырех лет специальной военной операции актуализировалась оценка дальнейшего развития страны, понимание российскими гражданами социальной ответственности за свою семью, страну, за судьбу Родины. С учетом прошедшего четырёхлетнего периода накопления данных социологических исследований в общероссийских мониторингах, региональных оценках массового сознания относительно событий специальной военной операции, кейсах локальных сообществ, выражающихся в деятельности трудовых, студенческих коллективов и некоммерческих организаций, связанных с поддержкой бойцов СВО, представляется возможным анализ полученных результатов. Полученные данные свидетельствуют о том, что достаточно значимая часть респондентов выразили позитивное отношение к отдельным формам своего личного участия в сложный для всей страны период. Также показана востребованность разработки новых технологий вовлечения отдельных социально-демографических групп в разновидности оказания помощи.

R. I. Zinurova, A. R. Tuzikov

RESEARCH CASES ON THE DYNAMICS OF THE CIVIC AND PATRIOTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN CITIZENS IN THE INFORMATION CONTEXT OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Keywords: patriotic and civic consciousness of Russian residents, dynamics of perception of the special military operation, socio-demographic groups, volunteer activities, and social responsibility.

The article reveals the dynamics of the civic and patriotic consciousness of Russian citizens in the information context of the special military operation. Over the past four years of the special military operation, the assessment of the country's future development and the understanding of social responsibility for one's family, country, and homeland have become more relevant. Taking into account the four-year period of data accumulation from sociological research in all-Russian monitoring, regional assessments of mass consciousness regarding the events of the special military operation, and cases of local communities expressed in the activities of labor, student, and non-profit organizations related to supporting the special military operation, it is possible to analyze the results obtained. The data obtained indicate that a fairly significant part of the respondents expressed a positive attitude towards certain forms of their personal involvement during a difficult period for the whole country. The demand for the development of new technologies for the involvement of individual socio-demographic groups in the types of assistance is also shown.

Актуальность. Переживаемые Российской Федерацией события специальной военной операции (СВО) на Украине с февраля 2022 года логично определили исследовательский и аналитический интерес к изменениям в гражданском и патриотическом сознании жителей нашей страны в указанном информационном контексте. В течение прошедших четырех лет специальной военной операции актуализировалась оценка дальнейшего развития страны, понимание российскими гражданами

социальной ответственности за свою семью, страну, за судьбу Родины. Явно стали проследиваться интеграционные явления в обществе, причем между социальными группами, формализованными по социально-демографическим признакам. Оценка событий у представителей различных профессий, поколений, регионов выразилась в солидарности, сотрудничестве, взаимопомощи. С учетом прошедшего четырёхлетнего периода накопления данных

социологических исследований в общероссийских мониторингах, региональных оценках массового сознания относительно событий специальной военной операции, кейсах локальных сообществ, выражающихся в деятельности трудовых, студенческих коллективов и некоммерческих организаций, связанных с поддержкой бойцов СВО, представляется возможным анализ полученных результатов.

Разработанность темы. За последние четыре года исследование темы осуществлено в целом ряде работ, среди которых научные публикации социально-философского и политико-правового осмысления специальной военной операции, социологического изучения массового сознания россиян относительно военного и мировоззренческого конфликта 2022–2026 гг. на Донбассе, исследования настроений и гражданского поведения российской молодежи, связанных с оценкой СВО. Авторами, акцентирующими внимание общества на различных аспектах мнений, касающихся развития СВО, являются В. Э. Багдасарян [1], А. А. Бартош [2], А. М. Ильницкий и О. С. Яновский [3, 4], Я. И. Стрелецкий и М. А. Урюпина [5], А. Л. Маршак и А. Ш. Дубина [6], А. А. Вилков [7], А. А. Казаков [8], А. Р. Тузиков и Р. И. Зинурова [9].

Так, Я. И. Стрелецкий, М. А. Урюпина рассматривают философский и культурологический аспекты СВО и проводят обоснование ее объективной обусловленности и необходимости. С учетом специфики профессиональной деятельности авторов в Краснодарском высшем военном авиационном училище летчиков имени Героя Советского Союза А. К. Серова, результаты и выводы публикации направлены на мобилизацию духовных сил и патриотического воспитания армейской российской молодежи. Авторы приводят убедительные доказательства своевременности начала СВО, так как угроза Донбассу – суверенитету Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР) достигла крайних форм в течение восьми лет по нарастающей с февраля 2014 г. Как отметил президент Российской Федерации В. В. Путин: «Угроза нарастала, причём с каждым днём. Поступающая информация не оставляла сомнений, что к февралю 2022 г. все было готово для очередной кровавой карательной акции на Донбассе, против которого, напомним, киевский режим ещё в 2014 г. бросил и артиллерию, и танки, и самолёты» [10].

А. Л. Маршак и А. Ш. Дубина представили в научной публикации анализ восприятия специальной военной операции (СВО)

среди студентов российских вузов как индикатор общественных настроений в молодежной среде. Авторами в работе выявлены основные тенденции и противоречия в интерпретации и оценке молодежью военно-политических событий, особенности формирования гражданской идентичности молодежи. Анализ данных вторичного социологического исследования (2024 г., n=1200) показал, что 48 % студентов высказались в поддержку СВО. «Именно среди молодых людей наиболее высока доля знакомых и близких, которая к 2024 году уже принимала участие в СВО (32,8 %), а также высока доля молодежи, начиная от призывного возраста и до 35 лет среди бойцов» [11].

В рамках ежегодного мониторинга АЦ ВЦИОМ представляет актуальные данные, отражающие динамику поддержки решения и общественных оценок успешности проведения спецоперации. В марте 2025 г. Фондом общественного мнения были обнародованы данные, согласно которым число поддерживающих решение о начале СВО составило 73 % всех респондентов, 59 % – в возрасте 18–30 лет. В августе того же года ВЦИОМ подтвердил мнение россиян, в итоге 70 % респондентов ответили «скорее поддерживаю» [12]. 2 февраля 2026 года, спустя четыре года после начала СВО, АЦ ВЦИОМ представил результаты мониторингового опроса россиян. Полученные результаты в очередной раз демонстрируют формирование в российском обществе устойчивого и долгосрочного консенсуса относительно проведения специальной военной операции. На протяжении всего периода наблюдений уровень поддержки решения сохраняется на стабильно высокой отметке, колеблясь в пределах статистической погрешности. В последнем замере показатель составил 65 %, вернувшись к февральским значениям четырехлетней давности, т.е. к самому началу спецоперации [13].

Аналогичный показатель зафиксирован и в оценках успешности хода СВО для российских войск: после колебаний первых двух лет он стабилизировался на отметке 65 %. Для сравнения: в марте 2022 г. на фоне патриотического и эмоционального подъема уверенность россиян в успехе он достиг рекордных 70 %.

К четвертой годовщине СВО в медиа пространстве появились публикации, раскрывающие в западных странах правду относительно причин конфликта на Украине и истинных целей СВО [14].

В статье А. Л. Маршака и А. Ш. Дубиной представлена инфографика, иллюстрирующая региональное распределение отношения

россиян к СВО. Практически все обследованные города [6, с. 31] демонстрируют высокую степень поддержки начала и проведения СВО, однако в Казани уровень одобрения несколько выше, что подтверждается также исследованиями казанских авторов (А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова) [15, 16]. Исследования, посвященные осознанию и пониманию молодежью значимости и смысла специальной военной операции, проводятся учеными Республики Татарстан, начиная с 2023 года [17, 18].

Методы исследования. При проведении исследования было опрошено 1500 представителей студенческой молодежи в Республике Татарстан из г. Казань и городов Волжско-Камского кластера (г. Набережные Челны, г. Альметьевск, г. Нижнекамск) по репрезентативной выборке. Тип используемой выборки - стратифицированная. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышала 2,5 %. Это позволяет считать полученные результаты статистически значимыми и надежными. Методика исследования – анкетный опрос с использованием электронных опросных форм.

Результаты исследования. Представим выборочные результаты авторских социологических опросов, проведенные в Республике Татарстан.

Анализ полученных данных (табл. 1.) свидетельствует, что объективную необходимость проведения Россией специальной военной операцией на Украине (СВО) признает более половины опрошенного студенчества Республики Татарстан. С вынужденным характером СВО, несмотря на ее трудность, согласны в той или иной мере 59,4 % респондентов. 52,4 % (34,3 % согласных и 18,0 % согласных частично) утверждают, что СВО это действия

по защите русского населения на Украине. СВО – это реакция на возрождение нацизма и фашизма на Украине: согласие выразили в той или иной степени 48,4 %. Столкновение с НАТО на Украине в том или ином виде в ходе СВО: согласны 34,1 %, частично согласны 18,3 %.

Как и по большинству утверждений, представленных исследователями перед студентами в других вопросах, наблюдается значительное количество затруднившихся ответить. Данное обстоятельство, с одной стороны, может характеризоваться как инфантильная апатичность современного студенчества. С другой стороны, недостаточными усилиями по информированности молодого поколения и идеологическому анализу действий государства со стороны государственных и образовательных институтов.

Оценка СВО находится в прямой зависимости с осознанием/ или непониманием угрозы военного нападения на Россию со стороны НАТО и США. Так, 59,4 % опрошенных студентов согласны, что СВО это трудная, но вынужденная мера для защиты безопасности нашей страны. В прямой корреляции с этим мнением находятся 52,4 % респондентов, признающих угрозу военного нападения на Россию со стороны НАТО и США в формулировке «Рано или поздно столкновение с НАТО на Украине случилось бы». При этом, стоит отметить, что два этих вопроса находятся достаточно удаленно друг от друга (их разделяют 10 других вопросов), что дает уверенность, что ответы студенты давали вдумчиво и осознанно. Мы не закладывали эту проверку намеренно, но методика таким образом прошла проверку на достоверность.

Таблица 1 – Распределение актуальных оценок СВО студенческой молодежью

Утверждение	Мнения респондентов	
	Согласен	Согласен частично
СВО явилась трудной, но вынужденной мерой для защиты безопасности нашей страны	40,0 %	19,4 %
Рано или поздно столкновение с НАТО на Украине случилось бы	34,1 %	18,3 %
СВО – это действия по защите русского населения на Украине	34,3 %	18,0 %
СВО – это реакция на возрождение нацизма и фашизма на Украине	32,8 %	15,6 %

Несмотря на общее признание необходимости проведения СВО, отметим, что студенчество периферийных городов республики в большей степени выделяют свое согласие с вышеуказанным утверждением (65,7 %) по сравнению с опрошенными студентами в миллионной Казани (58,2 %). Наблюдаются относительно значимые отклонения в ответах респондентов, позиционирующих себя как представителей страты с низким уровнем доходов. «В целом согласных» всего 51,3 % при общем показателе 59,4%.

Мы уже отмечали более высокий уровень патриотической «солидарности» студентов периферийных городов в оценке причин и необходимости специальной военной операции на Украине. Рассматривая одну из объявленных руководством Российского государства причин СВО как действия по защите русского населения на Украине, 60,5 % студенчества в средних по размеру городах Татарстана подтвердили согласие с данным утверждением. В столице нашей республики данные показатели составили 50,7 %.

Ранее при анализе оценки СВО как трудной, но вынужденной меры для защиты безопасности нашей страны, мы показали прямую зависимость с осознанием угрозы военного нападения на Россию со стороны НАТО и США, и мнением о неизбежности столкновения с НАТО на Украине. Теперь мы хотим продемонстрировать распределение ответов по территориальному признаку о неизбежности столкновения с НАТО на Украине (табл. 2).

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов в городах Республики Татарстан о неизбежности столкновения с НАТО на Украине

Распределение	Мнения респондентов		
	Общий массив	Казань	Другие города
В целом согласен	52,4 %	51,0 %	59,7 %
Затрудняюсь ответить	40,0 %	41,1 %	34,3 %

Таблица 3 – Распределение мнений о готовности и формах студенческой помощи участникам специальной военной операции на Украине (СВО)

Утверждение	Мнения респондентов	
	Готов и уже оказываю помощь	Готов в принципе, но еще на практике не участвую
Участвовать в волонтерских акциях (сбор гуманитарной помощи участникам СВО)	19,0 %	46,4 %
Работать вахтенным методом на предприятиях оборонной промышленности	6,2 %	25,6 %
Участвовать в изготовлении маскировочных сетей для бойцов Российской армии	8,1 %	35,5 %
Участвовать в сборе средств на помощь участникам СВО, раненым и членам их семей	15,3 %	44,0 %

Как в случае с другими утверждениями, опрошенные студенты отдельных городов республики (Набережные Челны, Альметьевск, Нижнекамск) выражают большее согласие с тем, что конфликт с НАТО на Украине случился бы рано или поздно (59,7 %), казанские студенты (51,0 %).

Вопрос о готовности и формах студенческой помощи участникам специальной военной операции на Украине (СВО), проводимой нашим государством, открывает ответы как на активное поведение студенчества в сложный для всей страны период, включая латентное состояние (готовность помогать), так и на отрицание таковой (табл. 3).

Полученные данные свидетельствуют о том, что достаточно значимая часть татарстанских студентов выразили позитивное отношение к отдельным формам своего личного участия в сложный для всей страны период. К наиболее используемым акциям солидарности с СВО студенты ответили такие, как: «Участие в волонтерских акциях (сбор гуманитарной помощи участникам СВО)»: 19,9 % – готовы и уже оказывают помощь, 46,4 % – готовы в принципе, но на практике еще не участвуют; «Участие в сборе средств на помощь участникам СВО, раненым и членам их семей»: 15,3 % – готовы и уже оказывают помощь, 44,0 % – готовы в принципе, но на практике еще не участвуют. Активное и латентное участия в данных акциях в совокупности дают такие показатели: 63,4 % и 59,3 % соответственно.

К менее востребованным акциям, предложенным исследователями, относятся: Участие в изготовлении маскировочных сетей для бойцов Российской армии: 8,1 % – готовы и уже оказывают помощь, 35,5 % – готовы в принципе, но на практике еще не участвуют; в работе вахтенным методом на предприятиях оборонной промышленности: 6,2 % готовы и уже оказывают помощь, 25,6 % – готовы в принципе, но на практике еще не участвуют. Совокупность активного и потенциального участия в данных акциях в совокупности дают такие показатели: 43,6 % и 31,8 % соответственно.

Респонденты городов Татарстана в большей степени, чем студенты Казани показали, вовлечены к участию в волонтерских акциях по сбору гуманитарной помощи участникам СВО (25,5 % готовы и уже оказывают данный вид помощи). Остается также достаточным значимым потенциальный ресурс такого вида поддержки (43,8 % готовы в принципе, но еще на практике не участвуют). Столичное студенчество в силу ряда причин в меньшей степени проявляют реальную активность – 17,8 %, почти у половины из них (46,9 %) наблюдается неиспользованный в настоящее время потенциал. Около четверти опрошенных затруднились с ответом.

Представляет исследовательский интерес выявленное в результате исследования отклонение от данных общей совокупности в мнениях студентов, относящих себя к группе с низким уровнем доходов. Активное участие в волонтерских акциях подтвердили 24,0 % при среднем показателе 19,0 %. Потенциальную готовность к участию 33,1 % и 46,4 % соответственно. Совокупность реального и потенциального участия представляет сумму в 54,1 %. При этом в других группах по уровню доходов этот показатель немного выше: средний уровень – 63,3 %; высокий уровень доходов – 70,3 %.

Такой вид деятельности как готовность участвовать в сборе средств на помощь участникам СВО, раненым и членам их семей также имеет явно выраженное патриотическое воспитательное значение. И в рамках личностного отношения к СВО представляет позитивный интерес со стороны студентов республики. Рассмотрим ответы студенчества в рамках анализа отдельных сегментных групп (городские студенты и уровень доходов).

Позитивное (реальное и потенциальное) отношение к данному виду помощи в целом присуще опрошенным студентам всех городов, участвующих в исследовании (Казань – 58,6 %,

другие города – 62,9 %). Стоит отметить, что представители периферийных городов в большей степени вовлечены в реальные процессы – 24,7 % при показателе в г. Казань – 13,5 %. Остается значимым показатель затруднившихся с ответом – 30,7 % и 33,8 % соответственно.

Данные опроса свидетельствуют о наличии определенного контрастного отношения к данному виду участия у студентов, позиционирующих себя низким уровнем доходов. Данный сегмент студенчества с одной.

Самым непопулярным вариантом оказания помощи в период СВО, предложенным исследователями, среди всех сегментов опрошенного студенчества республики Татарстан стала готовность «Работать на предприятиях оборонной промышленности». Совокупную готовность к такому месту деятельности показали 31,8 %, при этом в активном реальном процессе участвуют на момент проведения опроса лишь 6,2 %, а 25,6 % выразили потенциальную готовность. Ниже приведено распределение ответов опрошенных студентов по территориальному признаку (табл. 4).

Данные табл. 4 показывают, что студенты Казани менее склонны к работе на оборонных предприятиях по сравнению с представителями других городов (Набережные Челны, Альметьевск, Нижнекамск). Более половины студентов не зависимо от места дислокации затруднились с ответом. Четверть опрошенных выразили потенциальную готовность к такому виду «патриотического» труда. Гендерные отличия (табл. 5) проявились практически в каждом варианте ответа на поставленный вопрос. Так, мужчины в большей степени чем женщины, склонны в целом к готовности трудиться на предприятиях оборонной промышленности. В тоже время стоит отметить, что данный показатель остается относительно невысоким (39,1 % у мужчин и 25,6 % у женщин), при этом в реальном секторе уже задействовано лишь 8,1 % и 4,5 % соответственно. Почти 60 % женской половины опрошенного студенчества выразили затруднения ответа на поставленный вопрос.

Распределение студенчества по уровню доходов (табл. 6) проявило следующую тенденцию: по мере снижения заявленного уровня доходов большая доля студентов готова к участию в трудовой деятельности в оборонном секторе экономики по мере. Респонденты с низким уровнем более активны – 18,2 %, со средним уровнем – 15,2 %, с высоким – 10,6 %.

Таблица 4 – Распределение по городам оценок готовности респондентов работать вахтенным методом на предприятиях оборонной промышленности

Утверждение	Мнения респондентов		
	Общий массив	Казань	Другие города
Готов и уже оказываю помощь	6,2 %	5,4 %	10,0 %
Готов в принципе, но еще на практике не участвую	25,6 %	25,0 %	28,7 %

Таблица 5 – Распределение оценок готовности респондентов работать вахтенным методом на предприятиях оборонной промышленности по гендерному признаку

Утверждение	Мнения респондентов		
	Общий массив	Мужчины	Женщины
Готов и уже оказываю помощь	6,2 %	8,1 %	4,5 %
Готов в принципе, но еще на практике не участвую	25,6 %	31,0 %	21,1 %

Таблица 6 – Распределение готовности работать вахтенным методом на предприятиях оборонной промышленности по уровню доходов

Утверждение	Мнения респондентов по уровню доходов			
	Общий массив	Низкий	Средний	Высокий
Готов и уже оказываю помощь	6,2 %	10,7 %	4,8 %	7,1 %
Готов в принципе, но еще на практике не участвую	25,6 %	25,6 %	24,0 %	27,7 %

Подводя итоги, отметим активную позицию молодежи в тех видах оказываемой помощи, которая характеризуется направленной адресностью - «Добровольческая помощь и поддержка ветеранов специальной военной операции и членов их семей в реабилитации и социальной адаптации», а также визуализированной в конкретных действиях и результатах «Подготовка материально-технической базы участников СВО (пошив одежды, марлевых повязок, плетение маскировочных сетей, изготовление печек-буржук, заготовка домашних супов, борщей, каш и т. п.

Добровольческая деятельность всех социальных групп населения в целом, как и работников предприятий и организаций, в частности, может охватывать различные формы

оказания помощи российским бойцам, мирному населению, находящемуся на территории СВО, что позволяет ощутить свою личную вовлеченность в патриотические акции и с гордостью называть себя патриотами. Полученные данные свидетельствуют о том, что достаточно значимая часть респондентов выразили позитивное отношение к отдельным формам своего личного участия в сложный для всей страны период. Однако мы считаем, что потенциал активизации реального участия в поддержке участников СВО и жителей членов их семей со стороны корпоративных добровольцев остается недостаточно задействованным. Стоит подумать о разработке новых технологий вовлечения отдельных социально-демографических групп в разновидности оказания помощи.

Литература

1. Багдасарян В.Э. Денацификация Украины: феноменология неонацизма // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17, № 2. С. 13-28. DOI 10.22394/2071-2367-2022-17-2-13-28. EDN: OMOVNAV.
2. Бартош А.А. Взаимодействие в гибридной войне // Военная мысль. 2022. № 4. С. 6-23. EDN: BUJFXU.
3. Ильницкий А.М., Яновский О.С. Стратегическая тишина // Международная жизнь. 2024. № 7. С. 92-99. EDN: JKIQUES.
4. Ильницкий А.М., Яновский О.С. Глубинная война // Международная жизнь. 2024. № 10. С. 78-89. EDN: ZQTSEM.
5. Стрелецкий Я.И., Урюпина М.А. Специальная военная операция России на Украине: философско-культурологический анализ // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12(128). С. 188-196. DOI: 10.24158/fik.2024.12.21. EDN: DUAXWK.
6. Маршак А.Л., Дубина А.Ш. Восприятие специальной военной операции в студенческой среде // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14, № 4. С. 28-37. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.4.2. EDN: GTDCPK.
7. Казаков А.А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 4. С. 460-467. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467. EDN: VRKDZI.
8. Вилков А.А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 101-107. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107. EDN: OJUWVV.
9. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р. Особенности добровольчества в условиях Российской специальной военной операции // Управление устойчивым развитием. 2024. № 1(50). С. 76-81. DOI: 10.55421/2499992X_2024_1_76. EDN: MEMGAC.
10. Президент России. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 13.02.2026).
11. Дубина А.Ш. Три года СВО: динамика изучения отношения молодежи (на примере Пензенской области) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2025. № 1(108). С. 62-68. EDN: ISRBQK.
12. Фонд Общественное Мнение. Украина. Опрос 20 марта. Представления о целях России на Украине. URL: <https://fom.ru/Politka/14706> (дата обращения: 13.02.2026).
13. ВЦИОМ. Специальная военная операция на Украине: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-na-ukraine-monitoring?ysclid=mm3nzk21sl405687798> (дата обращения: 13.02.2026).
14. РИА Новости. На Западе раскрыли данные о ходе СВО, о которых умолчали СМИ. URL: <https://ria.ru/20260226/ukraina-2076785772.html> (дата обращения: 13.02.2026).
15. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Оценочная модальность патриотического сознания студентов: историко-культурный аспект (на примере Республики Татарстан) // Управление устойчивым развитием. 2025. № 4 (59). С. 80-89. DOI: 10.55421/2499992X_2025_4_80. EDN: GCMSKM.
16. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Готовность отстаивать интересы страны и «жертвенные инвестиции» в общественном мнении российского студенчества (на примере Республики Татарстан) // Управление устойчивым развитием. 2025. № 5 (60). С. 69-76. DOI: 10.55421/2499992X_2025_5_69. EDN: DLOJKH.
17. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Информационно-когнитивная война и патриотическое сознание студенчества: ландшафт средств массовой коммуникации (на примере вузов Республики Татарстан) // Управление устойчивым развитием. 2024. № 3 (52). С. 64-73. DOI: 10.55421/2499992X_2024_3_64. EDN: YNEHLK.
18. Тузиков А.Р., Бариев М.М., Зинурова Р.И. Российское студенчество: форматы патриотизма. Казань: КНИТУ, 2025. 100 с.

References

1. Baghdasaryan V.E. Denazification of Ukraine: phenomenology of neo-nazism Central Russian Journal of Social Sciences. 2022. Vol. 17, No. 2. pp. 13-28. DOI 10.22394/2071-2367-2022-17-2-13-28. EDN: OMOVNAV. (In Russ.)

2. Bartosh A.A. Interaction in hybrid warfare. *Voennaya mysl'*. 2022. No. 4. pp. 6-23. EDN: BUJFXU. (In Russ.)
3. Il'nickij A.M., Yanovskij O.S. Strategicheskaya tishina. *Mezhdunarodnaa zizn'*. 2024. No. 7. pp. 92-99. EDN: JKIQES. (In Russ.)
4. Il'nickij A.M., Yanovskij O.S. Glubinnaya vojna *Mezhdunarodnaa zizn'*. 2024. No. 10. pp. 78-89. EDN: ZQTSEM. (In Russ.)
5. Streletsky Ya.I., Uryupina M.A. Russia's special military operation in ukraine: philosophical and cultural analysis. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2024. No. 12 (128). pp. 188-196. DOI: 10.24158/fik.2024.12.21. EDN: DUAXWK. (In Russ.)
6. Marshak A.L., Dubina A.Sh. Perception of the special military operation in student environment. *Humanitarian of the South of Russia*. 2025. Vol. 14, No. 4. pp. 28-37. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.4.2. EDN: GTDCPK. (In Russ.)
7. Kazakov A.A. The attitude of Russian youth to the special military operation: the role of media support of state policy. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2022. Vol. 22, No. 4. pp. 460-467. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467. EDN: VRKDZI. (In Russ.)
8. Vilkov A.A. Value and ideological factor of formation of the image of Russia's future among modern youth (regional case). *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2022. Vol. 22, No. 1. pp. 101-107. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107. EDN: OJUWVV. (In Russ.)
9. Zinurova R.I., Tuzikov A.R. Features of volunteering under the conditions of the Russian special military operation. *Managing Sustainable Development*. 2024. No. 1 (50). pp. 76-81. DOI: 10.55421/2499992X_2024_1_76. EDN: MEMGAC. (In Russ.)
10. Prezident Rossii. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. Available at: <http://krem-lin.ru/events/president/news/70565> (Accessed Date: 13.02.2026). (In Russ.)
11. Dubina A.Sh. Three years of SVO: the dynamics of studying youth attitudes (on the example of the Penza region). *Poisk: politika. obshchestvovedenie. iskusstvo. sociologiya. kul'tura*. 2025. No. 1(108). pp. 62-68. EDN: ISRBQK. (In Russ.)
12. Fond Obshchestvennoe Mnenie. Ukraina. Opros 20 marta. Predstavleniya o celyah Rossii na Ukraine. Available at: <https://fom.ru/Politka/14706> (Accessed Date: February 13, 2026). (In Russ.)
13. VCIOM. Special'naya voennaya operaciya na Ukraine: monitoring. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operaciya-na-ukraine-monitoring?ysclid=mm3nzk21sl405687798> Accessed Date: February 13, 2026). (In Russ.)
14. RIA Novosti. Na Zapade raskryli dannye o hode SVO, o kotoryh umolchali SMI. Available at: <https://ria.ru/20260226/ukraina-2076785772.html> (Accessed Date: 13.02.2026). (In Russ.)
15. Tuzikov A.R., Zinurova R.I. Evaluation modality of students' patriotic consciousness: historical and cultural aspect (on the example of the Republic of Tatarstan). *Managing Sustainable Development*. 2025. No. 4 (59). pp. 80-89. DOI: 10.55421/2499992X_2025_4_80. EDN: GCMSKM. (In Russ.)
16. Tuzikov A.R., Zinurova R.I. Willingness to defend the country's interests and "sacrificial investments" in the public opinion of Russian students (based on the example of the Republic of Tatarstan). *Managing Sustainable Development*. 2025. No. 5 (60). pp. 69-76. DOI: 10.55421/2499992X_2025_5_69. EDN: DLOJKH. (In Russ.)
17. Tuzikov A.R., Zinurova R.I. Information and cognitive warfare and patriotic consciousness of students: the landscape of mass communication media (on the example of universities of the Republic of Tatarstan). *Managing Sustainable Development*. 2024. No. 3 (52). pp. 64-73. DOI: 10.55421/2499992X_2024_3_64. EDN: YNEHLK. (In Russ.)
18. Tuzikov A.R., Bariev M.M., Zinurova R.I. *Rossijskoe studenchestvo: formaty patriotizma*. Kazan: KNRTU, 2025. 100 p. (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института управлениями инновациями, зав. кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой государственного управления, истории, социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Zinurova Raushaniia Ilshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Institute of Innovation Management, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Head of the Department for Public Administration, History, Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378

DOI: 10.55421/2499992X_2026_1_83

И. Э. Вильданов, А. В. Вылегжанина, Р. С. Сафин

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГИБКИХ НАВЫКОВ И ЭСТЕТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ СТРОИТЕЛЬНОГО ВУЗА

Ключевые слова: мягкие навыки, группа навыков эстетического мышления, группа коммуникативных навыков, группа навыков самоуправления, формирование навыков, научно-образовательная среда, научно-образовательные центры, технические вузы, инженерное образование, интеграция навыков.

Статья посвящена актуальной проблеме формирования и развития гибких (мягких) навыков (soft skills) у студентов технических вузов. Авторы рассматривают данный процесс как неотъемлемый элемент подготовки современного конкурентоспособного инженера и исследователя. Успех молодого специалиста на рынке труда определяется, в том числе сформированными в процессе обучения «мягкими» навыками («soft skills»). В фокусе изучения находится структура мягких навыков, представленная тремя ключевыми группами: навыки эстетического мышления, коммуникативные навыки и навыки самоуправления. Подчеркивается, что их комплексное развитие выходит за рамки узкопрофессиональной подготовки и способствует личностному и творческому росту будущих специалистов. Практическая деятельность архитектора, инженера-строителя связана с проектированием, строительством, ремонтом, эксплуатацией различных гражданских, общественных, производственных и гражданских объектов. Все их творения должны нести эстетическую привлекательность и эстетическую культуру, как для населения, так и самих будущих специалистов. Поэтому у обучающихся в строительном вузе необходимо сформировать: эстетическое восприятие, эстетические чувства, эстетическое мышление, эстетическую культуру, коммуникативные умения и навыки самоуправления. Считаем особенно важным продолжать формирование у будущих архитекторов, инженеров-строителей группы гибких компетенций: мышления (в том числе эстетического), коммуникативные навыки, навыки самоуправления, включив в этот процесс дополнительные формы и методы. В работе анализируются специфика и потенциал научно-образовательной среды, в частности, научно-образовательных центров, как основных платформ для целенаправленного формирования навыков. Научно-образовательные центры реализованы с помощью бизнес-партнеров. Предлагаются возможные интегративные формы и педагогические методы, позволяющие эффективно развивать мягкие навыки в контексте технического образования, преодолевая разрыв между жесткими профессиональными компетенциями (hard skills) и универсальными личностными качествами.

I. E. Vildanov, A. V. Vylegzhanina, R. S. Safin

CURRENT ASPECTS OF DEVELOPING SOFT SKILLS AND AESTHETIC THINKING IN STUDENTS OF A CONSTRUCTION UNIVERSITY

Keywords: soft skills, aesthetic thinking skills group, communication skills group, self-management skills group, skill development, scientific and educational environment, scientific and educational centers, technical universities, engineering education, skills integration.

This article examines the pressing issue of developing soft skills in students at technical universities. The authors view this process as an integral part of training modern, competitive engineers and researchers. A young professional's success in the labor market is determined, in part, by the soft skills developed during their education. The study focuses on the structure of soft skills, represented by three key groups: aesthetic thinking skills, communication skills, and self-management skills. It is emphasized that their comprehensive development extends beyond narrow professional training and contributes to the personal and creative growth of future professionals. The practical work of architects and civil engineers involves the design, construction, repair, and operation of various civil, public, industrial, and civil facilities. All their creations must convey aesthetic appeal and promote aesthetic culture, both for the general public and for future professionals themselves. Therefore, students at construction universities must develop aesthetic perception, aesthetic sensitivity, aesthetic thinking, aesthetic culture, communication skills, and self-management skills. We believe it is particularly important to continue

developing a group of soft competencies in future architects and civil engineers: thinking (including aesthetics), communication skills, and self-management skills, incorporating additional forms and methods into this process. This paper analyzes the specifics and potential of the scientific and educational environment, particularly scientific and educational centers, as the main platforms for targeted skill development. Potential integrative forms and pedagogical methods are proposed that allow for the effective development of soft skills in the context of technical education, bridging the gap between hard professional competencies and universal personal qualities.

Введение

В последние десятилетия строительная отрасль развивается очень динамично – постоянно расширяется ассортимент строительных материалов и изделий, применение которых приводит к трансформации технологических процессов возведения, отделки, реконструкции и эксплуатации различных объектов гражданского и промышленного назначения. Усложнение строительных технологий, внедрение высококачественных материалов и изделий требуют новых квалификационных навыков от инженерно-технического состава отрасли. Навыки, или профессиональные компетенции в научной литературе называют твердыми навыками или *hard skills*. В последние годы они в большей степени подвержены постоянным изменениям, вызванным стремительным научно-техническим прогрессом в строительстве и строительных технологиях.

Но также известно, что успех молодого специалиста на рынке труда определяется в том числе сформированными в процессе обучения «мягкими» навыками («*soft skills*») [1]. В научной литературе иногда как синоним используется понятие «гибкие» навыки. В современном академическом мире эти навыки рассматриваются как основа конкурентоспособности специалиста в условиях динамичной, зачастую непредсказуемой среды, что делает их объектом внимательного анализа различных гуманитарных научных дисциплин, в том числе и педагогики.

В ФГОС ВО направления подготовки 08.03.01 – строительство, гибкие навыки представлены универсальными компетенциями, обеспечивающими эффективное взаимодействие с коллегами, заказчиками, проектировщиками и рабочими строительной организации, многочисленными участниками строительного процесса. Таким образом, каждому выпускнику строительного вуза необходимы навыки и способности общаться и сотрудничать с другими людьми – коллегами, партнерами, быть самоорганизованным, дисциплинированным. По мнению А. В. Гридасовой с коллегами [2] данные межличностные и внутриличностные навыки и составляют «мягкие» навыки.

Группа исследователей во главе с I. Rossova в результате многолетних исследований представили следующий перечень «мягких» навыков, востребованных на современном рынке труда: критическое мышление, решение проблем, креативность, коммуникативные навыки, сотрудничество [3].

А. П. Исаевым и А. В. Плотниковым определен список актуальных навыков для инженерного персонала. Составленный авторами перечень включает следующие навыки: способность адаптироваться, способность к взаимодействию и командной работе, гибкость и креативность мышления, открытость новому, саморазвитие и самообучение, организованность и ответственность, саморегуляция и самоконтроль, активность и стремление к достижениям [4].

В научных публикациях авторы приводят классификацию гибких навыков по разным основаниям и группам. В работе О. С. Гилязовой с соавторами они разделены на 4 группы: коммуникативная грамотность; навыки эффективного мышления; навыки самоконтроля; навыки менеджмента [5].

Исследователь Т. Н. Ануфриева систематизировала и сгруппировала гибкие навыки современного инженера на четыре категории: навыки социального назначения; навыки, направленные на достижение результата; навыки, способствующие осуществлению профессиональной деятельности [6]. В частности, по результатам исследования Т. Н. Ануфриевой, опрос работающих студентов старших курсов, магистрантов и аспирантов Томского политехнического университета позволил определить, что лидирующую позицию занимают навыки социального назначения: работа в команде, коммуникация, лидерство. Респонденты отметили, что для достижения результата им необходимо владеть навыками критического мышления, а для успеха в профессиональной деятельности обладать навыками самомотивации, самоконтроля, т. е. самоуправления [6].

И. Г. Кондратьева среди универсальных компетенций особо выделяет способы мышления студентов такие как: рефлексия, критический анализ, творческое мышление,

гибкость мышления, с ее точки зрения наиболее определяющие эффективность результатов обучения [7].

Л. В. Оренбурова в диссертационном исследовании на основании контент-анализа предложила структуру гибких навыков для будущих педагогов состоящей из трех групп: коммуникативных, эффективного мышления, самоуправления [8].

О. В. Топоркова в своей работе обосновывает миссию будущих технических специалистов как «...создание новой архитектуры общества, построение безопасного гармоничного пространства для жизни ...» [9, с. 60].

При этом в работе отмечается, что специальные дисциплины в техническом вузе не позволяют достаточно успешно формировать гибкие навыки [10]. Для решения данной проблемы авторы предлагают использовать потенциал внеаудиторной деятельности [10].

Методология исследования

Исследование базировалось на анализе результатов психолого-педагогической, терминологической научной литературы, обобщении опыта и практики формирования гибких навыков в вузах разного направления подготовки. Изучалось мнение обучающихся строительного вуза о возможностях развития мягких навыков. На основе анкетирования, анализировалось эссе студентов о преимуществах применения коммуникативных и эстетических навыков, и навыков по самоуправлению в своей будущей профессиональной деятельности.

Результаты

Анализ тематических публикаций, изучение предпочтений руководителей, работодателей к инженерам-строителям и архитекторам позволил нам также выделить три основные востребованные для строительных специалистов группы мягких навыков: эффективного мышления, коммуникативные и самоуправления.

Для изучения уровня сформированности гибких навыков студентов КГАСУ в ноябре-декабре 2025 года было проведено тестирование 150 студентов третьего курса архитектурных и строительных специальностей. Выбор третьего курса в качестве объекта исследования объясняется тем, что эти студенты уже прошли обучение по целому блоку гуманитарных, общетехнических и специальных дисциплин в техническом вузе (в частности,

«Психологию социального взаимодействия»), имеют опыт студенческих коммуникаций, многие принимали участие в научной и общественной жизни института в научно-образовательных центрах (НОЦ). К тому же, на третьем курсе вуза студент добрался до середины своего образовательного маршрута, он, уже достиг определенного уровня компетенции, но и ресурс для получения новых знаний в НОЦ и совершенствования навыков у него еще не исчерпан.

Принимая в нашем исследовании понятие «гибкие навыки» как синоним понятию «ключевые компетенции», как инструмент изучения развития гибких навыков наших студентов мы использовали тест Лаборатории компетенций SOFT SKILLS Южного федерального университета (ЮФУ) – «Самооценка развития ключевых компетенций» [11]. Самостоятельная оценка студентами уровня развития своих компетенций, предусмотренная этой методикой, обеспечивает высокую объективность полученных результатов тестирования. Данный опросник включает в себя 55 пунктов, предназначенных для оценки степени сформированности 11 ключевых компетенций. Мы, как наиболее интересующие нас и важные для нашего пилотного исследования, выделили после обработки результатов для анализа 7 компетенций.

В целом, по всем интересующим нас компетенциям большинство студентов имеют лишь средний уровень развития. То есть в настоящее время студенты обладают лишь базовыми элементами компетенции, которые успешно применяются лишь в простых и привычных ситуациях. Для полного освоения и применения в более сложных или новых условиях требуется дальнейшее обучение и отработка их на практике.

По результатам тестирования видно, что наиболее сформированными среди гибких навыков у небольшой части третькурсников оказались эмоциональный интеллект (33 %), сотрудничество (28 %) и клиентоориентированность (26 %), по ним они показали высокий уровень сформированности навыков. Высокий уровень компетенции обозначает, что студент эффективно применяет компетенцию для решения рутинных задач. Он глубоко понимает суть данной компетенции, активно демонстрирует поведение, которое ее подтверждает, наблюдает как эта компетенция проявляется как в его собственном поведении, так и в поведении коллег, что свидетельствует о его стремлении к самосовершенствованию.

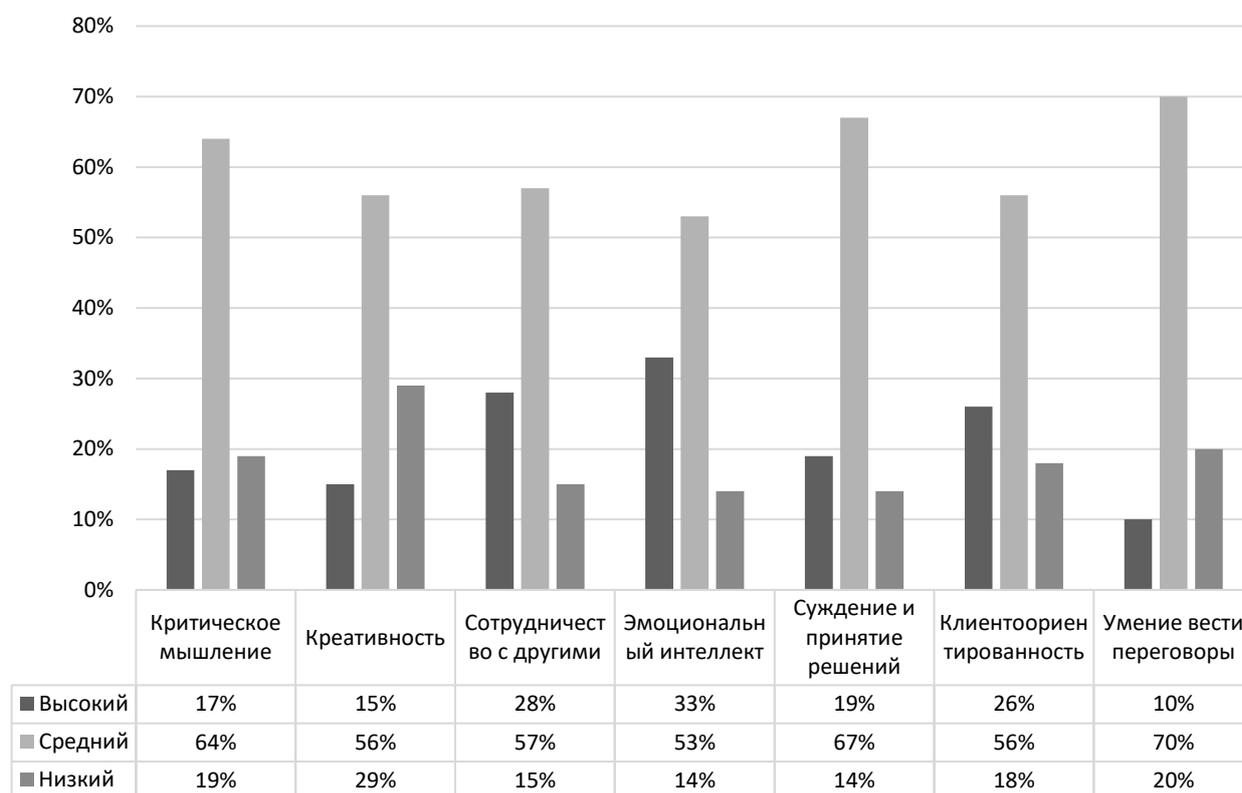

Рис. 1 – Результаты тестирования уровня сформированности гибких навыков студентов 3 курса КГАСУ

Наименее выраженной компетенцией оказалось умение вести переговоры, только каждый десятый из прошедших тестирование третьекурсников на сегодняшний день способен эффективно убеждать, аргументировать, достигать согласия.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что работа по развитию гибких навыков как в аудиторном формате, так и во внеаудиторном, в нашем учебном заведении должна продолжаться, задача всех педагогов – использовать в работе со студентами различные методы, формы по ее осуществлению при взаимодействии с производством [12].

В рамках проводимого нами исследования часть респондентов написали эссе, где рассуждали и образно делились своим мнением о преимуществах применения коммуникативных и эстетических навыков, и навыков по самоуправлению в своей будущей профессиональной деятельности.

Дарья П. «Архитектор должен обладать сверхэмпатией, ведь его долг – суметь понять заказчика и настроиться с ним «на одну волну» – только так получается осмысленная и нужная архитектура, приносящая радость, а ведь в состоянии радости человек живет и работает более полноценно, эффек-

тивно и с огромной самоотдачей, а результат таких действий всегда крайне положителен. Жизнь архитектора – это постоянная борьба с самим собой, с критиками, общественным мнением, порой с невыполнимыми требованиями заказчика и со многими другими ограничивающими факторами. В такие моменты жизненно необходимо взять себя в руки, успокоиться и с холодной головой, но с живым воображением, продолжать творить. Поэтому так важно знать психологические техники и приемы, способные в случае необходимости успокоить себя и заказчика, а также уметь качественно рефлексировать, подвергая тщательному анализу прежде всего свои мысли, чувства и идеи, а также и весь окружающий мир в его невероятном разнообразии».

Ника Б. «Так как работа архитектора – это также постоянная работа с людьми, это помогло развить во мне толерантность. Теперь я понимаю, что не существует единственно правильного взгляда на красоту или удобство. Это сделало меня более гибкой и терпимой в общении как с клиентами, так и с моими близкими. Сейчас для меня архитектура – это как диалог между материальным миром и человеческой душой. Самые лучшие архитектурные проекты получаются тогда, когда архитектор думает не только о том, как будет выглядеть здание, но и как в этом

здании будут чувствовать себя люди. Быть архитектором, значит, быть немного психологом, который вместо слов использует пространство».

Эвелина З. *«Психология плотно вписывается в профессию строителя. Его задача – понять потребности заказчика, сублимировать это сквозь призму своего опыта и, в конечном итоге, преподнести готовый результат. Такой человек должен хорошо слышать других людей, не руководствуясь своим эгоцентричным мнением. Он должен быть эмпатичным по отношению к сотрудникам, которм делегирует задачи по строительству».*

Александр Д. *«Я думаю, что в любой профессиональной сфере важно иметь хотя бы базовое представление о психологии взаимодействия с людьми. Особенно важно в профессиях, напрямую контактирующих с людьми или создающих для них какой-либо продукт. Строительство не становится исключением, ведь именно понимание человеческой психики лежит в основе создания комфортной и функциональной среды. Знания о механизмах мотивации, эмоциональной регуляции и самоконтроле помогают справиться с тревогой, избегать выгорания и поддерживать продуктивность деятельности. Понимание своих эмоциональных состояний позволяет более осмысленно подходить к работе, распределять силы и сохранять интерес к профессии даже в напряженные периоды».*

На наш взгляд, приведенные отрывки свидетельствуют о глубоком понимании студентами важности коммуникативных навыков, навыков мышления и самоуправления в их будущей профессиональной жизни, а также желании их развивать как в стенах учебного заведения, так и в дальнейшем самостоятельно, прибегая к полученным знаниям, навыкам командного взаимодействия в студенческих проектах.

Поскольку выпускники строительного вуза по роду своей деятельности должны создавать гармоничное пространство жизнедеятельности людей, вызывающих у них эстетические чувства и чувства гармонии, нам также показалось интересным узнать мнение студентов об эстетическом мышлении в профессиональной деятельности будущих архитекторов и строителей.

С научной точки зрения, гибкие навыки не дополняют процесс формирования эстетической культуры, в частности, эстетического мышления, а являются его неразрывной частью. Эстетическое мышление представляет собой не просто визуальное представление, а многогранный когнитивный и социокультурный процесс, осуществляемый при помощи специфических

психологических механизмов – гибких навыков. Для создания привлекательных объектов и пространств выпускники архитектурно-строительных вузов должны обладать умением воспринимать и анализировать информацию для принятия решений при выполнении проектных и строительных работ, то есть обладать эстетическим мышлением.

Специалист, со сформированным эстетическим мышлением в будущем будет создавать эстетически привлекательные, отвечающие требованиям заказчиков, потребителей их продукции (проекты, здания, городская среда и т. д.).

Навыки эстетического мышления мы диагностировали экспертной оценкой учебных проектов, интервью и эссе студентов.

Так, студент Эрик пишет *«эстетическая культура для меня – это способность воспринимать, чувствовать, и создавать красоту в самых разных ее проявлениях, радость от хорошо организованного пространства. Эстетическое мышление – это внутренний компас, помогающее отличать подлинное от сиюминутного, качественное от халтурного, гармоничное от хаотичного. Это мышление напрямую связано с аналитическим мышлением, столь необходимое в любой профессиональной сфере...».*

Студент А. *«эстетическое мышление развивает способности к самооценке – это не что иное, как самоанализ и самоуправление...»*

Студент Камиля. *«Для меня эстетическая культура – это способность человека видеть, создавать и осмысливать красоту во всем многообразии форм, с которыми он сталкивается. Это не только отношение к искусству, но и особое восприятие мира, стиль мышления и поведения. Умение отличать, ценное от повседневного, гармоничное от искусственного, оригинальное от штампованного выступает как важнейший показатель эстетической зрелости, эстетического мышления обучающегося».*

Студент Д. *«и в технических специальностях ценится не только сухая логика, но и чувство прекрасного. Инженер-проектировщик, продумывающий эргономичный дизайн будущего здания, его труд становится лучше благодаря эстетическому чутью, эстетическому мышлению».*

Очень важно, что студенты третьего курса строительного профиля четко понимают, что эстетика является ключевым элементом их будущей профессиональной деятельности.

На наш взгляд, нельзя не принимать во внимание, что если для архитекторов эстетика закладывается прежде всего в процессе изучения специализированных предметов, то для бу-

дущих инженеров-строителей одним из наиболее значимых факторов формирования их эстетического вкуса становится и сама атмосфера вуза, воплощенная в дизайне его помещений и пространств.

Образовательное пространство любого университета способствует формированию эстетической культуры обучающихся. То, как выглядит и устроен строительный вуз, непосредственно обучает будущих специалистов строительной отрасли. Если аудитории, коридоры, переходы, внутренний двор продуманы, красивы и удобны для использования, студенты изначально и на своем опыте усваивают, что такое хорошая среда. Если вокруг в основном достаточно безлико, они невольно начинают думать, что и в реальной работе им не нужны эстетика и комфорт. Можно утверждать, что реальная среда вуза, его атмосфера и инфраструктура являются наиболее действенным и значимым «пособием» для формирования профессиональных компетенций.

По нашему мнению, эстетическое пространство в КГАСУ активно создается, и на сегодняшний день представлено:

- научно-образовательными центрами (НОЦ), спроектированными и реализованными с учетом эстетических требований – красоты помещения; выбором цвета стен; учебного оборудования, исследовательских установок, соответствующих требованиям эргономики и дизайна; эстетическое световое решение зон научно-образовательных центров;

- эстетическим оформлением лекционных аудиторий, общественных пространств с учетом развития эстетических вкусов студентов (коридоры, столовая, спортзал, актовый зал, зал заседаний диссертационного и Ученого советов,

музей истории университета, спортивный комплекс);

- эстетически оформленной внешней территорией университета с пешеходными зонами, пространствами для отдыха и занятий спортом, озеленение, установка фонтана, создание и монтаж «Кирпича Счастья» в университете;

- памятником в честь преподавателей и студентов, погибших в годы Великой Отечественной войны;

- организацией постоянных выставок курсовых и дипломных проектов студентов-архитекторов и дизайнеров; регулярным проведением выставок рисунков, фотографий, выполненных преподавателями и студентами университета и др.

В частности, по отзывам студентов, первое посещение студентами НОЦ вызывает их восхищение дизайном, аппаратурным оформлением, наличием зон для исследовательской, практической деятельности, технологических линий и оборудования (аппаратуры), созданных с учетом требований предметного дизайна. Все это способствует развитию эстетического вкуса, эстетического восприятия, эстетического мышления и сознания, эстетической культуры студентов КГАСУ.

С учетом вышесказанного, мы считаем особенно важным продолжать формирование у будущих архитекторов, инженеров-строителей группы гибких компетенций: мышления (в том числе эстетического), коммуникативные навыки, навыки самоуправления, включив в этот процесс дополнительные формы и методы. Структуру навыков (гибких) специалиста архитектурно-строительной отрасли представлена на рис. 2.

Структура навыков	Содержательная характеристика	Функции	Среда развития
Эстетическое мышление	Социальная направленность	Профессиональная реализация	Научно-образовательные центры, лекции, экскурсии, конкурсы, участие в студенческих творческих коллективах
Коммуникативные навыки	Умение эффективно сотрудничать с другими людьми для достижения общей цели	Межличностные отношения	Конференции, конкурсы, тренинги, деловые игры, форумы, встречи с работодателями, проведение студентами профориентационных экскурсий в вузе
Навыки самоуправления	«Способность» оценки своих сильных и слабых сторон	Личностное развитие	НИРС, студенческие стартапы, студенческие общественные организации, тьюторство, олимпиады, тренинги, спортивные секции, волонтерская деятельность

Рис. 2 – Структура гибких навыков будущих архитекторов и инженеров-строителей

Заключение

Таким образом, для студентов архитектурных и инженерно-строительных специальностей целенаправленное формирование компетенций межличностного взаимодействия, самоуправления, эстетического мышления в научно-образовательных центрах представляет собой стратегически важное вложение в их будущей профессио-

нальный потенциал. Фундаментальные технические знания, полученные в рамках университетского образования, служат основой. Однако именно развитые «мягкие навыки» выступают в роли несущей конструкции и внешней оболочки успешной карьеры, обеспечивая эффективное применение полученных знаний в реальных, сложных и динамичных условиях строительной индустрии, а также способствуют творческому и личностному росту будущих специалистов.

Литература

1. Камальдинова З.Ф., Липатова А.В. Проблемы развития мягких навыков у молодых ИТ-специалистов // Бюллетень науки и практики. 2023. №2. С. 334-347. DOI: 10.33619/2414-2948/87/39. EDN: KUDUYI.
2. Гридасова А.В., Гриньков М.А., Паперная Н.В. Развитие soft skills (социальных навыков) как условие воспитания инновационной личности // Гуманитарные и социальные науки. 2023. №4. С. 128-134. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-99-4-128-134. EDN: PCFAIC.
3. Pocsova I., Bednarova D., Bogdanovska G., Mojzisova A. Implementation of agile methodologies in an engineering course // Education Sciences. 2020. Vol. 1, No. 11. DOI: 10.3390/educsci 10110333.
4. Исаев А.П., Плотников Л.В. Мягкие навыки для успешной карьеры выпускников инженерного профиля // Высшее образование в России. 2021. №10. С. 63-77. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-63-77. EDN: GKRTYZ.
5. Gilyazova O.S., Zamoshchinsky I.I., Vaganova O.I. Defining classifying and developing soft skills in higher education: Competency-based and humanistic approaches // Revista Universidad y Sociedad. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 241-248.
6. Ануфриева Т.Н. Компонентный состав гибких навыков современного инженера // Научно-педагогическое обозрение. 2023. № 4(50). С. 7-16. DOI: 10.23951/2307-6127-2023-4-7-16. EDN: UTZLTO.
7. Кондратьева И.Г. Развитие и неформальная оценка способов мышления студентов // Педагогическое образование. 2023. Т. 4, № 11. С. 21-28. EDN: PCLCQU.
8. Оренбурова Л.В. Развитие гибких навыков будущих педагогов во внеаудиторной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2024. 24 с. EDN: KUTHGF.
9. Топоркова О.В. О содержании программ высшего технического образования: современные тенденции (обзор) // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 3. С. 153-167. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-3-153-167. EDN: SIRHCE.
10. Осипов П.Н., Дулалаева Л.П. Развитие soft skills студентов технического вуза во внеаудиторной деятельности // Управление устойчивым развитием. 2020. № 6(31). С. 95-102. EDN: APIYJ.
11. Чечева Н.А. Развитие soft skills у курсантов в процессе обучения иностранному языку // Мир науки. 2018. Т. 6, № 5. С. 44. EDN: QLSJOW.
12. Сафин Р.С., Корчагин Е.А. Непрерывное профессиональное образование: взаимосвязь с производством // Непрерывное профессиональное образование как фактор устойчивого развития инновационной экономики: Материалы 11-ой Международной научно-практической конференции. В 2-х книгах, Казань, 31 мая 2017 года. Книга 1. Казань: РИЦ «Школа», 2017. С. 67-72.

References

1. Kamaldinova Z.F., Lipatova A.V. Soft skills development issues in young IT specialists. Bulletin of Science and Practice. 2023. No. 2. pp. 334-347. DOI: 10.33619/2414-2948/87/39. EDN: KUDUYI. (In Russ.)
2. Gridasova A.V., Grinkov M.A., Papernaya N.V. The development of soft skills (social skills) as a necessary condition for the education of an innovative personality. Gumanitarnye i social'nye nauki. 2023. No. 4. pp. 128-134. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-99-4-128-134. EDN: PCFAIC. (In Russ.)
3. Pocsova I., Bednarova D., Bogdanovska G., Mojzisova A. Implementation of agile methodologies in an engineering course // Education Sciences. 2020. Vol. 1, No. 11. DOI: 10.3390/educsci 10110333.
4. Isaev A.P., Plotnikov L.V. Soft skills for a successful engineering graduate career. Higher Education in Russia. 2021. No.10. pp. 63-77. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-63-77. EDN: GKRTYZ. (In Russ.)
5. Gilyazova O.S., Zamoshchinsky I.I., Vaganova O.I. Defining classifying and developing soft skills in higher education: Competency-based and humanistic approaches. Revista Universidad y Sociedad. 2021. Vol. 13. No. 2. pp. 241-248.

6. Anufriyeva T.N. The component composition of the modern engineer's soft skills. *Pedagogical Review*. 2023. No. 4(50). pp. 7-16. DOI: 10.23951/2307-6127-2023-4-7-16. EDN: UTZLTO. (In Russ.)
7. Kondratyeva I.G. Development and informal assessment of students' ways of thinking. *Pedagogicheskoe obrazovanie*. 2023. Vol. 4, No. 11. pp. 21-28. EDN: PCLCQU. (In Russ.)
8. Orenburova L.V. *Razvitie gibkikh navykov budushchih pedagogov vo vo vneauditornoj deyatel'no-sti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Kazan. 2024. 24 p. EDN: KUTHGF. (In Russ.)*
9. Toporkova O.V. On the content of higher technical education curricula abroad: current trends (review). *Higher Education in Russia*. 2020. Vol. 29, No. 3. pp. 153-167. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-3-153-167. EDN: SIRHCE. (In Russ.)
10. Osipov P.N., Dulalaeva L.P. Engineering students' soft skills development through extracurricular activities. *Managing Sustainable Development*. 2020. No. 6(31). pp. 95-102. EDN: APIIYJ. (In Russ.)
11. Checheva N.A. Developing soft skills of future officers in the process of foreign language teaching. *The World of Science*. 2018. Vol. 6, No. 5. pp. 44. EDN: QLSJOW. (In Russ.)
12. Safin R.S. Korchagin E.A. Continuous professional education: interrelation with production. In *Continuous professional education as a factor of sustainable development of innovative economy: Proceedings of the 11th International Scientific and Practical Conference*. In 2 books, Kazan, May 31, 2017. Book 1. Kazan: RIC "School", 2017. pp. 67-72. (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Вильданов Ильфак Эльфикович** – кандидат педагогических наук, проректор по образовательной деятельности, Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: -vildan@kgasu.ru.

©**Вылегжанина Алсу Вакифовна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры профессионального обучения, педагогики и социологии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: alsukazan@mail.ru.

©**Сафин Раис Семигуллович** – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой профессионального обучения, педагогики и социологии, Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: safin@kgasu.ru.

Information about the authors:

©**Vildanov Ilfak Elfikovich** – Candidate of Pedagogical Sciences, Vice-Rector for Academic Affairs, Kazan State University of Architecture and Civil Engineering, Russian Federation, Kazan, e-mail: vildan@kgasu.ru.

©**Vylegzhanina Alsu Vakifovna** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Professional Education, Pedagogy and Sociology, Kazan State University of Architecture and Civil Engineering, Russian Federation, Kazan, e-mail: alsukazan@mail.ru.

©**Safin Rais Semigullovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Professional Education, Pedagogy and Sociology, Kazan State University of Architecture and Engineering, Russian Federation, Kazan, e-mail: safin@kgasu.ru.

А. В. Куршев**РЕАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В ХОДЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ**

Ключевые слова: гражданско-патриотическое воспитание, физическая подготовка, студенты вузов, интеграция, технологии пропаганды, национальные виды спорта, военно-спортивные игры.

В статье рассматриваются способы реализации гражданско-патриотического воспитания в ходе физической подготовки студентов вузов. Сегодня гражданско-патриотическое воспитание рассматривается как один из ведущих компонентов образовательного процесса в высшей школе, обеспечивающего формирование четкой гражданской позиции и национально-патриотической идентичности студенческой молодежи. В тоже время, как показывают результаты актуальных педагогических исследований, не всегда результаты воспитательной работы в данном направлении являются достаточными, отвечающими современным запросам общества в подготовке сознательных и приверженных традиционным российским ценностям граждан. Проведенное исследование возможностей применения интеграционного подхода раскрывает различные варианты осуществления гражданско-патриотического воспитания студентов вузов в процессе их физической подготовки. В статье проведен анализ научно-теоретических предпосылок интеграции физического и гражданско-патриотического воспитания, представленных в фундаментальных трудах по теории педагогической интеграции, раскрыта необходимость организации целенаправленной методической работы в данной области. Выявлены приоритетные направления реализации гражданско-патриотического воспитания в ходе физической подготовки студентов вузов сопряженные с использованием технологий популяризации и пропаганды, опоры на национальные спортивные традиции, а также организация военно-спортивных игр и массовых мероприятий. Их апробация в форме проекта гражданско-патриотического воспитания студентов «Я – часть России», позволила осуществить экспериментальную проверку эффективности педагогического потенциала учебных занятий по физической культуре и внеаудиторной военно-спортивной деятельности студентов вузов.

A. V. Kurshev**REALIZATION OF CIVIL-PATRIOTIC EDUCATION DURING PHYSICAL TRAINING
OF UNIVERSITY STUDENTS**

Keywords: civil-patriotic education, physical training, university students, integration, propaganda technologies, national sports, military sports games.

The article considers ways to implement civil-patriotic education during the physical training of university students. Today, civil-patriotic education is considered as one of the leading components of the educational process in higher education, which ensures the formation of a clear civic position and national-patriotic identity of student youth. At the same time, as the results of current pedagogical research show, the results of educational work in this direction are not always sufficient, meeting the modern needs of society in the preparation of citizens who are conscious and committed to traditional Russian values. The study of the possibilities of applying the integration approach reveals various options for the implementation of civil-patriotic education of university students in the process of their physical training. The article analyzes the scientific and theoretical prerequisites for the integration of physical and civil-patriotic education, presented in fundamental works on the theory of pedagogical integration, reveals the need to organize purposeful methodological work in this area. Priority areas for the implementation of civil-patriotic education in the course of physical training of university students associated with the use of technologies of popularization and propaganda, reliance on national sports traditions, as well as the organization of military-sports games and mass events were identified. Their approbation in the form of a project of civil-patriotic education of students "I am part of Russia" made it possible to carry out an experimental test of the effectiveness of the pedagogical potential of training sessions in physical culture and non-audit military sports activities of university students.

В современных условиях гражданско-патриотическое воспитание студентов вузов стало занимать приоритетное направление в системе воспитательной работы в высшей школе, обеспечивая адекватные представления студенческой молодежи о России, ее традиционных ценностях, целостности и суверенитете, формирование гражданской идентичности, идеологической устойчивости [1]. От его результативности во многом зависит не только способность нашей страны противостоять внешним и внутренним угрозам, но и определение дальнейших векторов ее развития и встраивания в общемировые политические и экономические процессы. Способствуя сохранению и стабильности функционирования основных институтов государства, духовно-нравственному объединению его населения, гражданско-патриотическое воспитание в вузах одновременно выступает и подготовительной площадкой для освоения студентами общественной значимой, в том числе и управленческой деятельности [2, 3].

Российскому студенчеству всегда было свойственно наличие четкой гражданской позиции и ярко выраженного положительного отношения к своему Отечеству, проявление которых неизменно проявлялось в различные исторические периоды страны, способствовало решению многих социальных проблем. Широко известна революционная деятельность российских студентов во времена царизма, исключительная активность членов комсомольских стройотрядов на социалистических стройках и массовое участие студентов вузов в различных общественных объединениях различной направленности: научных, спортивных, самодеятельных.

Однако в наши дни гражданско-патриотические инициативы и энтузиазм студенческой молодежи уже не проявляются на прежнем уровне социальной значимости, носят локальный, слабовыраженный характер. Результаты некоторых исследований показывают, что многие обучающиеся в вузах молодые люди не в полной мере разделяют важнейшие ценности патриотизма и обладают слабой мотивацией гражданской деятельности, что обусловлено рядом объективных причин, и требует поиска дополнительных возможностей повышения эффективности гражданского воспитания студентов вузов [4].

Одной из таких возможностей, довольно редко используемой в образовательном процессе в высшей школе, является реализация педагогического потенциала физической подготовки студентов вузов. Анализ научной лите-

ратуры показывает, что физическая подготовка, наряду со своим приоритетным предназначением, способна решать и другие, смежные воспитательные задачи [5-7]. Являясь, по сути, одним из основных векторов воспитательной работы в вузе, физическая подготовка студентов вузов оказывает влияние на формирование не только специфических, но и общих качеств личности студентов: активности, дисциплинированности, ответственности, сплоченности, эмпатии и др., в равной мере важных и для осуществления гражданско-патриотической деятельности. Более того, интегрированные формы физической подготовки студентов вузов предоставляют возможность для организации целенаправленной воспитательной работы гражданско-патриотического характера, не требующей приложения дополнительных педагогических усилий.

В целом, идея интеграции различных направлений воспитательной работы не является новой для педагогической теории, поскольку первые целенаправленные научные исследования в данной области датируются еще 70-80-х годами прошлого века. В трудах В. С. Безруковой, Ю. С. Бродского, В. И. Загвязинского, Г. И. Ибрагимова, В. С. Леднева, В. Д. Семенова, Л. Д. Федотовой, Т. Ф. Ярковой и др., раскрываются теоретико-методологические основы общепедагогической теории интеграции, обоснованы концепции интеграции воспитательных воздействий, воспитательных сил общества, содержания, форм и методов обучения, слияния дидактических систем. В более современных научных работах Р. А. Валеевой, С. Д. Сажиной, Т. Е. Титовец, Н. К. Чапаева, Ю. Ф. Шуберта, И. П. Яковлева и др., дается представление о предпосылках, сущности и способах осуществления интеграционных процессов в высшем образовании, рассматривается интегративный потенциал различных воспитательных технологий, изучаются педагогические условия интеграции воспитательной деятельности [8].

В тоже время, специальное научное исследование интеграции гражданско-патриотического и физического воспитания студентов вузов не осуществлялось, что значительно осложняет поиск возможных форм, способов и средств синтеза данных направлений воспитательной работы, придания ей свойств согласованности и целостности. Тем не менее, изучение трудов вышеобозначенных авторов, наряду с контент-анализом периодических источников, позволили уточниться в данных вопросах и смоделировать инструментарий реализации гражданско-патриотического воспитания в ходе физической подготовки студентов вузов.

Его основу составляет ряд классических и инновационных систем организации воспитательной работы, таких как популяризация и пропаганда, этнокультурное воспитание, а также игровые и проектные технологии, апробация которых происходила на учебных и внеаудиторных занятиях по физической культуре в Казанском национальном исследовательском технологическом университете (КНИТУ).

Применение в ходе физической подготовки студентов вузов технологии популяризации и пропаганды предполагало чествование и возвеличивание выдающихся российских спортсменов и ветеранов спорта, являющихся символами прогресса страны, ее достоянием, что неизбежно вызывало подъем гражданско-патриотических чувств студенческой молодежи. Наш опыт показывает, что оптимальной формой интеграции гражданско-патриотического физического воспитания студентов вузов является проведение массовых спортивно-воспитательных мероприятий (конкурсов, праздников, фестивалей, эстафет) с приглашением чемпионов всероссийских и международных соревнований, чье участие придает особую значимость этим событиям. Уже только лишь одно присутствие признанных и авторитетных спортсменов придает торжественности любому спортивному мероприятию, при подготовке и участии в котором студенты ощущают особое чувство ответственности, признательности за упрочнение спортивного статуса страны, что также способствует освоению ими социально значимых ценностей, развитию гражданского долга. Мы уже неоднократно смогли убедиться в том, даже небольшого приветственного слова, краткого рассказа, а тем более беседы известных спортсменов вполне достаточно для повышения общественной значимости, как данных спортивных мероприятий, так и всего процесса физической подготовки студентов вузов в целом. Именно поэтому в структуре разработанной, регулярно обновляемой и реализуемой кафедрой физического воспитания и спорта КНИТУ программе развития спортивно-массовой работы один из разделов традиционно посвящается организации студенческих спортивных фестивалей и Спартакиад с привлечением членов сборных команд республики Татарстан и представителей местных спортивных клубов: «Ак барс», «Зенит», «Динамо-Казань» и др.

Еще большему укреплению гражданско-патриотического сознания студентов вузов способствовали показательные выступления этих спортсменов, вызывающие не только восхищение техникой выполнения упражнений, но формирующие глубокие чувства уважения,

принадлежности именно к этой нации и государству. Краткая демонстрация профессиональными спортсменами на высочайшем уровне виртуозных приемов обращения с шайбой, волейбольным и футбольным мячом, мастера работа в команде, воспринимаемых скорее как магия и чудо, имела впечатляющий эффект воздействия на развитие патриотических чувств студентов.

Широкой пропаганде среди студентов вузов гражданско-патриотических идей содействовало и сотрудничество с представителями Союза ветеранов спорта РТ, способных и готовых поделиться опытом своих спортивных достижений под флагом нашей страны. Организация этого сотрудничества в формате лекций, встреч, «круглых столов», позволяла студентам вузов развивать свою гражданскую идентичность, ощущать гордость за своих соотечественников, а вместе с тем и упрочнять положительные представления о государстве, в котором оказались возможными их спортивные победы.

Значимым и уникальным событием гражданско-патриотического воспитания студентов КНИТУ явилась встреча с командой «Камаз-мастер», регулярно занимающей лидирующие позиции в соревнованиях по автоспорту. Еще до начала мероприятия студенты получили возможность осмотреть и при желании запечатлеть при помощи фото- и видеосъемки настоящую раллийную машину, специально доставленную для этого к учебному корпусу вуза. Затем уже в актовом зале КНИТУ представители спортивной команды и ее лидер В. Г. Чагин поделились собственным опытом мировых побед, рассказали о проблемах, с которыми им приходилось сталкиваться на этом пути. Наши дальнейшие наблюдения показали, что визит этих выдающихся спортсменов даже через несколько лет оживал в воспоминаниях студентов, переживших глубокое чувство восхищения и признательности за спортивные достижения своих соотечественников.

Другим эффективным средством гражданско-патриотического воспитания студентов вузов явилось обращение к национальным видам спорта, отражающим культурно-исторические традиции и обычаи народов, приобщение к которым является сильным объединяющим фактором, способом формирования национальной идентичности. Согласно Федеральному закону о физической культуре и спорту от 2007 года национальными считаются виды спорта, «исторически сложившиеся в этнических группах населения, имеющие социально-культурную направленность и развивающиеся в пределах одного субъекта Российской Федерации».

Для республики Татарстан, такими традиционными видами спорта, выступающими неотъемлемыми элементами различных народных праздников Сабантуй, Жиен, Навруз, Нардуган, являются состязания корэш (борьба), сикэреш (прыжки в длину и высоту), бег на выносливость и др. Как сходные, так и уникальные национальные виды спорта можно встретить практически у всех народов России. С одной стороны, эти состязания представляют собой полноценные виды физических упражнений, применяемых в ходе физической подготовки студентов вузов, а с другой – позволяют ближе познакомиться с ценностями традиционной культуры различных народов, упрочняющими связи между членами общества. Следует помнить о том, что национальные виды спорта возникли из народных игр, предназначенных не только для развлечения, но и для выработки определенных качеств, социализации людей. Каждая народная игра – это не только набор физических упражнений, но и своеобразное отражение ценностных характеристик того или иного этноса, способов воспитания подрастающего поколения, последующее масштабирование которых в формат национальных видов спорта еще больше наращивает их воспитательный потенциал. Тем самым педагогам вузов предоставляется возможность решать не только учебные, но и воспитательные задачи, одновременно развивая различные двигательные навыки и физические показатели студентов, а также повышать интерес к этим занятиям, обращаясь к знакомым формам традиционных праздничных состязаний. В методическом аспекте многие национальные виды спорта достаточно просты для организации соответствующего учебного процесса, не требуют сложного и дорогостоящего спортивного инвентаря.

Их включение в учебную программу по физической культуре не только содержательно обогащает учебно-тренировочный процесс, но и предоставляет возможность студентам вузов ощутить себя гражданами большой многонациональной страны, разделять принятые в ней народные спортивные обычаи. В тоже время методика применения национальных видов спорта в вузе должна быть достаточно сбалансированной, основанной на принципах многонациональности, интереса, добровольности, интервальности. Ее внедрение предполагает одиночное добавление в программу учебных занятий по физической культуре различных традиционных видов спорта, на выполнение упражнений по которым выделяется небольшой временной фонд.

Важным способом повышения результативности гражданско-патриотического воспитания путем применения национальных видов спорта является применение на учебных занятиях по физической культуре приемов театрализации, создание исторического антуража, облачение студентов в национальные костюмы. Такое наиболее тесное соприкосновение с национальной культурой наиболее способствует формированию самоидентичности студентов вузов, осознанию многонациональности и разнообразия спортивных традиций народов России. Так, путем освоения исторически сложившихся способов национальной спортивной деятельности, постепенно формируется и укрепляется спортивно-ориентированный компонент гражданско-патриотического самосознания студенческой молодежи. В дальнейшем, зная правила и имея опыт участия в различных народных состязаниях, студенты вузов оказываются способными воспроизвести эти веками сложившиеся национальные виды спорта, транслировать их, выступая уже в роли активных граждан и патриотов своей страны.

Следующим эффективным способом гражданско-патриотического воспитания студентов вузов, предполагающим их физическую активность и давно зарекомендовавшим себя на различных ступенях системы образования, является организация военно-спортивных мероприятий и игр. Как правило, такие мероприятия, приуроченные основным военным памятным датам, включают в себя разнообразные физические испытания, свойственные подготовке военнослужащих (комплекс легкоатлетических упражнений), ознакомление студентов вузов с образцами ручного вооружения и средствами индивидуальной защиты, проведение стрельб [9]. Их проведение позволяет отдать дань почести солдатам и офицерам, героически и преданно стоящим на защите Родины, сохранению исторической памяти об их подвигах, позволивших сохранить целостность государства, а вместе с тем развивать у студентов вузов чувство гордости за свою страну и уважение к её славной истории.

Сходным целям служит и постановка военно-спортивных игр «Зарница», «Полоса разведчика», «Шермиции» и др., начинающихся с поднятия государственного флага России и исполнения гимна и включающих в себя физические упражнения на развитие военно-прикладных двигательных навыков, освоение базовых элементов военной тактики [10]. В тоже время, эти массовые мероприятия априори являются способом повышения сплоченности студенческих коллективов, развития уме-

ний моральной и физической поддержки, взаимовыручки, совершенствования способности работать в команде, формирует лидерские навыки и опыт убеждения, что является важной основой гражданской деятельности. Подготовка и проведение военно-спортивных игр всегда вызывает значительный интерес студентов вузов вне зависимости от функциональных обязанностей, предоставляя возможность не только укреплять свои навыки, но и осваивать навыки взаимодействия с окружающими, работать в команде, справляться с трудностями и достигать совместных целей. В ходе совместной деятельности участников возникает чувство солидарности, взаимопомощи и уважения к товарищам, что является важной частью гражданской идентичности.

Исключительной привлекательностью такие игры обладают при их организации в формате исторических реконструкций, однако материально-технические ресурсы внеаудиторной спортивно-физкультурной работы студентов вузов не всегда могут обеспечить их успешное проведение. Представляется, что их централизованная, планомерная и систематическая подготовка при финансовой и методической поддержке Росмолодежи и Роспатриотцентра, смогла бы преодолеть данные проблемы и шире развивать военно-спортивное движение студенческой молодежи. Среди социальных институтов, оказывающих воспитательное воздействие на личность, более заметную роль должны играть спортивно-патриотические клубы, которые помогут успешно реализовывать задачи физического и патриотического воспитания студентов вузов, будут способствовать развитию волевых качеств, повышению физической подготовленности, формированию нравственной, гражданской и патриотической позиции личности.

Тем не менее, практическая апробация даже собственными силами педагогических коллективов некоторых из выше раскрытых способов реализации гражданско-патриотического воспитания в ходе физической подготовки студентов вузов показывает их определенную результативность.

Так, например, уже несколько лет на кафедре физического воспитания и спорта КНИТУ реализуется проект гражданско-патриотического воспитания студентов «Я – часть России», включающий в себя несколько направлений.

Теоретическое направление проекта охватывает совокупность различных мультимедиа источников в виде коротких видеоматериалов, запечатлевших выдающиеся победы российских спортсменов-олимпийцев, их краткие интервью, поддержку болельщиков. Демонстрация этих видеороликов в начале, либо на этапе завершения учебных занятий по физической культуре стимулирует эмоциональный подъем студентов нашего вуза, способствует формированию их патриотических настроений.

Практическое направление проекта включало в себя периодическое включение в содержание учебных занятий различных элементов национальных видов спорта и обязательное проведение в течение учебного года военно-спортивных игр и мероприятий, что оказывало положительное влияние на процесс гражданско-патриотического воспитания студентов [11].

Производимый в начале каждого семестра мониторинг показателей гражданско-патриотического самосознания студентов КНИТУ констатирует повышение его показателей в экспериментальных группах (см. таблицу).

Анализируя полученные среднегрупповые данные, можно сделать вывод об эффективности апробированных способов реализации гражданско-патриотического воспитания в ходе физической подготовки студентов вузов. Положительная динамика показателей гражданско-патриотического самосознания более выражена в экспериментальной группе, где прирост некоторых показателей достигает 10-12 %. При этом изначально высокий уровень развития гражданско-патриотического самосознания по показателю участия студентов в военно-спортивных мероприятиях претерпел прогнозируемо равные на 7-8 % изменения во всех группах.

Таблица – Результаты диагностики высокого уровня гражданско-патриотического самосознания студентов экспериментальной и контрольной групп

Группы в % первичная/итоговая диагностика	Показатели гражданско-патриотического самосознания							
	Осознанность гражданско-патриотического долга		Сформированность положительного отношения к Родине		Осведомленность в области спортивных достижений России		Участие в военно-спортивных мероприятиях	
Экспер.гр.	17 %	23 %	35 %	47 %	19 %	37 %	87 %	94 %
Контрол. Гр.	16 %	21 %	32 %	36 %	21 %	25 %	83 %	89 %

Таким образом, изучение проблемы реализации гражданско-патриотического воспитания в ходе физической подготовки студентов вузов позволяет сделать следующие выводы:

– физическая культура и спорт обладают значительным педагогическим потенциалом в области гражданско-патриотического воспитания, реализация которого способствует параллельному формированию гражданско-патриотического самосознания и физических качеств студентов вузов;

– наиболее перспективными способами реализации гражданско-патриотического воспитания в ходе физической подготовки студентов вузов являются применение технологий популяризации и пропаганды, опоры на национальные

спортивные традиции, а также организация военно-спортивных игр и массовых мероприятий;

– реализация гражданско-патриотического воспитания в виде отдельных образовательных проектов по физической культуре в вузе в определенной мере способствует развитию гражданско-патриотического самосознания студентов вузов, однако для повышения эффективности этой работы требуется создание системы целенаправленного социального партнерства субъектов образования и органов исполнительной власти РФ, общественных организаций, молодежных центров гражданского и патриотического воспитания.

Литература

1. Шакирова М.В., Шарипов М.Ф. Формирование гражданственности студентов вуза физической культуры в процессе олимпийского образования // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2021. № 6. С. 82-90. DOI: 10.24412/2305-8404-2021-6-82-90. EDN: HNABFL.
2. Меджидов Б.И., Болдырев И.И., Монастырев С.Н., Панфилов А.Ю. Гражданско-патриотическое воспитание студенческой молодежи средствами физической культуры // Мир педагогики и психологии. 2022. № 10 (75). С. 18-21. EDN: WQNNJU.
3. Пожидаев С.Н. Социально-психологическое здоровье студентов вузов в процессе физического воспитания // Спортивный психолог. 2021. № 2 (59). С. 47-50. EDN: SDBBFE.
4. Прохоренко А.А. Гражданское и патриотическое воспитание студентов средствами физической культуры // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2025. № 7 (245). С. 5-11. DOI: 10.5930/1994-4683-2025-5-11. EDN: AIRNWH.
5. Жагерова Н.Г. Физическая культура как способ формирования гражданственности и патриотизма // Евразийский союз ученых. 2015. № 4-7 (13). С. 11-13. EDN: XDRZVZ.
6. Калина И.Г., Халилова Л.И. Патриотическое воспитание студентов в процессе физкультурно-спортивных занятий в вузе // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2025. № 1. С. 22-28. DOI: 10.24412/2305-8404-2025-1-22-28. EDN: AYOCXK.
7. Фазлеев Н.Ш. Формирование гражданских основ у студентов в условиях физкультурно-спортивных проектов вуза // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 4 (50). С. 78-82. DOI: 10.37523/SUI.2022.50.4.013. EDN: YEAGEM.
8. Горбачева О.А., Горлова Ю.И., Худяков А.А. Значение физкультурно-спортивных мероприятий в гражданско-патриотическом воспитании студентов вуза // Ученые записки Орловского государственного университета. 2022. № 2 (95). С. 183-186. EDN: FVVNEB.
9. Власова З.Н., Ковшура Е.О., Ковшура Т.Е., Плотникова С.С. патриотическое воспитание студентов вузов в рамках дисциплины «Физическая культура и спорт» // Культура физическая и здоровье. 2024. № 1 (89). С. 69-73. DOI: 10.47438/1999-3455_2024_1_69. EDN: AIVMZK.
10. Казанцев А.Г., Мурзина И.Я., Хомутов Н.В. Военно-спортивные игры: методические рекомендации по организации и проведению. Екатеринбург: Институт образовательных стратегий, 2023. 64 с.
11. Куршев А.В. Формирование гражданской направленности студентов вузов в физкультурно-спортивной деятельности // Казанская наука. 2024. № 12. С. 188-190. EDN: CQDRQP.

References

1. Shakirova M.V., Sharipov M.F. Formation of citizenship of students of the university of physical culture in the process of olympic education. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport. 2021. No. 6. pp. 82-90. DOI: 10.24412/2305-8404-2021-6-82-90. EDN: HNABFL. (In Russ.)
2. Medzhidov B.I., Boldyrev I.I., Monastirev S.N., Panfilov A.Yu. Patriotic education of students by means of physical culture and sports. Mir pedagogiki i psihologii. 2022. No. 10 (75). pp. 18-21. EDN: WQNNJU. (In Russ.)

3. Pozhidaev S.N. Socio-psychological health of university students in the process of physical education. *Sportivnyj psiholog*. 2021. No. 2 (59). pp. 47-50. EDN: SDBBFE. (In Russ.)
4. Prohorenko A.A. Civic and patriotic education of students through physical culture of students by means of physical education. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 2025. No. 7 (245). pp. 5-11. DOI: 10.5930/1994-4683-2025-5-11. EDN: AIRNWH. (In Russ.)
5. Zhagereva N.G. Fizicheskaya kul'tura kak sposob formirovaniya grazhdanstvennosti i patriotizma. *Evrazijskij soyuz uchenyh* 2015. No. 4-7 (13). pp. 11-13. EDN: XDRZVZ. (In Russ.)
6. Kalina I.G., Khalilova L.I. Patriotic education of students in the process of physical activities and sports classes at the university. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport*. 2025. No. 1. pp. 22-28. DOI: 10.24412/2305-8404-2025-1-22-28. EDN: AYOCXK. (In Russ.)
7. Fazleev N.S. Formation of civic foundations among students in the conditions physical culture and sports projects of the university. *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2022. No. 4 (50). pp. 78-82. DOI: 10.37523/SUI.2022.50.4.013. EDN: YEAGEM. (In Russ.)
8. Gorbacheva O.A., Gorlova Yu.I., Khudyakov A.A. The application of modern pedagogical approaches to the organization of the educational process at the university. *Scientific Notes of Orel State University*. 2022. No. 2 (95). pp. 183-186. EDN: FVVNEB. (In Russ.)
9. Vlasova Z.N., Kovshura E.O., Kovshura T.E., Plotnikova S.S. Patriotic education of university students within the framework of the discipline "physical culture and sports". *Physical Culture and Health*. 2024. No. 1 (89). pp. 69-73. DOI: 10.47438/1999-3455_2024_1_69. EDN: AIVMZK. (In Russ.)
10. Kazancev A.G., Murzina I.YA., Homutov N.V. *Voenno-sportivnye igry: metodicheskie rekomenda-cii po organizacii i provedeniyu*. Ekaterinburg: Institut obrazovatel'nyh strategij, 2023. 64 p. (In Russ.)
11. Kurshev A.V. Formation of civil orientation of university students in physical culture and sports activities. *Kazan Science*. 2024. No. 12. pp. 188-190. EDN: CQDRQP. (In Russ.)

Сведения об авторе:

©**Курсhev Алексей Владимирович** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: a-kurshev@yandex.ru.

Information about the author:

©**Kurshev Alexey Vladimirovich** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Physical Education and Sports Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: a-kurshev@yandex.ru.

Е. Р. Метелева, Д. И. Хлебович

КАК SWOT-АНАЛИЗ МОЖЕТ ПОМОЧЬ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМНОГО И КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

Ключевые слова: универсальная компетенция; системное и критическое мышление; SWOT-анализ; формирование компетенции.

Осознаваемая многими исследователями недостаточность методической базы формирования у обучающихся универсальных компетенций обуславливает актуальность выработки разделяемых всем преподавательским сообществом подходов и представлений. Основываясь на необходимости развития междисциплинарного подхода, заимствования лучших педагогических практик, авторы предлагают использование такого инструмента, как SWOT-анализ, для формирования компетенции «Системное и критическое мышление» у обучающихся различных образовательных программ всех уровней подготовки. Традиционно ассоциирующийся со сферой управления, SWOT-анализ представлен как эффективный инструмент, позволяющий формировать у будущих специалистов свойства системности (способность к анализу и синтезу, декомпозиции и интеграции) и критичности (способность к оценке релевантности, значения и характера воздействия тех или иных факторов среды) мышления. Рассматривая вызовы процессу формирования универсальных компетенций, авторы сделали вывод о том, что его реализация осложняется неясностью самого понятия, неустойчивостью, чрезмерной динамичностью современной ситуации, отсутствием консенсуса по поводу методов и инструментов формирования этих компетенций. Несмотря на то, что SWOT-анализ изначально может быть актуальным далеко не для всех направлений подготовки, авторы делают вывод о его универсальности, поскольку деятельность по стратегированию целесообразно рассматривать как актуальную и осуществимую в любой организации во всех сферах деятельности. Аргументируя это, показано, что SWOT-анализ может быть применен в образовательных программах подготовки журналистов, особенно планирующих работать в таких жанрах как информационная, аналитическая, исследовательская. Показаны важность как преподавания SWOT-анализа в процессе формирования системного и критического мышления, так и его использования для решения профессиональных задач. Предложены элементы методики обучения выполнению SWOT-анализа. Очерчен круг дискуссионных вопросов, связанных с использованием SWOT-анализа в образовательных программах. Сделан вывод о влиянии использования инструмента на профессиональное саморазвитие преподавателя.

E. R. Meteleva, D. I. Khlebovich

HOW SWOT ANALYSIS CAN FOSTER SYSTEMIC AND CRITICAL THINKING FOR A FUTURE SPECIALIST

Keywords: universal competence, system and critical thinking, SWOT analysis, competence development.

The lack of a robust teaching methods framework for developing students' universal competencies, acknowledged by many researchers, underscores the urgency of building approaches and concepts shared by the entire teaching community. Based on the need to develop an interdisciplinary approach and borrow from best pedagogical practices, the study shows how to SWOT analysis as a tool for fostering the "Systemic and Critical Thinking" competency among students majoring in different fields. In spite of that SWOT analysis is traditionally associated with the field of management, the paper presents it as an effective tool for developing future specialists' capacity for systemic thinking (the ability to analyze and synthesize, decompose and integrate) and critical thinking (the ability to assess the relevance, significance, and nature of the impact of various environmental factors). Considering the challenges in the process of forming universal competencies, the authors conclude that its implementation is complicated by the ambiguity of the concept, the instability and excessive dynamism of the current situation, and the lack of consensus regarding methods and tools for developing these competencies. Although SWOT analysis may not be initially relevant for all fields of study, the authors conclude that it is universal, as strategizing activities should be considered relevant and feasible in any organization across all fields. Supporting this argument, the paper demonstrates that SWOT analysis can be applied in educational programs for journalists, especially those planning to work in genres such as news, analytical, and research. The importance of both teaching SWOT analysis in the process of developing systemic and critical thinking and

its use for solving professional tasks is demonstrated. Main findings demonstrate the elements of pedagogical approach for teaching how to conduct SWOT analysis. A range of debatable issues related to the use of SWOT analysis in educational programs is outlined. Authors declare about the influence of the use of the tool on the professional self-development of the teacher.

Введение

Сочетание компетентностного и междисциплинарного подходов в высшем образовании – важнейший вызов для преподавательского сообщества. Все группы компетенций, формирование которых предусмотрено образовательной программой, должны содействовать ликвидации «обострившегося противоречия между фронтально-индивидуальной формой организации учебного процесса и коллективной формой деятельности специалистов на предприятии» [1, с. 66]. Учебные заведения поставлены перед необходимостью готовить выпускников к выполнению работ, которых еще не существует, используя инструменты, которые еще не изобретены [2, с. 128]. При разработке и совершенствовании образовательных программ важно понимать, что знания, умения и навыки, необходимые выпускнику для того, чтобы конкурировать на современном рынке труда, стремительно меняются по мере того, как мощно набирает обороты развитие искусственного интеллекта, а функции, связанные с выполнением однообразных задач, требующих лишь базовых когнитивных навыков, все чаще передаются на исполнение машинам и оборудованию. Вследствие этого особенно востребованными становятся компетенции, в которые заложены ценные способности, которые трудно заменить искусственным интеллектом и невозможно автоматизировать [3]. И такое положение справедливо можно применить к любой профессии.

Концептуальное и стратегическое мышление, креативность, умение решать задачи, эмпатия, оптимизм, этичность, эмоциональный интеллект и рассудительность – это те компетенции и качества будущего, которые не могут воспроизводиться машиной в таком же соответствии стандартам и с той же ловкостью, что и квалифицированным человеком. По прогнозам Deloitte, к 2030 г. на долю так называемых «профессий, требующих высокого уровня развития мягких навыков» будет приходиться две трети всех рабочих мест [3]. То, что качественное развитие таких навыков в широких масштабах сопряжено с трудностями и проблемами, не вызывает сомнений, однако перспективный способ решения этого вопроса могут обеспечить возможности обучения с помощью релевантных технологий, приемов и инструмен-

тов. Возникает ситуация поиска таких технологий, приемов и инструментов, которые можно рассматривать как универсальные, то есть применимые для различных дисциплин, образовательных программ и уровней подготовки.

Цель статьи – показать, что известный в бизнес-среде метод анализа (SWOT-анализ) может и должен быть правильно использован в подготовке обучающихся по образовательным программам разных уровней и направлений при формировании группы универсальных компетенций с целью достижения готовности выпускника к правильному решению профессиональных задач. Достижение цели статьи обеспечивается посредством тщательного анализа опыта использования SWOT (как положительного, так и отрицательного), акцентирования его преимуществ и недостатков и доказательства его универсальности, рассмотрения и учета предпосылок, оказывающих влияние на выбор средств и методов, используемых в образовательном процессе.

Универсальной компетенцией, для которой продемонстрированы возможности формирования при помощи SWOT-анализа, выбрана «Системное и критическое мышление». Навыки будущего весьма высококонкурентны и высоко ценятся в деловом мире и в обществе в целом. Их нелегко приобрести и развить, но их формирование, безусловно, стоит усилий, учитывая возможные долгосрочные издержки, с которыми сопряжена невозможность их применения. Обучение и развитие критического мышления являются ключом к будущему человечества и устойчивому развитию. Необходимо находить и использовать педагогические подходы, соответствующие этой цели, которые должны быть адаптивными по своей природе и ориентированными на обучающихся.

Вызовы при формировании универсальных компетенций. Как ответить?

Компетенция – совокупность знаний, умений и навыков («мотивационных, контактных, интерпретационных, оценочных, практико-операционных, деятельностных, креативных» [4, с. 16]), необходимых для осуществления профессионально-ориентированных видов деятельности. Системе образования необходимо решить задачу сбалансированного формирования компетенций, поскольку вопрос «В сторону каких компетенций должно быть

направлено современное образование?» [5] сегодня стоит достаточно остро, особенно со стороны спроса на рынке труда. На нем все более востребованы сотрудники, выполняющие нерутинно-аналитическую деятельность и владеющие нерутинно-межличностными компетенциями [6].

Механизм формирования компетенций предполагает конкретные действия, предпринимаемые всеми участниками образовательного процесса – разработка вариативных учебных заданий, использование разнообразных образовательных технологий, методов коммуникации, содержание дидактической поддержки и т. д. Преподаватель должен решить, на чем сделать акцент при организации занятий: на предметном содержании или на формировании мягких навыков [7], а в лучшем случае – найти комплексное решение.

Одна из характеристик подхода к дизайну программ высшего образования – наличие единых (схожих) результатов обучения, выражающихся в сформированности универсальных компетенций. Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС ВО 3++) определил для программ бакалавриата 10 универсальных компетенций, специалитета – 11, магистратуры – 6.

Следует отметить, что на сегодняшний день нет единой точки зрения относительно сути понятия «универсальные компетенции». В качестве самого общего может быть использовано, например, такое: способность индивида решать социально-профессиональные задачи. Ряд точек зрения связывают универсальные компетенции с комплексом индивидуальных характеристик личности, которые способствуют достижению успеха в профессии [8], являются неспецифичными для работы в определенной профессии или отрасли, но очень важными для работы, образования и жизни в целом [9]. Данные компетенции являются значимым инструментом универсализации образователь-

ного результата высшего образования и отражают ожидания современного общества в части социально-личностного позиционирования в нем выпускника и потенциальной готовности его к самореализации и саморазвитию в условиях социальной динамики [10]. Эти компетенции имеют надпредметный характер, их развитие происходит в рамках множества дисциплин, в ходе участия во всех видах учебной и воспитательной деятельности, на протяжении всего периода обучения в вузе. В процессе развития универсальных компетенций особое внимание уделяется выбору учебного предмета и использованию педагогических технологий, именно тех, которые ориентируют студентов не к получению готовых знаний, а к самостоятельному их поиску. Среди множества технологий приоритет отдается интерактивным. Столь востребованные и ожидаемые от специалиста «мягкие навыки» как результат обучения формируются именно через универсальные компетенции.

В качестве универсальной компетенции, которой необходимо овладеть всем студентам вузов, определено системное и критическое мышление (УК-1 ФГОС ВО 3++) (табл. 1). Эта компетенция (наряду с аналитическим решением проблем, креативностью, командной работой, способностью понимать взаимосвязи и отношения в системах, а также применять различные подходы к решению сложных проблем) должна стать результатом обучения в рамках современного подхода к высшему образованию [11]. Специалисту и человеку «необходимо уметь эффективно ориентироваться в информационном поле, оценивать информацию, делать собственные выводы на ее основе и использовать аргументы при принятии решений» [12, с. 187]. Критическое отношение к полученной информации входит в востребованные дополнительные компетенции, которые важны для работодателя при поиске высококвалифицированного специалиста [13].

Таблица 1 – Формулировка УК-1 для разных уровней высшего образования

УК-1: Системное и критическое мышление		
Программы бакалавриата	Программы специалитета	Программы магистратуры
Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач	Способен осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий	Способен осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий
Поскольку система высшего образования берет на себя обязательство формировать критическое мышление, то нуждается в применении методов, которые приведут к заявленным результатам		

Первое определение критического мышления (1995 г.) звучало как «принятие обоснованных суждений». Позднее (2008 г.) определение было дополнено «способностью участвовать в разработке и принятия целенаправленного суждения». В 2019 г. появилось такое определение критического мышления: деятельность, которая будет соответствовать следующим интеллектуальным стандартам: ясность, релевантность, адекватность, связанность, комплексность. Критическое мышление предполагает умения думать о предположениях, задавать уместные вопросы, делать выводы – то есть понимать и обосновывать суть проблемы. Для него определено четыре ключевых навыка: интерпретация, анализ, оценка и саморегуляция (размышление о собственном мышлении) [14].

Критическое мышление выступает сегодня в качестве ключевой компетенции любого современного специалиста и проявляется в его способности не только осваивать новые знания и технологии, но также «добывать» информацию, критически ее осмысливать и синтезировать, таким образом – управлять ею. Владение этой компетенцией обеспечит повышение качества принимаемых решений. Хорошо развитое критическое мышление называют главной способностью современности. Системное мышление, позволяя видеть в новом свете события и их сплетения (образы), происходящие в нашей жизни, обуславливает не только адекватное реагирование, но и успешность в достижении цели [15]. Оно формирует «компетенцию, которая включает навыки поиска информации, подбора аргументов и формулировки доказательных выводов» [16]. Отмечено, что критически мыслящие люди должны уметь точно формулировать проблему, определять степень ее важности и эффективно анализировать, интерпретировать и оценивать соответствующую информацию для получения обоснованного заключения или решения [17].

Среди исследователей и собственно компетенция «системное и критическое мышление», и процесс ее формирования (методики и технологии) принимаются во внимание как объекты для изучения. Справедливо отмечено, что сочетание в одной универсальной компетенции и системного, и критического мышления усложняет процесс ее формирования. В разочаровывающих большинство людей результатах принимаемых решений в значительном числе случаев виновато отсутствие навыков системного мышления, способностей реализовать системный подход, что приводит к недостаточной обдуманности принимаемых решений [18]. Такая ситуа-

ция свидетельствует о существовании серьезных вызовов, возникающих при формировании рассматриваемой компетенции.

Системность мышления означает, что человек в состоянии:

- выполнить анализ, т. е. разложить целое на части (элементы), и синтез, т. е. восстановить целое из совокупности его частей;

- выявить разнообразные связи как между частями (элементами) внутри изучаемого объекта, так и между объектом изучения и другими объектами во внешней среде, установить характер этих связей (причинно-следственные, руководства – подчинения, дополняющие, противодействия и т. д.);

- оценить, имеются ли особые свойства и эффекты (например, эмерджентности, синергетический и т. п.) в изучаемом объекте, а также спрогнозировать и спроектировать появление подобных свойств и эффектов в объекте после принятия определенных решений.

Поскольку нет четких методических указаний по формированию универсальной компетенции «Критическое и системное мышление», то методисты и преподаватели вузов обладают высокой степенью свободы в выборе методов и инструментов. Практики, отражающие такой выбор, уже формируются. Например, предлагается использовать кейс-метод для формирования аналитических компетенций и уделяется много внимания вопросу трансформации технологий преподавания с учетом изменений в практической деятельности специалиста [19], внедрять имитационные модели образования, интегрировать образовательную деятельность с проектными образовательными технологиями. Существует мнение, что при использовании именно проектной деятельности будут формироваться все типы компетенций [20]. Необходимо также наполнять учебный план востребованными дисциплинами, которые смогут решить задачу формирования у студентов «не частных, а обобщенных умений, которые имеют свойство профессионального переноса» [21, с. 729].

SWOT-анализ в формировании универсальной компетенции: в каком контексте и каким способом осуществлять?

SWOT-анализ как инструмент традиционно ассоциируется с такими дисциплинами, как менеджмент, стратегический менеджмент, проектный менеджмент и т. п., и такая ассоциация выступает неким «психологическим ограничителем» в практике его применения. Однако сфера применения этого инструмента управления намного шире, чем только деятельность бизнес-организаций, поэтому и преподавание его

может быть предусмотрено в рамках более широкого спектра дисциплин. Кроме того, универсальность этого инструмента делает его релевантным для формирования компетенции «Критическое и системное мышление».

SWOT-анализ – один из старейших, наиболее известных и часто используемых методов, применяемый в процессе принятия разнообразных решений. Наряду с термином «анализ» применительно к SWOT часто используются такие, как подход, структура, рамка, матрица, модель, метод или инструмент. Вместе с тем, до сих пор нет «документированной истории SWOT», четкого понимания его истоков и первоначального толкования [22] хотя четко обозначается, что SWOT изначально предназначался для того, чтобы помочь менеджерам формулировать стратегию путем изучения взаимосвязей и взаимодействий между внутренней и внешней средой организации и далее достичь эффективного конкурентного позиционирования [23], разработать различные функциональные политики. Исследования показали, что SWOT-анализ не только помогает организациям решать стратегические проблемы и принимать эффективные стратегические решения, но и является «эффективным средством обучения аналитическим навыкам» [14].

Практика показывает, что в качестве объектов для SWOT-анализа могут быть выбраны территории, отрасли, организации (как коммерческие, так и не коммерческие), отдельные подразделения, рыночные предложения, проекты, средства массовой информации, процессы и т. д. При традиционном сохранении роли важного инструмента для анализа внешней и внутренней среды бизнес-организаций, определения и ранжирования стратегических альтернатив для SWOT-анализа находятся новые точки приложения. Из наиболее интересных объектов для SWOT-анализа, описанных в российских и зарубежных исследованиях, отметим сайты коммерческих и некоммерческих организаций [24], образовательные программы по разнообразным направлениям подготовки (например, психиатрии [25]) и уровням (например, аспирантура [26]), фундаментальная наука [27], нишевые рыночные предложения в сфере услуг [28], детско-родительские отношения в семье [29], территория [30]. Анализ может использоваться по отношению к практически неограниченному кругу объектов, что делает его универсальным. SWOT-анализ может быть способом организации курсового проектирования [31]. Это подчеркивает его значимость и необходимость включения в различные образовательные программы и отдельные дисциплины.

Преподаватели Гарвардской школы бизнеса начали использовать метод SWOT в начале 1960-х годов [32]. Концепция была подробно изложена во впервые изданном в 1965 г. и быстро получившем мировое признание учебнике Гарвардской школы бизнеса Business Policy: Text and Cases (E. A. Learned, C. R. Christensen, K. R. Andrews, W. D. Guth) [31]. Метод можно применить при формировании универсальных компетенций, поскольку изначально SWOT «предназначен для того, чтобы пробудить стратегическое мышление, получить и обобщить фрагментарные данные в четкий фон для планирования» [33, с. 91]. Такое понимание объясняет уместность метода для формирования УК-1. «Научить понимать, что значат части и целое – это первая миссия для стратегии преподавания» [23, с. 320], и эта идея выступила драйвером сохранения актуальности SWOT в учебном процессе.

Изначальная версия SWOT, именуемая SOFT-подходом (начало 1960-х годов), даже лучше демонстрирует роль средства обучения аналитическим навыкам и критическому анализу. Р. Ф. Стюард в работе «Предлагаемая система отсчета для креативности в бизнес-планировании» отмечал, что в целеполагании необходимо найти «общую систему отсчета», а формулировка дальнейших действий должна быть целостной [22]. Для того, чтобы эффективно обсуждать текущие проблемы, носящие стратегический характер (по отношению к любому объекту), следует ответить на четыре вопроса:

1. Что необходимо сделать, чтобы сохранить (safeguard) удовлетворительное (satisfactory) текущее положение?
2. Что необходимо сделать, чтобы «открыть дверь» (open) возможностям (opportunities) в будущем?
3. Что необходимо сделать, чтобы устранить причину (fix) ошибок (faults) в настоящее время?
4. Что необходимо сделать, чтобы предотвратить (thwart) или смягчить угрозы (threats) в будущем?

А. Хамфри в 1974 г. отметил, что процесс критического анализа и планирования должен начинаться с определения сильных и слабых сторон, возможностей и угроз для объекта изучения. Он предложил использовать иные термины, чем в S (satisfactory) O (opportunity) F (faults) T (threats), эволюционировав его в S (strengths) W (weaknesses) O (opportunities) T (threats). В дальнейшем сильные и слабые стороны, возможности и угрозы становились основой для сочетанного анализа внутренней и внешней среды исследуемого объекта, определив интегративную природу SWOT [22].

Нарушение интегративной сути SWOT стало главной ошибкой в его использовании, превратив критический анализ со стратегическими выводами в перечень «списков». Простое перечисление четырех групп характеристик привело к тому, что SWOT утратил способность давать представление о взаимосвязи между внутренней и внешней средой объекта. Сформировалась так называемая «наивная модель» [34]. Большая часть проблемного характера концепции SWOT проистекает именно из потери ее интегративной функции [23]. Важнейшей задачей становится объяснение, что процесс анализа состоит из двух взаимосвязанных этапов: подготовки рабочей матрицы и конструирования матрицы решений. Именно интегративную функцию SWOT необходимо акцентировать, поскольку с ее помощью можно провести систематизированное сравнение свойств, характеристик, рационально расставить приоритеты, определить временную последовательность.

Рассматривая роль SWOT в стратегии преподавания различных дисциплин, Дж. Белл и Л. Рочфорд отмечали, что технология анализа часто объясняется ошибочно и, как следствие, неправильно потом применяется. Этими авторами было выполнено исследование, оценивающее, как SWOT освещается в учебниках и во время практических занятий. Авторы сделали несколько важных выводов. Хотя в большинстве учебников SWOT упоминается, его детализация далеко не полная, и лишь немногие авторы упоминают интегративную природу SWOT [23].

Интегративная функция может быть продемонстрирована посредством правильной методики выполнения SWOT-анализа. Объяснение должно быть сосредоточено на том, что этот анализ предполагает подготовку двух матриц: рабочей (рис. 1) и решений (рис. 2). Именно матрица решений демонстрирует интегративную природу SWOT-анализа и позволяет сформулировать стратегические альтернативы.

Сильные стороны (S) 1. 2. ... N.	Возможности (O) 1. 2. ... N.
Слабые стороны (W) 1. 2. ... N.	Угрозы (T) 1. 2. ... N.

Рис. 1 – Рабочая (первичная) матрица SWOT-анализа

	Сильные стороны (S) S1..... S2..... S3.....	Слабые стороны (W) W1..... W2..... W3.....
Возможности (O) O1..... O2..... O3.....	Стратегические альтернативы SO: Стратегия максимизации использования сильных сторон и возможностей среды 1. (напр., S1O2) 2. (напр., S2S3O2) 3. (напр., S3O1O3)	Стратегические альтернативы WO: Стратегия минимизации влияния слабых сторон и максимизации использования возможностей среды 1. (напр., W1O2) 2. (напр., W2O1O2) 3. (напр., W3O3)
Угрозы (T) T 1..... T 2..... T 3.....	Стратегические альтернативы ST: Стратегия максимизации использования сильных сторон и минимизации угроз среды 1. (напр., S1T2) 2. (напр., S1S2T2) 3. (напр., S3T1T3)	Стратегические альтернативы WT: Стратегия минимизации влияния слабых сторон и минимизации угроз среды 1. (напр., W1T2) 2. (напр., W2T3T2) 3. (напр., W3T1)

Рис. 2 – Матрица решений SWOT-анализа

В методику преподавания SWOT-анализа можно включить такие составляющие, как:

1. Объяснение его преимуществ и недостатков.
2. Четкая артикуляция цели.
3. Изучение SWOT-анализа только после рассмотрения сущности внутренней и внешней среды организации.
4. Объяснение, как выполнять анализ.
5. Объяснение результатов выполнения анализа.
6. Объяснение, как правильно использовать результаты (стратегические альтернативы).
7. Рассмотрение примеров SWOT-анализа, выполненного как верно, так и с ошибками.
8. Указание на источники информации для выполнения анализа.
9. Рассмотрение интегративной роли анализа и того, как результаты влияют на состояние объекта, по отношению к которому SWOT-анализ применяется.

Принципиальные ошибки в проведении SWOT, безусловно, отмечались [30, 35]. Ошибки эти идентичны, независимо от объекта анализа. К наиболее частым относятся:

- путаница и смешение в определении сильных сторон и возможностей, слабых сторон и угроз;
- отождествление целей, стратегии и возможностей;
- субъективизм экспертов и необоснованность выделения тех или иных факторов;
- недостаточная информационная база для проведения исследования и формулировки факторов;
- незавершенность: не составляется матрица стратегических альтернатив;
- неполнота оценки внутренних и внешних факторов;
- отсутствие статистических данных, подтверждающих формулировки факторов внутренней и внешней среды.

Для предупреждения ошибок авторы предлагают включить в методику обучения SWOT-анализу следующие вопросы, используемые при заполнении рабочей матрицы (табл. 2). Мы акцентируем внимание на рабочей матрице, поскольку правильность ее подготовки влияет на точность и релевантность формулируемых в дальнейшем стратегических альтернатив.

Таблица 2 – Вопросы-подсказки для заполнения рабочей матрицы

Квадрант рабочей матрицы	Вопросы-подсказки для заполнения квадранта
Сильные стороны	Каковы достоинства организации, обеспечивающие ей потенциал для развития и выполнения миссии? Что организация делает лучше, чем конкуренты? Какими уникальными способностями и ресурсами организация обладает (материальными и нематериальными)? Что «другие» воспринимают как сильные стороны организации?
Слабые стороны	Что ваши конкуренты делают лучше? Что можно улучшить в сложившейся ситуации? Что «другие» воспринимают как слабые стороны организации? Что тормозит развитие компании, мешает реализовать потенциал и выполнить миссию?
Возможности	Какие тренды и условия за пределами организации могут оказывать позитивное влияние на организацию? Каковы обстоятельства за пределами организации, которые можно использовать для получения преимуществ? Какие события / обстоятельства / тенденции за пределами организации могут улучшить ситуацию организации, помочь ей извлечь выгоды из своих ресурсов?
Угрозы	Какие тренды и условия за пределами организации могут оказывать негативное влияние на организацию? Какие действия конкурентов могут оказать влияние на организацию? Что повлияет с большей степенью вероятности на успешную деятельность организации в будущем?

Системный подход требует рассматривать проблемы всесторонне, с разных точек зрения, с учетом истории системы, тенденций ее развития, факторов внутренней и внешней среды, влияющих на существование и развитие системы. Следование требованиям системного подхода способствует углублению познания объекта, минимизации рисков принимаемых решений, учету большого количества факторов, проработке множества вариантов, учету альтернатив развития событий [18]. Исследователями отмечено, что SWOT-анализ может помочь развить навыки критического мышления будущих специалистов – выпускников университетов, а в структуру образовательной дисциплины «Системное и критическое мышление лидера» в обязательном порядке предлагается включать тему, связанную с технологией SWOT [18]. Обоснованное применение в ходе преподавания учебных дисциплин SWOT-анализа объясняется тем, что он помогает студентам обрести начальный опыт разбора и поиска решения реальных ситуаций и понять основы процесса принятия решений.

Почему важен SWOT в процессе формирования компетенции «Системное и критическое мышление»?

1. Демонстрирует, как можно осуществлять процесс принятия решений в отношении различных объектов и организаций.

2. Обеспечивает детальное описание сложившейся ситуации с позиций системного подхода.

3. Учит командной работе и коммуникации.

4. Формирует понимание процесса выбора наилучшего и обоснованного решения в ситуации имеющихся ресурсов и ограничений.

5. Представляет собой элемент стратегического анализа как системообразующего подхода к выбору решений и контролю за критическими факторами в деятельности объекта анализа.

6. Демонстрирует, как могут быть сформулированы стратегические альтернативы на основе перехода от частного к общему и с использованием интегративной функции SWOT.

Разумеется, использование такого инструмента, как SWOT-анализ, может быть актуальным далеко не для всех направлений подготовки. Его востребованность определяется тем, насколько важным и релевантным является принятие стратегических решений в отношении конкретного объекта. Позиция авторов заключается в том, что деятельность по стратегированию целесообразно рассматривать как универсальную, т. е. осуществимую в любой организации во всех сферах деятельности. Например,

журналистика как вид профессиональной деятельности, на первый взгляд, не требует принятия стратегических решений, однако требования профессиональных стандартов корреспондента СМИ и редактора СМИ содержат достаточно широкий круг трудовых функций, связанных с процессом принятия решений, оценкой альтернатив, определением приоритетов. Будущему журналисту важно владеть методом SWOT-анализа, если он планирует работать в таких жанрах, как информационная, аналитическая, исследовательская журналистика. SWOT (анализ и матрицу) целесообразно применять в отношении следующих объектов журналистской деятельности:

- сюжет (идея) публикации;
- издание (готовый печатный продукт);
- авторский материал, публикация;
- средство массовой информации;
- сетевой издательский проект;
- редакция (издательство).

Для преодоления разрыва между теорией и практикой можно рекомендовать выполнять SWOT-анализ и разрабатывать SWOT-матрицу на конкретных примерах, т. е. апробировать данный инструмент на материале конкретного СМИ, конкретного события, произошедшего в регионе (муниципальном образовании), являющегося объектом для потенциального журналистского материала. Представляется целесообразным формирование пакета обучающих кейсов, отражающих как актуальные события в стране и мире, так и региональную специфику (особенности менталитета, образа жизни, этническое и религиозное разнообразие и т. д.). SWOT позволит выполнить поэлементный анализ частей рассматриваемых объектов, их «плюсов» и «минусов». SWOT-матрица вырабатывает навык соотнесения различных аспектов объекта/ситуации, выявления причинно-следственных связей при работе с любым объектом.

Формирование компетенции УК-1 с помощью именно SWOT-анализа представляется целесообразным и эффективным ввиду, во-первых, доказанного универсального характера данного инструмента, и во-вторых, в связи с тем, что именно SWOT-анализ (в случае корректного выполнения) вырабатывает:

– системное восприятие объектов, которое необходимо профессионалу для целостного представления аудитории рассматриваемой ситуации, интегративного толкования, комплексного описания ситуации;

– способность различать и критически оценивать как факторы макросреды, так и элементы ближнего окружения объекта, т. е. уметь менять фокусировку рассмотрения любых событий и ситуаций.

Для лиц, принимающих решения в отношении образовательных программ, для преподавателей возникают важные вопросы, связанные с использованием SWOT-анализа как технологии, формирующей универсальную компетенцию в образовательных программах. Среди них:

1. Какими методами и в структуре каких учебных дисциплин следует формировать универсальные компетенции?

2. В каких курсах можно преподавать этот метод анализа и в каком объеме?

3. Место SWOT-анализа в структуре преподавания дисциплины. Когда студентов следует знакомить с ним?

4. Какими методами может быть дополнен и расширен SWOT (дополнительные матрицы и другие виды анализа), чтобы полноценно формировать УК-1 и другие компетенции?

5. Должна ли быть отдельная соответствующая тема дисциплины для SWOT-анализа, чтобы была понятна его логика и суть.

6. Как отработать навыки выполнения SWOT-анализа?

7. Как много ограничений существует для SWOT-анализа, могут ли они быть преодолены и как?

Ответы на эти вопросы будут способствовать более эффективному преподаванию

SWOT-анализа и, следовательно, более результативному и качественному его применению в профессиональной деятельности будущих специалистов. Оценить вклад SWOT-анализа в формирование компетенции «Системное и критическое мышление», можно используя модель Л. Лью и коллег [12], которые предложили три составляющие критического мышления (табл. 3).

Заключение

Сложности, с которыми сталкивается преподавательское сообщество при формировании универсальных компетенций, обуславливают актуальность выработки некоторых общих подходов, подбора методов и инструментов, составления методических рекомендаций по осуществлению этой деятельности. На основе обзора и анализа понятийного аппарата, связанного с системным и критическим мышлением, мы предприняли попытку подбора некоего универсального инструмента, позволяющего формировать релевантные навыки и умения будущего специалиста. Авторы старались показать, что устойчиво ассоциирующийся исключительно со сферой управления SWOT-анализ должен восприниматься как именно универсальный и может применяться в различных сферах профессиональной деятельности, секторах экономики, ситуациях и контекстах.

Таблица 3 – Модель критического мышления Л. Лью и SWOT-анализ

Составляющие критического мышления	Как может быть использован SWOT для формирования
Аналитический компонент (оценка надежности источников, релевантности аргументов, поиск альтернативных мнений и точек зрения)	1. Работа над формулировками для квадрантов рабочей матрицы. 2. Поиск и отбор источников информации для обоснования формулировок. 3. Сочетанное использование количественной и качественной методики анализа. 4. Критический анализ трактовок для характеристик рабочей матрицы и матрицы решений. 5. Отказ от использования недостоверных источников. 6. Работа с первоначально большим объемом информации и последующая его систематизация.
Синтетический компонент (логический вывод, оценка последствий, построение собственной структуры аргументов)	1. Позиционирование SWOT-матрицы как необходимой составляющей подготовки планов и программ. 2. Выработка стратегических альтернатив на основе установления связей между характеристиками, факторами и элементами внешней и внутренней среды. 3. Распознавание (идентификация сути и характера влияния) тенденций и паттернов.
Общий компонент (построение причинно-следственных связей и оценка альтернативных направлений и вариантов действий)	1. Анализ и минимизация противоречий при выработке и формулировке стратегических альтернатив. 2. Анализ альтернатив на основе оценки потенциальных бенефиций (потерь). 3. Принятие решения о выборе некоторых из альтернатив на основе критериев и показателей эффективности и результативности.

Авторами обоснована целесообразность использования SWOT-анализа для формирования универсальной компетенции УК-1, поскольку данный инструмент, во-первых, носит универсальный характер в отношении объектов анализа и стратегирования; во-вторых, способствует выработке навыка смены фокуса рассмотрения с акцентированием внимания как на элементах внутренней среды рассматриваемых объектов, так и на факторах микро- и макро-среды; в-третьих, интегративный характер SWOT-матрицы способствует формированию навыка установления системных соответствий между элементами и факторами, релевантными для стратегирования; в-четвертых, корректное составление SWOT-матрицы позволяет будущим и действующим специалистам применять данный инструмент для выработки стратегий развития в отношении чисто профессиональных объектов (например, редакций и издательских домов, образовательных учреждений, учреждений здравоохранения, территорий, органов власти и местного самоуправления, коммерческих организаций и их отдельных структур и процессов и т. д.).

Условием эффективного применения SWOT в дальнейшей профессиональной деятельности является качественное преподавание данного инструмента. Мы рассмотрели типичные ошибки преподавания и применения SWOT и предложили ряд методических рекомендаций по обеспечению корректности преподавания и

оценке результативности освоения данного инструмента обучающимися. Важнейшим методическим принципом, которому необходимо следовать при преподавании SWOT-анализа, является объяснение его интегративной природы.

Преподавание SWOT-анализа в рамках дисциплин, изначально не предполагающих его рассмотрение и напрямую не связанных с управленческими аспектами, приведет, по нашему мнению, к еще одному важному эффекту – профессиональному саморазвитию преподавателя. Заимствуя и внедряя в преподавание своих курсов новые инструменты, преподаватель наращивает свой потенциал и развивает междисциплинарный подход, становится «провайдером, организатором поиска знаний, координатором источников информации» [36, с. 81], что ведет в дальнейшем к укреплению сотрудничества между кафедрами, большей интеграции образовательных программ и формированию лидерских практик и баз знаний университета.

В качестве перспективных направлений дальнейших исследований можно предложить обоснование использования SWOT-анализа для формирования большинства универсальных компетенций, за исключением, вероятно, нескольких. Как уже отмечалось, универсальность инструмента позволяет широко задействовать его для подготовки выпускников разных программ и направлений к выполнению анализа и стратегирования в различных сферах деятельности и в отношении различных организаций.

Литература

1. Бурко Н.В. Кейс-метод как инструмент активного обучения в новых образовательных условиях // Инновации в образовании: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Орел: ОГАУ, 2014. С. 66-71. EDN: VPQYJT.
2. Солодихина М.В., Солодихина А.А. Развитие критического мышления магистрантов с помощью STEM-кейсов // Образование и наука. 2019. № 3. С. 125-153. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-3-125-153. EDN: ZDFJDV.
3. Организация Объединенных Наций. Навыки будущего могут способствовать достижению равновесия между прогрессом отдельной личности и общества. URL: <https://www.un.org/ru/192407> (дата обращения: 01.12.2025).
4. Рябошапка А.И. Подготовка проектов как форма интерактивного обучения (на примере дисциплины "Экономическая теория") // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 5. С. 15-23. EDN: NTRUPF.
5. Фоминых Н. Hard or Soft Skills: сущность, различия, приоритеты рынка труда. URL: <https://www.e-executive.ru/career/lichnaya-effektivnost/1990385-hard-or-soft-skills-suschnost-razlichiya-prioritety-rynka-truda> (дата обращения: 01.12.2025).
6. Корешников Ю.Н. Развитие критического мышления в современном российском обществе: что дает университет // Мониторинг общественного мнения. 2019. № 6. С. 91-110. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.06 EDN: QRBGZR.
7. Валеева Р.Ш., Куприянов Р.В., Валеева Э.Р., Куприянова Н.Е. Критическое мышление как предиктор успешности учебной деятельности // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13, № 4. URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=25552>.

8. Арзамасцева Н.Г., Чупряков И.С., Рыбаков А.В. Развитие универсальных компетенций студентов вуза средствами технологии критического мышления // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19, № 2. С. 157-163. DOI: 10.30914/2072-6783-2025-19-2-157-163. EDN: ACTIRY.
9. Белкина В.В., Макеева Т.В. Концепт универсальных компетенций высшего образования // Ярославский педагогический вестник. Серия: Педагогические науки. 2018. № 5. С. 117-126. EDN: YOQEFF.
10. Тарханова И.Ю. Формирование универсальных компетенций обучающихся средствами университетской среды // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. Т. 24, № 3. С. 123-128. EDN: YQDMXZ.
11. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Цели образования в интересах устойчивого развития. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247444_rus/PDF/247444rus.pdf.multi (дата обращения: 01.12.2025).
12. Тарасова К.В., Орел Е.Ф. Измерение критического мышления студентов в открытой онлайн-среде: методология, концептуальная рамка и типология заданий // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 187-212. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-187-212. EDN: SUFXTR.
13. Зимина Е.В., Бахматова Т.Г., Санина Л.В. Изучение ожиданий работодателей – партнеров образовательных организаций как необходимый элемент стратегического развития и формирования имиджа университета // Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31, № 3. С. 391-399. DOI: 10.17150/2500-2759.2021.31(3).391-399 EDN: OYYVHD.
14. AlMarwani M. Pedagogical potential of SWOT analysis: An approach to teaching critical thinking // Thinking skills and creativity. 2020. № 38. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1871187120302157?via%3Dihub> (дата обращения: 01.12.2025). DOI: 10.1016/j.tsc.2020.100741. EDN: HAVPWS.
15. Пурденхад Дж. Что такое "системное мышление"? // Проблемы управления в социальных системах. 2012. Т. 4, № 6. С. 61-64.
16. Корешникова Ю.Н., Авдеева Е.А. Заинтересовать нельзя заставить. Роль академической мотивации и стилей преподавания в развитии критического мышления студентов // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 36-66. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-36-66. EDN: YIVUFW.
17. Paul R., Elder L. Critical thinking: The nature of critical and creative thought // Journal of Developmental Education. 2006. No. 2. P. 34-35.
18. Спивак В.А. Универсальная компетенция № 1: системное и критическое мышление специалиста и лидера // Лидерство и менеджмент. 2021. Т. 8, № 1. С. 53-68. DOI: 10.18334/lim.8.1.111524. EDN: GJEELT.
19. Струговец В.М. Развитие аналитических компетенций в международной сфере у будущих журналистов и медиакоммуникаторов // Педагогический имидж. 2025. Т. 19, № 1. С. 106-121. DOI: 10.32343/2409-5052-2025-19-1-106-121. EDN: CGCPYU.
20. Макарова Н.Я. Формирование универсальных компетенций у будущих журналистов // Вестник РГГУ. Серия "Литературоведение. Языкознание. Культурология". 2023. № 10. С. 135-146. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-135-145. EDN: UHHFRW.
21. Завьялова А.Г. Влияние междисциплинарных технологий обучения иностранному языку на формирование профессиональных свойств будущего специалиста // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 4. С. 728-734. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(4).728-734. EDN: SGJGQD.
22. Puyl R.W., Lie F.B., Wilderom C.P. The origins of SWOT analysis // Long Range Planning. 2023. No. 56. P. 1-24. DOI: 10.1016/j.lrp.2023.102304. EDN: YXVPTK.
23. Bell G., Rochford L. Rediscovering SWOT's integrative nature: A new understanding of an old framework // The International Journal of Management Education. 2016. No. 14. P. 310-326.
24. Damian I., Dantarem S. SWOT analysis of the services provided by e-government sites in Brazil // Procedia Computer Science. 2014. No. 33. P. 130-133.
25. Kumar P., Jangid P., Sethi S. Undergraduate psychiatry in India: A SWOT analysis // Asian Journal of Psychiatry. 2018. No. 33. P. 46-51.
26. Харламова Ю.О., Щеголева С.А., Шкарина Т.Ю. SWOT-анализ, как инструмент анализа подготовки научно-педагогических кадров с целью формирования стратегии улучшения // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2021. № 2. С. 116-124. DOI: 10.17586/2310-1172-2021-14-2-116-124. EDN: NDWWNE.
27. Клеева Л.П. SWOT-анализ развития фундаментальной науки в России // Компетентность. 2012. № 2. С. 12-19. EDN: PAUUTP.

28. Heshmati M., Gheitury M., Shadfar S Factors affecting possibility of ecotourism development and sustaining natural resources using SWOT approach in west Iran // International Journal of Geoheritage and Parks. 2022. No. 10. P. 173-183. DOI: 10.1016/j.ijgeop.2022.03.004. EDN: MZCVJL.
29. Анацкая О.К. SWOT-анализ как метод прокурорской проверки исполнения законодательства // Криминалистика. 2023. № 4. С. 112-118. EDN: QVVBJM.
30. Барахоева Л. Р. SWOT-анализ социально-экономического развития Республики Ингушетия // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. 2022. № 2. С. 109-122. EDN: FBTNPB.
31. Катъкало В.С., Веселова А.С., Смелцова С.В. Методические указания для подготовки курсового проекта "SWOT-анализ" (1 курс). Москва: Высшая школа бизнеса НИУ ВШЭ, 2021. 68 с.
32. Bower J.L. The teaching of strategy: from general manager to analyst and back again // Journal of Marketing inquiry. 2008. Vol. 17, No. 4. P. 269-275.
33. Valentine E.K. Away with SWOT analysis: use defensive/offensive evaluation instead // Journal of Applied Business Research. 2005. Vol 21, No. 2. P. 91-105.
34. Valentine E.K. SWOT analysis from a resource-based view // Journal of Marketing Theory and Practice. 2001. No. 9. P. 54-69.
35. Scolozzi R., Schirpke U., Morri E. Ecosystem services-based SWOT analysis of protected areas for conservation strategies // Journal of Environmental Management. 2014. No. 146. P. 543-551.
36. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Функции университетского образования: ретроспектива, вызовы и перспективы // Управление устойчивым развитием. 2023. № 5. С. 77-82. DOI: 10.55421/2499992X_2023_5_77. EDN: TEUITN.

References

1. Burko N.V. Kejs-metod kak instrument aktivnogo obucheniya v novyh obrazovatel'nyh usloviyah // Innovacii v obrazovanii: sbornik materialov VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Orel: OGAU, 2014. pp. 66-71. EDN: VPQYJT. (In Russ.)
2. Solodikhina M.V., Solodikhina A.A. Development of critical thinking of master's degree students using STEM cases. Education and Science Journal. 2019. No. 3. pp. 125-153. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-3-125-153. EDN: ZDFJDV. (In Russ.)
3. 3. United Nations. Future-Proof Skills Can Help Balance Individual and Societal Progress Available at: <https://www.un.org/ru/192407> (Accessed Date: 01.12.2025). (In Russ.)
4. Ryaboshapka A.I. Podgotovka proektov kak forma interaktivnogo obucheniya (na primere discipliny "Ekonomiche-skaya teoriya"). Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2011. No. 5. pp. 15-23. EDN: NTRUPF. (In Russ.)
5. Fominykh N. Hard or Soft Skills: sushchnost', razlichiya, priorityty rynka truda. Available at: <https://www.executive.ru/career/lichnaya-effektivnost/1990385-hard-or-soft-skills-suschnost-razlichiya-priorityty-rynka-truda> (Accessed Date: 01.12.2025). (In Russ.)
6. Koreshnikova Yu.N. Critical thinking in modern society: what do universities provide? Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2019. No. 6. pp. 91-110. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.06 EDN: QRBGZR. (In Russ.)
7. Valeeva R.Sh., Kupriyanov R.V., Valeeva E.R., Kupriyanova N.E. Kriticheskoe myshlenie kak prediktor uspehnosti uchebnoj deyatel'nosti. Baikal Research Journal. 2022. Vol. 13, No. 4. Available at: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=25552> (Accessed Date: 01.12.2025). (In Russ.)
8. Arzamastseva N.G., Chupryakov I.S., Rybakov A.V. Development of universal competencies of university students by means of technology of critical thinking. Vestnik of the Mari State University. 2025. Vol. 19, No. 2. pp. 157-163. DOI: 10.30914/2072-6783-2025-19-2-157-163. EDN: ACTIRY. (In Russ.)
9. Belkina V.V., Makeeva T.V. Concept of higher education universal competences. Yaroslavl Pedagogical Bulletin 2018. No. 5. pp. 117-126. EDN: YOQEFF. (In Russ.)
10. Tarkhanova I.Yu. Formation of students' universal competences by means of university environment. Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2018. Vol. 24, No. 3. pp. 123-128. EDN: YQDMXZ. (In Russ.)
11. 1. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Education for Sustainable Development Goals: learning objectives Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247444_rus/PDF/247444rus.pdf.multi (Accessed Date: 01.12.2025). (In Russ.)
12. Tarasova K.V., Orel E.F. Measuring students' critical thinking in online environment: methodology, conceptual framework and tasks typology. Educational Studies. Moscow. 2022. No. 3. pp. 187-212. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-187-212. EDN: SUFXTR. (In Russ.)

13. Zimina E.V., Bakhmatova T.G., Sanina L.V. Study of the expectations of employers-partners of educational institutions as a necessary element of strategic development and creation of the university image. *Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. Vol. 31, No. 3. pp. 391-399. DOI: 10.17150/2500-2759.2021.31(3).391-399 EDN: OYYVHD. (In Russ.)
14. AlMarwani M. Pedagogical potential of SWOT analysis: An approach to teaching critical thinking. *Thinking skills and creativity*. 2020. No. 38. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1871187120302157?via%3Dihub> (Accessed Date: 01.12.2025). DOI: 10.1016/j.tsc.2020.100741. EDN: HAVPWS.
15. Purdenhad Dzh. Chto takoe "sistemnoe myshlenie"? *Problemy upravleniya v social'nyh sistemah*. 2012. Vol. 4, No. 6. pp. 61-64. (In Russ.)
16. Koreshnikova Yu.N., Avdeeva E.A. Interest cannot be forced. The role of academic motivation and teaching styles in the development of students' critical thinking. *Educational Studies*. Moscow. 2022. No. 3. pp. 36-66. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-36-66. EDN: YIVUFW. (In Russ.)
17. Paul R., Elder L. Critical thinking: The nature of critical and creative thought // *Journal of Developmental Education*. 2006. No. 2. pp. 34-35.
18. Spivak V.A. Universal competence No. 1: systematic and critical thinking of a specialist and a leader // *Leadership and Management*. 2021. Vol. 8, No. 1. pp. 53-68. DOI: 10.18334/lim.8.1.111524. EDN: GJEELT. (In Russ.)
19. Strugovets V.M. Development of analytical competencies in the international field among future journalists and media communicators. *Pedagogicheskij imidzh*. 2025. Vol. 19, No. 1. pp. 106-121. DOI: 10.32343/2409-5052-2025-19-1-106-121. EDN: CGCPYU. (In Russ.)
20. Makarova N.Ya. Formation of universal competencies with future journalists. *RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*. 2023. No. 10. pp. 135-146. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-135-145. EDN: UHHFRW. (In Russ.)
21. Zavyalova A.G. The interdisciplinary technologies impact of foreign language teaching on the formation of future specialists professional skills. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii*. 2015. Vol. 22, No. 4. pp. 728-734. DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(4).728-734. EDN: SGJGQD. (In Russ.)
22. Puyt R.W., Lie F.B., Wilderom C.P. The Origins of SWOT Analysis // *Long Range Planning*. 2023. No. 56. pp. 1-24. DOI: 10.1016/j.lrp.2023.102304. EDN: YXVPTK.
23. Bell G., Rochford L. Rediscovering SWOT's integrative nature: A new understanding of an old framework // *The International Journal of Management Education*. 2016. No. 14. pp. 310-326.
24. Damian I., Dantarem S. SWOT analysis of the services provided by e-government sites in Brazil // *Procedia Computer Science*. 2014. No. 33. pp. 130-133.
25. Kumar P., Jangid P., Sethi S. Undergraduate psychiatry in India: A SWOT analysis // *Asian Journal of Psychiatry*. 2018. No. 33. pp. 46-51.
26. Kharlamova Yu.O., Schegoleva S.A., Shkarina T.Yu. SWOT-analysis as an analysis tool of academic staff training for improvement strategy development. *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskij menedzhment*. 2021. No. 2. pp. 116-124. DOI: 10.17586/2310-1172-2021-14-2-116-124. EDN: NDWWNE. (In Russ.)
27. Kleeva L.P. SWOT-analiz razvitiya fundamental'noj nauki v Rossii. *Kompetentnost'*. 2012. No. 2. pp. 12-19. EDN: PAUUTP. (In Russ.)
28. Heshmati M., Gheitury M., Shadfar S. Factors Affecting the Possibility of Ecotourism Development and Sustaining Natural Resources Using the SWOT Approach in West Iran // *International Journal of Geoheritage and Parks*. 2022. No. 10. pp. 173-183. DOI: 10.1016/j.ijgeop.2022.03.004. EDN: MZCVJL.
29. Anatskaya O.K. SWOT analysis as a method of procuratorial verification of the implementation of legislation on minors and compliance with their rights. *Kriminalist*". 2023. No. 4. pp. 112-118. EDN: QVBBJM. (In Russ.)
30. Barakhoeva L.R. SWOT-analysis of socio-economic development of the republic of ingushetia. *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnyh nauk im. CH. E. Ahrieva*. 2022. No. 2. pp. 109-122. EDN: FBTNPB. (In Russ.)
31. Katkalo V.S., Veselova A.S., Smeltsova S.V. Metodicheskie ukazaniya dlya podgotovki kursovogo proekta "SWOT-analiz" (1 kurs). Moscow: Higher School of Business, National Research University Higher School of Economics, 2021. 68 p. (In Russ.)
32. Bower J.L. The Teaching of Strategy: From General Manager to Analyst and Back Again. *Journal of Marketing Inquiry*. 2008. Vol. 17, No. 4. pp. 269-275.
33. Valentine E.K. Away with SWOT analysis: use defensive/offensive evaluation instead. *Journal of Applied Business Research*. 2005. Vol. 21, No. 2, pp. 91-105.

34. Valentine E.K. SWOT analysis from a resource-based view. *Journal of Marketing Theory and Practice*. 2001. No. 9, pp. 54-69.
35. Scolozzi R., Schirpke U., Morri E. Ecosystem services-based SWOT analysis of protected areas for conservation strategies. *Journal of Environmental Management*. 2014. No. 146, pp. 543-551.
36. Tuzikov A.R., Zinurova R.I. Functions of university education: retrospective, challenges and prospects // *Managing Sustainable Development*. 2023. No. 5, pp. 77-82. DOI: 10.55421/2499992X_2023_5_77. EDN: TEUITN. (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Метелева Елена Растиславна** – доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и управления человеческими ресурсами, Байкальский государственный университет, Российская Федерация, Иркутск, e-mail: elenameteleva@ya.ru.

©**Хлебович Дарья Игоревна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и сервиса, Байкальский государственный университет, Российская Федерация, Иркутск, e-mail: daria.khlebovich@gmail.com.

Information about the authors:

©**Metleva Elena Rastislavna** – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Public Administration and Human Resource Management, Baikal State University, Russian Federation, Irkutsk, e-mail: elenameteleva@ya.ru.

©**Khlebovich Daria Igorevna** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Service, Baikal State University, Russian Federation, Irkutsk, e-mail: daria.khlebovich@gmail.com.

А. Е. Сержкина

АНАЛИЗ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОТНОШЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ПОВЫШЕНИЮ КВАЛИФИКАЦИИ В ОБЛАСТИ ЦИФРОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова: повышение квалификации преподавателей, гендер, цифровые информационные технологии, цифровая компетентность, анкетирование, востребованность программных продуктов, знаний и умений.

Статья посвящена изучению гендерных особенностей отношения преподавателей вузов к цифровым информационным технологиям и запросам на собственное повышение квалификации в этой области. Дан краткий анализ результатов исследований особенностей отношения разных гендерных групп к цифровым информационным технологиям, при обучении в том числе. Исследована востребованность некоторых цифровых технологий, которые преподаватели могут с различными целями использовать в учебно-воспитательном процессе и научно-исследовательской деятельности, а также особенности знаний этих групп в области компьютерной педагогики и умений, опосредствованных компьютером. На основе анализа запросов на изучение конкретных программных продуктов, информационных систем и технологий их использования в педагогике была сформирована анкета, которую составили пункты, называющие конкретные технологии, знания, умения и навыки использования цифровых информационных технологий в учебно-воспитательном процессе университета и научно-исследовательской деятельности. Анкетирование проводилось в электронном виде путем ранжирования востребованности повышения квалификации по каждому пункту анкеты по шкале от 0 (не требуется) до 5 (крайне необходимо). Анализ средних баллов показал, что в группе женщин они выше (2,99 vs 2,66). Различия отношения мужчин и женщин к ряду технологий статистически незначимо. В то же время есть технологии, по которым существует различие на уровне статистической тенденции ($p \leq 0,1$), а также статистически достоверное различие по отношению к технологии обработки данных тестирования и интерпретации результатов ($p \leq 0,05$). Мужчины более уверены в своем владении этой технологией. Среднее число заявок на срочное изучение технологий, представленных в анкете, у женщин больше, чем у мужчин (3,35 vs 2,38). Мужчины более конкретны в своих желаниях и предпочитают более сложные профессиональные продукты. Результаты исследования могут быть использованы при проектировании программ повышения квалификации и оптимального формирования групп слушателей.

A. E. Serezhkina

ANALYSIS OF GENDER CHARACTERISTICS OF UNIVERSITY TEACHERS ATTITUDE TO PROFESSIONAL TRAINING IN THE FIELD OF DIGITAL INFORMATION TECHNOLOGIES

Keywords: advanced training of teachers, gender, digital information technologies, digital competence, survey, demand for software products, knowledge and skills.

The article is devoted to the study of gender-specific attitudes of university teachers towards digital information technologies and requests for their own professional development in this field. A brief analysis of the research results on the peculiarities of the attitude of different gender groups to digital information technologies, including in teaching, is given. The article examines the relevance of some digital technologies that teachers can use for various purposes in the educational process and research activities, as well as the peculiarities of these groups' knowledge in the field of computer pedagogy and computer-mediated skills. Based on an analysis of requests for the study of specific software products, information systems, and technologies for their use in pedagogy, a questionnaire was compiled consisting of items identifying specific technologies, knowledge, skills, and abilities in the use of digital information technologies in the university's educational process and research activities. The survey was conducted electronically by ranking the demand for advanced training for each item of the questionnaire on a scale from 0 (not required) to 5 (extremely necessary). Analysis of average scores showed that they were higher in the group of women (2.99 vs 2.66). The difference in attitudes between men and women towards a number of technologies is statistically insignificant. At the same time, there are technologies for which there is a difference at the level of a statistical trend ($p \leq 0.1$), as well as a statistically significant

difference in relation to the technology for processing testing data and interpreting results ($p \leq 0.05$). Men are more confident in their use of this technology. The average number of applications for non-urgent study of technologies presented in the questionnaire is greater for women than for men (3.35 vs 2.38). Men are more specific in their desires and prefer more complex professional products. The results of the study can be used in the design of advanced training programs and the optimal formation of student groups.

Стремительное развитие информационных технологий и искусственного интеллекта, все возрастающее их влияние на все стороны общественной жизни, а также необходимость создания эффективных методик преподавания различных дисциплин в новых условиях привели к необходимости исследования различных сторон отношения к изучению информационных технологий в различных гендерных группах. Внимание исследователей к этому феномену возникло и усилилось с возникновением и распространением информационных технологий во всех областях от образования до промышленности, вплоть до замены человека искусственным интеллектом. Наиболее ранние работы, представленные в нашем обзоре, относятся к началу XXI века, когда началось активное освоение интернета различными слоями населения, результаты исследований обсуждались на 3-ей Российской конференции по экологической психологии (15-16 сентября 2003 г., Москва, Секция 10. Психологические аспекты Интернет-среды). Отмечено наличие гендерных различий при использовании интернета. Женщины более вовлечены в профессионально-деловое использование интернета, мужчины используют интернет при занятиях с детьми и для виртуального общения [1]. Существуют и значительные психологические различия между полами при работе в интернете. Одним из наиболее выраженных мотивов у женщин является мотив интеллектуальной и творческой самореализации, а мотивация самоутверждения и аффилиации менее выражена [2].

Большой пласт исследований отражает различные аспекты особенностей гендерных отношений к информационным технологиям, связанных с доступом к технологиям, уровнем цифровой компетентности, возможностью карьерного роста женщин наравне с мужчинами [3, 4]. Значительное число исследований отечественных и зарубежных ученых посвящено гендерным особенностям восприятия цифровых технологий в медицине. Так, в работе [5] проанализировано мнение респондентов о том, в каких именно сферах оказания медицинских услуг можно применять цифровые технологии. Результаты говорят о том, что существуют значимые гендерные различия в отношении к телеконсультациям и телеконсилиумам (мужчины – 54,5 %; женщины – 87,2 %),

к первичным консультациям (мужчины – 48,8 %; женщины – 19,0 %). Результаты говорят о необходимости исследования особенностей отношения социума к инновациям в повседневной жизни с учетом гендерных стереотипов.

Особое место среди работ отведено исследованию гендерных особенностей отношения при изучении информационных технологий и их использовании в учебном процессе университетов и других образовательных учреждений, как в нашей стране, так и за рубежом. Так, в работе [6] акцентируется внимание на необходимости учета особенностей обучающихся, а именно: интересов, мотивации и специфики усвоения материала. Гендерные аспекты цифровой социализации студентов рассмотрены в статье [7]. Установлено, что юноши более активно социализируются в цифровой среде в условиях вуза, чем девушки.

В работе [8] приведены результаты сравнительного анализа отношения преподавателей из разных гендерных и возрастных групп к различным аспектам дистанционного обучения. Обнаружены статистически значимые различия в сформированности отношения по ряду аспектов этого феномена. Женщины более солидарны в своих суждениях, чем мужчины. В группе мужчин доля респондентов с несформированным мнением по отдельным утверждениям составляет более 20 %. Обнаружено также, что между группами преподавателей молодого возраста и старшего возраста существуют более значимые различия в отношении к дистанционным технологиям, чем между различными гендерными группами. В этой работе не учитывалась направленность деятельности преподавателей, которая также значительно влияет на сформированность отношения, как это доказано в статье [9]. Результаты исследования отношения будущих учителей к применению искусственного интеллекта (ИИ) в образовании говорят о том, что респонденты мужского пола демонстрируют значительно более позитивное отношение, чем женщины [10].

В данной статье мы поставили перед собой цель исследовать особенности отношения респондентов разных гендерных групп к программам и программным комплексам, с помощью которых преподаватель может автоматизи-

зировать свои конкретные действия, например, подготовить к печати макет статьи, протестировать студента, спроектировать обучающую программу и т. п., а также применить цифровые педагогические продукты в учебном процессе. Это исследование не предполагает выявления положительного или отрицательного отношения к той или иной технологии, но выявляет заинтересованность и, более того, необходимость ее освоения, а также выявляет внутренние различия отношения к этой проблеме между гендерами.

Для достижения поставленной цели на основе анализа запросов на изучение конкретных программных продуктов, информационных систем была сформирована анкета, которую составили 15 пунктов. Первые 14 называли конкретные знания, умения и навыки использования цифровых информационных технологий в учебно-воспитательном процессе университета и научно-исследовательской деятельности. Последний пункт, названный как «Другое», включал ЗУНы, не вошедшие в основной список, в том числе связанные с различными аспектами использования искусственного интеллекта.

Анкета предъявлялась в электронном виде. Респондентам было предложено оценить пункты анкеты в соответствии с тем, каких знаний, умений и навыков в области информационных технологий им недостает для полноценной педагогической и научной деятельности, а также, что им необходимо особенно остро. Оценка осуществлялась по шкале: 0 – «Отсутствие необходимости», до 5 – «Крайняя необходимость».

В анкетировании приняли участие 70 преподавателей, проходивших повышение квалификации в КНИТУ. Всего 21 мужчина и 49 женщин. Среди респондентов были представители разных научных дисциплин.

Результаты анкетирования были использованы нами ранее для исследования востребованности направлений повышения квалификации [11].

Для выявления возможных особенностей отношения к исследуемой проблеме нами вычислены средние баллы по всем пунктам анкеты отдельно в группах мужчин и женщин.

Средние баллы мужчин по всем пунктам анкеты лежат в интервале от 0,67 до 5, женщин – от 0,8 до 5. Распределение средних баллов в обеих группах близко к нормальному. Среднее распределения средних баллов в группе мужчин 2,66 почти не смещено от 0, $A_s = 0,04$. Распределение плосковершинное, $E_x = -0,26$ Дисперсия выборки $D_x = 1,21$, что

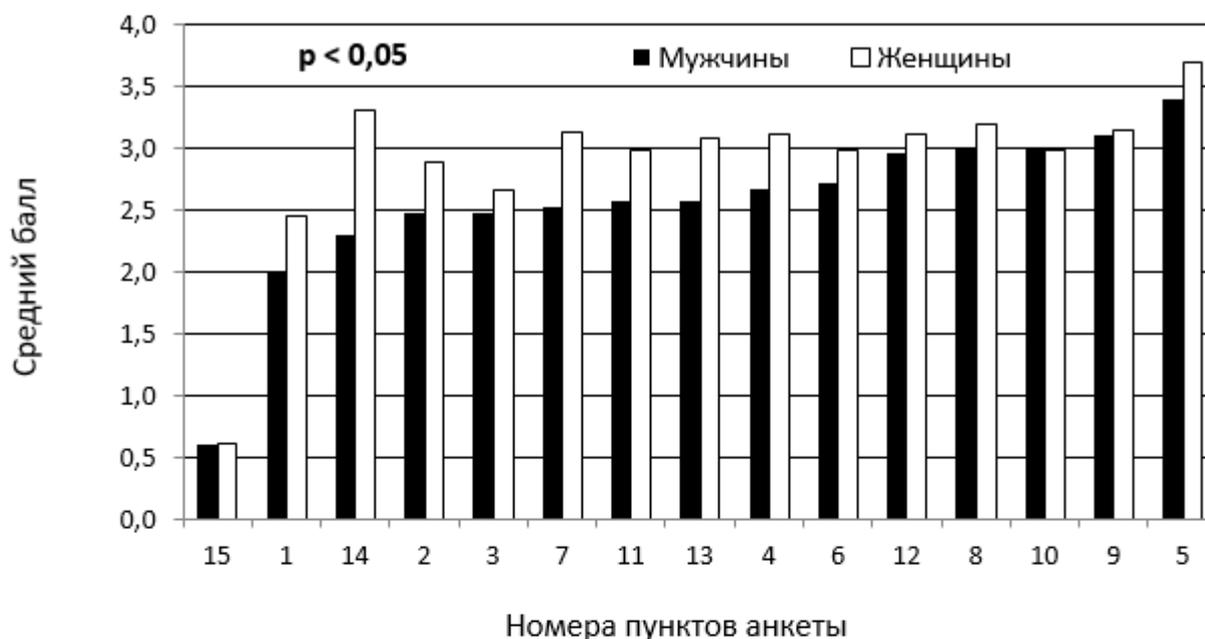
говорит о значительном числе отклонений индивидуальных баллов от среднего распределения. То же можно утверждать о распределении средних баллов в группе женщин ($A_s = -0,32$, $E_x = -0,86$, $D_x = 1,23$).

Средние баллы двух гендерных групп по отношению к анкете в целом разнятся: 2,66 – мужчины; 2,99 – женщины. Анализ средних баллов респондентов по каждой позиции анкеты показал особенности отношения мужчин и женщин к своим знаниям, умениям и навыкам в области информационных технологий и их педагогических приложений и, как следствие, необходимости их приобретения.

На рис. 1 представлена гистограмма средних баллов востребованности технологий по каждому пункту анкеты в соответствии с вариационным рядом средних баллов в группе мужчин.

Первое место принадлежит запросу № 15 на нечто, не представленное в 1–14-ом пунктах. Это говорит о том, что мотивация основной массы преподавателей направлена на изучение конкретных продуктов, которые представлены в основном списке и которые сразу можно применить в своей профессиональной деятельности. Однако с запросом на изучение чего-нибудь другого в группе мужчин статистически достоверно различим только № 5 ($p \leq 0,05$), то есть, доказано, что мужчинам умения подготовить комплекс ЭОР важнее, чем что-либо другое, не представленное в основном списке. Также обнаружено различие в отношении к № 15 и к № 9 ($p \leq 0,1$), которое существует на уровне статистической тенденции, то есть, наблюдается доказанная тенденция большего интереса в группе мужчин к получению знаний о психолого-педагогических особенностях организации диалога в обучающих программах, чем получение каких-то иных знаний, заявленных индивидуально. При этом в группе женщин различие в отношении к № 15 и другим запросам существует либо на уровне статистической тенденции (№ 2), либо статистически достоверно (исключение № 1 и № 3). Это говорит о том, что женщин в меньшей мере интересует что-то другое, не представленное в основном списке.

Статистически достоверное (значимое) различие между запросами мужчин и женщин обнаружено в отношении к пункту № 14 анкеты ($p \leq 0,05$). Это говорит о том, что мужчины более уверены в своем владении технологией обработки данных тестирования и интерпретации результатов. У женщин запрос на эти технологии в соответствии со средним баллом значительно выше (3,31 vs 2,29).

1. Умение работать с текстовыми редакторами для написания статей, учебных пособий и т. п. (ввод и редактирование текстовой информации)
2. Умение работать с графическими редакторами (создание и редактирование картинок для вставки их в статьи, отчеты и т. п.)
3. Умение создавать интерактивные презентации с помощью Microsoft PowerPoint для демонстрации на лекциях, конференциях и др.
4. Умение использовать табличный процессор для обработки больших массивов данных
5. Умение подготовить комплекс электронных образовательных ресурсов (ЭОР) для дистанционного обучения
6. Владение каким-либо языком программирования для создания автономных (offline) обучающих программ
7. Умение создать обучающую программу для автономного обучения с помощью инструментальной системы для создания обучающих программ
8. Знание психолого-педагогических особенностей дистанционного общения
9. Знание психолого-педагогических особенностей организации диалога в обучающих программах
10. Знание психологических аспектов восприятия информации с экрана компьютера
11. Знание эргономических требований к ЭОР
12. Знание психолого-педагогических теорий и технологий компьютерного обучения
13. Владение технологией информационно-технологического проектирования педагогических тестов
14. Владение технологией обработки данных тестирования и интерпретации результатов
15. Другие программные продукты и знания

Рис. 1 – Средние баллы востребованности технологий в группе мужчин и женщин

Обращают на себя внимание на рис. 1 и визуальные различия между мужчинами и женщинами в отношении к пунктам анкеты № 7, № 11 и № 13. Мужчины более уверены, что умеют создать обучающую программу для автономного обучения с помощью инструмен-

тальной системы для создания ЭОР. Востребованность этой компетенции по средним баллам у женщин по сравнению с мужчинами 3,12 vs 2,52. У женщин больше востребованы знания эргономических требований к ЭОР (2,98 vs 2,57). Женщины также считают, что

они недостаточно хорошо владеют технологией информационно-технологического проектирования педагогических тестов (3,08 vs 2,57)

Самым высоким столбцом гистограммы для обеих групп является столбец, соответствующий № 5 анкеты. В группе женщин различие между средним баллом № 5 и всеми остальными баллами этой группы статистически достоверно или обнаружено на уровне статистической тенденции, чего нельзя утверждать о группе мужчин. Таким образом, на основе анализа средних баллов позиций анкеты и статистического анализа выявлено, что самым востребованным в обеих гендерных группах оказался запрос на умение подготовить комплекс ЭОР для дистанционного обучения, что совершенно необходимо в изменившихся условиях преподавания. Причем в группе женщин этот запрос достоверно более выражен.

Самый низкий средний балл набрал запрос на изучение текстовых редакторов, что означает, что многие преподаватели в достаточной мере умеют сами подготовить текст статьи к печати. Это относится и к обоим гендерам. Разница статистически незначима.

Различия также обнаружены в долях самых необходимых технологий. Среднее число заявок на срочное изучение технологий, представленных в анкете, больше у женщин, чем у мужчин (3,35 vs 2,38). Это неравенство

отражает большую уязвимость женщин в применении информационных технологий в учебном процессе и научной деятельности, что согласуется с выводами социологов по другим аспектам отношения женщин с информационными технологиями. В нашем исследовании это обстоятельство можно объяснить тем, что при равном физическом доступе к техническим средствам женщины в большей мере загружены жизнеобеспечением, заботой о детях и не имеют достаточно времени для самообразования и саморазвития в данной области.

Доли срочной необходимости каждой технологии в группах мужчин и женщин, упорядоченные по вариационному ряду мужчин, отражены на рис. 2.

Почти по всем пунктам анкеты (кроме № 6 и № 15) визуально наблюдается тенденция большей доли запросов на срочное повышение квалификации у женщин, чем у мужчин. Для технологии обработки данных тестирования и репрезентации результатов (№ 14) различие частоты запросов в группе женщин и группе мужчин статистически достоверно подтверждено ($p < 0,001$). Аналогичный результат получен для технологий №2 (Умение работать с текстовыми редакторами), № 11 (Знание эргономических требований к ЭОР) и № 9 (Знание психолого-педагогических особенностей организации диалога в обучающих программах).

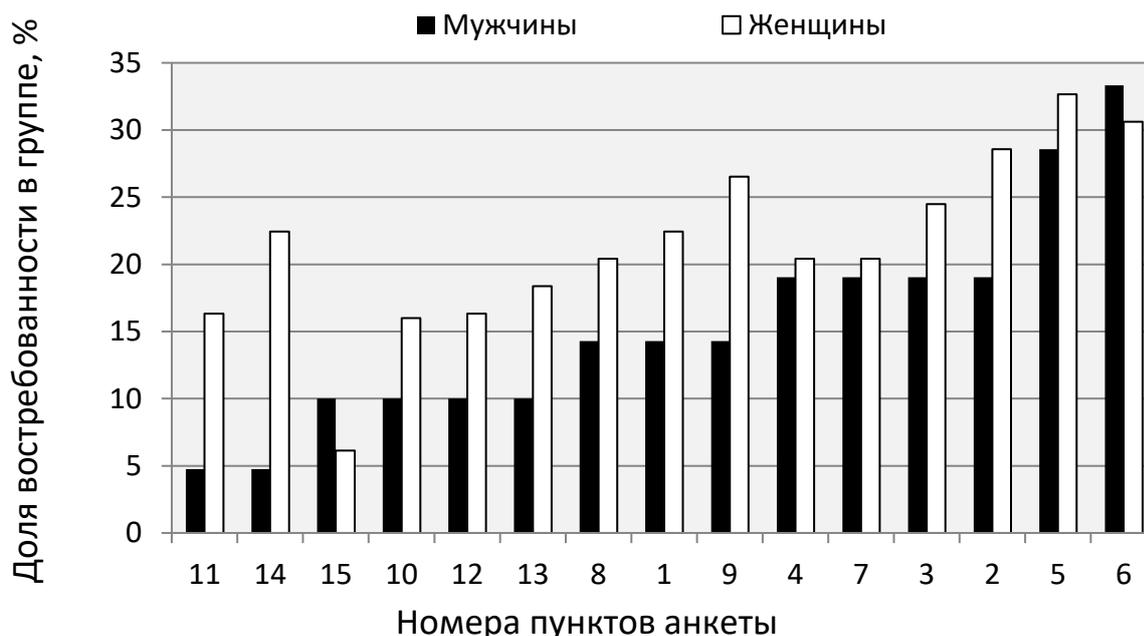

Рис. 2– Частоты наиболее нужных направлений повышения квалификации

Не подтверждено различие в отношении к срочной востребованности владения технологиями, представленными на правом конце вариационного ряда, начиная с № 4, а именно: к использованию табличного процессора для обработки больших массивов данных; к умению подготовить комплекс ЭОР для ДО; к владению каким-либо языком программирования для создания автономных ЭОР; к умению проектирования обучающих программ для offline обучения с помощью ИС для создания ЭОР. Обращает внимание срочная востребованность в обеих группах изучения какого-нибудь языка программирования. Этого хотят более 30 % респондентов в каждой группе, что косвенно говорит, что преподавателей не в полной мере удовлетворяют существующие платформы. Также в обеих группах велика доля крайней необходимости формирования умений подготовки комплекса электронных образовательных ресурсов для дистанционного обучения, что вполне объясняет сложившаяся ситуация в образовании с внедрением новых образовательных технологий. Однако на основе анализа учебных программ, которые предлагают преподавателям учреждения и факультеты повышения квалификации, можно сделать вывод, что эти два направления представлены не в равной мере. Предпочтение отдается технологиям проектирования ЭОР для дистанционного обучения с использованием стандартных платформ. Это ограничивает возможности для творчества в педагогической практике. Кроме того, создание и использование автономных ЭОР могло бы компенсировать нестабильную работу интернета, с чем сталкиваются в настоящее время преподаватели.

Несколько слов о технологиях №15, выбор которых возложен на самих слушателей. Респондентам было предложено написать названия тех программ/технологий из непредставленных в списке, которые им необходимы на данный момент. Откликнулись не все. Некоторые слушатели (преимущественно мужчины) заявляли по 2 и более программ, при этом программы частично повторялись. Обращаем внимание, что средние баллы и частоты по этому пункту вычислены с использованием числа слушателей, сделавших заявку, а не числа заявленных программ. По среднему баллу этот пункт анкеты занял первое место в вариационном ряду (см. рис. 1), по частоте также отметился на левом конце возрастающего вариационного ряда частот (см. рис.2). Различие между частотами №15 в группах мужчин и женщин статистически не подтверждены.

Интерес представляет различие в технологиях, которые необходимы слушателям раз-

ных гендерных групп. Женщинами были сделаны следующие заявки (копируем в редакции респондентов с нашими комментариями в скобках): обработка данных опроса для диссертации; экономический расчет; статистическая обработка в Excel; Online Test Pad; 1 С Бухгалтерия; Archicad (программный пакет для архитекторов, основанный на технологии информационного моделирования); создание увлекательных презентаций для дисциплины. Мужчины заявили потребность в изучении следующих продуктов и технологий: Canva (онлайн редактор для создания и обработки мультимедийного контента); редактирование текста в межплатформенном формате электронных документов PDF и с помощью технологии представления и хранения документов DjVu; Ansys (комплексное программное обеспечение для инженерного анализа и численного моделирования, используемое для виртуального тестирования и прогнозирования работы различных физических процессов); Компас-3Д (система трёхмерного проектирования для создания 3D-моделей, чертежей и конструкторской документации в различных отраслях); ANSYS CFX (программное обеспечение для вычислительной гидродинамики, предназначенное для моделирования течения жидкостей, тепло- и массопереноса, а также для проектирования турбомашин, таких как насосы, турбины и компрессоры); Fluent (Ansys Fluent CFD – программное обеспечение для вычислительной гидродинамики (CFD), предназначенное для моделирования потоков жидкостей и газов, а также тепло- и массопереноса); Dynamic (может относиться к Microsoft Dynamics 365, набору бизнес-приложений с функциями CRM и ERP, или к другим программам, например, «Dynamic Signal» для внутренней коммуникации, «Dynamic View» для управления данными в Smartsheet, или «Dynamic ERP», приложению для бизнеса в Google Play. Без дополнительного контекста, наиболее распространенный вариант – это Microsoft Dynamics 365). Заявок на изучение искусственного интеллекта не поступало.

Анализ перечисленного позволяет сделать вывод, что мужчины более конкретны в своих желаниях повышения квалификации и предпочитают более сложные профессиональные продукты.

Итак, на основе анализа данных анкетирования нами проанализированы гендерные особенности отношения к информационным технологиям и их психолого-педагогическим приложениям среди преподавателей вузов. Обнаружено, что женщины в большей мере нуждаются в повышении квалификации. Обозначены технологии, по которым существует различие на

уровне статистической тенденции ($p \leq 0,1$), а также статистически достоверное различие по отношению к технологии обработки данных тестирования и интерпретации результатов ($p \leq 0,05$). Мужчины более конкретны в своих запросах и хотели бы изучать более сложные профессиональные продукты.

Результаты исследования могут быть использованы при проектировании программ повышения квалификации и оптимального формирования групп слушателей.

Литература

1. Cyberpsy. Войскунский А.Е., Митина О.В. Мужчина и женщина в Интернете: гендерные реалии и стереотипы. URL: https://cyberpsy.ru/articles/gender_internet/ (дата обращения: 12.12.2025).
2. Cyberpsy. Арестова О.Н., Войскунский А.Е. Исследование половых различий при работе с Интернетом на примере российских пользователей. URL: https://cyberpsy.ru/articles/arestova_vojksunskij_gender_internet_users/ (дата обращения: 12.12.2025).
3. Воронина Н.С. Гендерный аспект цифрового неравенства в России: результаты эмпирического анализа // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32, № 3. С. 52-74. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-52-74. EDN: CGOUIH.
4. Варламова Ю.А. Межпоколенческий цифровой разрыв в России // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31, № 2. С. 51-74. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74. EDN: LMITQU.
5. Медведева Е.И. Крошилин С.В. Новые медицинские технологии: гендерные различия восприятия телемедицины // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2023. № 3. С. 79-86. DOI: 10.25742/NRIPH.2023.03.013. EDN: GLGIQC.
6. Птицына Н.А. Освоение пожилыми людьми компьютерной грамотности: гендерный аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4(52). С. 81-89. EDN: YWGMVV.
7. Шмарион Ю.В., Землянская А.В. Гендерные и возрастные аспекты цифровой социализации студентов регионального гуманитарного вуза // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48, № 3. С. 483-496. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-483-496. EDN: SLLLZT.
8. Дмитриев М.Е., Сережкина А.Е. Сравнительный анализ отношения к дистанционному обучению в гендерных и возрастных группах преподавателей технологического университета // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021. Т. 2, № S (80). С. 60-64. EDN: QPCHFR.
9. Сережкина А.Е. Дмитриев М.Е., Дмитриева Л.М. Сравнительный анализ интеллектуального отношения к информационным технологиям аспирантов гуманитарной и химико-технологической направленности // Управление устойчивым развитием. 2019. № 5(24). С. 109-114. EDN: APHOTR.
10. Balasa K.A., Dumagay A.H., Alieto E.O., Vallejo R.G. Gender and Age Dynamics in Future Educators' Attitudes toward AI Integration in Education: A Sample from State-managed Universities in Zamboanga Peninsula, Philippines // Seminars in Medical Writing and Education. 2025. Vol. 4. P. 668. DOI: 10.56294/mw2025668. EDN: UZVANE.
11. Сережкина А.Е. Исследование потребности преподавателей вузов в профессиональном повышении квалификации по цифровым информационным технологиям // Управление устойчивым развитием. 2025. № 2(57). С. 97-101. DOI: 10.55421/2499992X_2025_2_97. EDN: EGKWFK.

References

1. Cyberpsy. Vojksunskij A.E., Mitina O.V. Muzhchina i zhenshchina v Internetete: gendernye realii i stereotipy. URL: https://cyberpsy.ru/articles/gender_internet/ (date of access: 12.12.2025).
2. Cyberpsy. Arestova O.N., Vojksunskij A.E. Issledovanie polovyh razlichij pri rabote s Internetom na primere rossijskih pol'zovatelej. URL: https://cyberpsy.ru/articles/arestova_vojksunskij_gender_internet_users/ (date of access: 12.12.2025).
3. Voronina N.S. The gender aspect of the digital divide in Russia: findings from an empirical study. Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 2023. Vol. 32, No. 3. pp. 52-74. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-52-74. EDN: CGOUIH.
4. Varlamova Yu.A. The intergenerational digital divide in Russia // Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 2022. Vol. 31, No. 2. pp. 51-74. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74. EDN: LMITQU.
5. Medvedeva E.I. Kroshilin S.V. New medical technologies: gender differences in the perception of telemedicine. Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko. 2023. No. 3. pp. 79-86. DOI: 10.25742/NRIPH.2023.03.013. EDN: GLGIQC.

6. Ptitsyna N.A. Computer literacy acquisition by the elderly: gender perspective. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences. 2018. No. 4(52). pp. 81-89. EDN: YWGMVV.
7. Shmarion Yu.V., Zemlyanskaya A.V. Gender and age aspects of digital socialization of students of a regional humanitarian university. Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. 2023. Vol. 48, No. 3. pp. 483-496. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-483-496. EDN: SLLLZT.
8. Dmitriev M.E., Serezhkina A.E. Comparative analysis of attitudes towards distance learning in gender and age groups of teachers of technological university. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i social'no-ekonomicheskikh nauk. 2021. Vol. 2, No. S (80). pp. 60-64. EDN: QPCHFR.
9. Serezhkina A.E., Dmitriev M.E., Dmitrieva L.M. Comparative analysis of intellectual attitude towards information technologies of postgraduate students of humanitarian and chemical-technological orientation. Managing Sustainable Development. 2019. No. 5 (24). pp. 109-114. EDN: APHOTR.
10. Balasa K.A., Dumagay A.H., Alieto E.O., Vallejo R.G. Gender and Age Dynamics in Future Educators' Attitudes toward AI Integration in Education: A Sample from State-managed Universities in Zamboanga Peninsula, Philippines // Seminars in Medical Writing and Education. 2025. Vol. 4. pp. 668. DOI: 10.56294/mw2025668. EDN: UZVANE.
11. Serezhkina A.E. Research on the needs of university teachers in professional advanced training in digital information technologies // Managing Sustainable Development. 2025. No. 2(57). pp. 97-101. DOI: 10.55421/249992X_2025_2_97. EDN: EGKWFK.

Сведения об авторе:

©**Сережкина Анна Евгеньевна** – кандидат психологических наук, доцент кафедры профессионального и педагогического образования, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: all-self@mail.ru.

Information about the author:

©**Serezhkina Anna Evgenievna** – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Professional and Pedagogical Education, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: all-self@mail.ru.

Все статьи поступили в редакцию до 15.02.2026

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2026 №1 (62)

январь-февраль

Ответственный за выпуск и оригинал-макет – С. А. Алексеев

Свободная цена

Подписано в печать 27.02.2026

Дата выхода в свет 27.02.2026

Бумага офсетная

15,0 уч.-изд. л.

Печать цифровая

Тираж 200 экз.

Формат 60×84 1/8

13,95 усл. печ. л.

Заказ 9/26

Офсетная лаборатория Казанского национального
исследовательского технологического университета

Адрес редакции, издательства и типографии: 420015, г. Казань, ул. К Маркса, 68